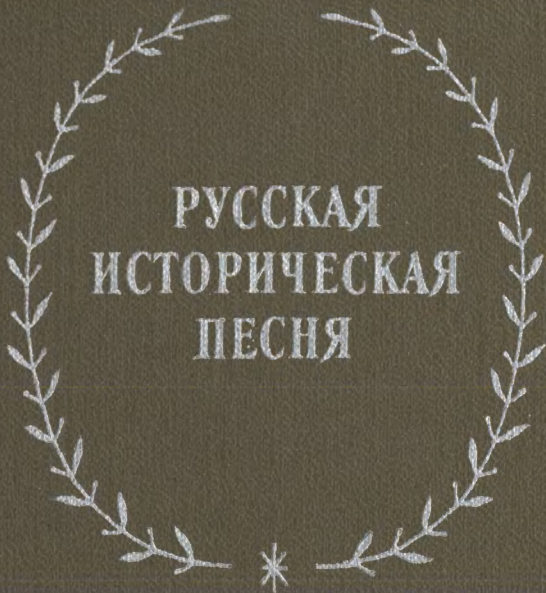

РУССКАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПЕСНЯ

БИБЛИОТЕКА
ПОЭТА

РУССКАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
ПЕСНЯ

**БИБЛИОТЕКА
ПОЭТА**

**Основана
Максимом Горьким
в 1931 году**

МАЛАЯ СЕРИЯ
ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

**РУССКАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
ПЕСНЯ**

*

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ 1990

ББК 84.Р7
Р88

Редакционная коллегия

Ю. А. АНДРЕЕВ

(главный редактор)

И. В. АБАШИДЗЕ, А. Н. БОЛДЫРЕВ,
Р. Г. ГАМЗАТОВ, Н. С. ГИЛЕВИЧ,
М. А. ДУДИН, А. В. ЗАПАДОВ,
М. К. КАНОАТ, Д. С. ЛИХАЧЕВ,
А. М. МАЛДОНИС, А. А. МИХАЙЛОВ,
Л. М. МКРТЧЯН, Б. И. ОЛЕЙНИК,
А. И. ПАВЛОВСКИЙ

*Вступительная статья,
составление и примечания*
Л. И. ЕМЕЛЬЯНОВА

Редактор Л. С. Гейро

Р $\frac{4702010102-298}{083(02)-90}$ 426—90

ISBN 5-265-01488-8

© Л. И. Емельянов, вступительная статья, составление и примечание, 1990 г.

© Издательство «Советский писатель», 1990 г.

Исторические песни

Есть проблемы, о которых говорят, что чем проще они кажутся, тем сложнее оказываются. К их числу, несомненно, относится и многое из того, что связано с изучением русской исторической песни.

Что она собою представляет, каковы ее основные отличительные признаки в сравнении, скажем, с былинной, — на этот вопрос ответить в общем-то не так уж трудно. Каждому понятно, что если песня называется исторической, то уже само это название указывает, что речь в ней, по всей вероятности, идет о каком-нибудь реальном, действительно имевшем место в истории событии. Вряд ли, например, кто-нибудь усомнится в том, что в песнях о взятии Казани отразились впечатления, связанные с победоносными походами Ивана Грозного против Казанского ханства, а в цикле песен о Скопине — воспоминания о знаменитом московском воеводе эпохи Смутного времени князе М. В. Скопине-Шуйском. Также никто не ошибется относительно конкретной адресованности песен о Минине и Пожарском, о Петре Первом, о Ермаке и Степане Разине, о Суворове и Кутузове, о многолетней борьбе донских казаков за Азов, о Северной и Семилетней войнах, о многих и многих других событиях, запечатленных народной поэтической памятью. Словом, русская историческая песня — это своеобразная летопись, история народа, рассказанная самим народом.

Такое определение можно было бы принять без каких-либо оговорок, если бы не одно — и весьма существенное — обстоятельство.

Дело в том, что конкретность отражения, которая была отмечена нами как отличительная особенность именно исторической песни, в определенной степени присуща и другим видам историко-песенного фольклора, в частности, былинному эпосу, получившему богатейшее развитие задолго до возникновения исторической песни и затем на протяжении нескольких столетий существовавшему рядом с нею. Конечно, реалии той или иной эпохи опознаются или угадываются в былинах чаще всего с немалым трудом (а в значительной части и вообще судить о них можно лишь предположительно), однако факт остается фактом: былины полны всякого рода исторических соответствий, — и обстоятельство это должно быть так или иначе объяснено.

Объяснений давалось много. И самых разных. Вплоть до того, что былина — это никакой не особый вид историко-песенного фольклора, а, по сути дела, та же самая историческая песня, только сложенная очень давно и потому почти полностью утратившая к настоящему времени конкретные «приметы» своей эпохи. «Между мифическим эпосом и историческим, — утверждал, например, А. Н. Веселовский, — не представляется никакой существенной грани: разница не существует ни объективно, ни для народного сознания, а только субъективно для нас, которым время Ивана Грозного и ближе и понятнее эпохи, которую мы продолжаем называть мифической».¹ И если в былинах конкретная действительность все же «менее ощутительна для нас, то это объясняется просто тем, что эти былины дольше жили в народе и более исказились от пересказов <...>. Тут, стало быть, разница во времени, а не в существенном отличии былины от исторической песни».²

В той или иной форме эта точка зрения заявляет иногда о себе и сегодня. Интересная и, вероятно, далеко еще не исчерпавшая своих возможностей, она, правда, имеет значение преимущественно для изучения былины, отражая определенное понимание эстетической природы былинного эпоса. Однако и применительно к исторической песне с нею приходится все же до известной степени считаться. Ну хотя бы в том плане, чтобы точнее определить время возникновения историче-

¹ Веселовский А. Н. Две варшавских диссертации // «Вестник Европы». 1872. Т. 10. С. 912.

² Там же. С. 907.

ской песни. Действительно, одно дело считать, что былина — это особая форма художественного отражения, стадияльно предшествующая исторической песне, и совершенно другое — полагать, будто в каждой былине «погребена» своя историческая песня и что, следовательно, былина есть лишь последний этап на пути полной «деисторизации» этой песни. В первом случае мы должны будем начать родословную исторической песни примерно с того времени, к которому относятся старшие из имеющихся у нас песен с конкретным содержанием; во втором же случае, как нетрудно убедиться, истоки этой родословной придется искать в глубокой древности. Помня о том, что споры по этому вопросу далеко еще не завершены, большинство исследователей предпочитает все же первый путь. Потому что, как бы ни представлять себе генезис былины, невозможно, однако, отрицать, что былина и так называемая историческая песня в том виде, в каком они дошли до нас, — это все же две разные формы историко-песенного фольклора, воплотившие два разных же типа художественного сознания. И поскольку отличительной чертой одной из этих форм является более прозрачная, более, так сказать, несомненная связь с конкретным фактом, то именно ее, эту самую форму, и называли исторической песней. А ее история, естественно, начинается с песен, в которых связь с фактом легко может быть подтверждена документальными данными.

1

Одна из наиболее ранних песен такого рода — песня о Шелкане.

Уже первый ее исследователь — известный русский филолог К. Ф. Калайдович — отметил ее несомненную связь с тверским восстанием 1327 года против татарского баскака Шевкала.¹ Действительно, характерные реалии этого события опознаются в песне без особого труда.

Шевкал (Чолхан, Щолкан, Шелкан Дюденевич, как именуют его русские летописи) был послан золотоордынским ха-

¹ См.: Калайдович К. Ф. Предисловие ко 2-му изданию сборника Кирши Данилова // Сборник Кирши Данилова. Спб., 1901. С. 211.

ном Узбеком в Тверь в качестве наместника. Придя в Тверь с многочисленным татарским войском, он «выгнал великого князя с его двора, а сам поселился на великокняжеском дворе, исполненный гордости и ярости. И сотворил великое гонение на христиан — насилие, грабеж, избиение и поругание. Люди же городские, постоянно оскорбляемые нехристиами, много раз жаловались великому князю, прося оборонить их. Он же, видя озлобление своих людей и не имея возможности их оборонить, велел им терпеть. Но тверичи не терпели, а ждали удобного времени».¹

Далее «Рогожский летописец», откуда взято это описание, рассказывает о самом восстании. «Удобное время», которого ждали тверичи, наступило внезапно, в результате совершенно рядового и как будто случайного происшествия: 15 августа, поутру, «некий диакон-тверянин, прозвище ему Дудко» повел на водопой лошадь, «татары же, увидев ее, отняли». За дьякона вступились, татары схватились за оружие, «надеясь на свою власть». Но «возмущение» уже началось. «И ударили во все колокола, стали вечем, и восстал город, и сразу же собрался весь народ. И возник мятеж, и кликнули тверичи, и стали избивать татар, где кого поймают, пока не убили самого Шевкала».²

В заключение летописец сообщает, что, узнав о смерти Шевкала, Узбек «зимой послал рать на Русскую землю — пять темников (т. е. 50-тысячное войско.— Л.Е.), а воевода у них Федорчук, и убили они множество людей, а иных взяли в плен; а Тверь и все тверские города предали огню».³

Если сопоставить этот рассказ с песней о Шелкане, то можно заметить, что точек соприкосновения между ними и много и мало. Много — поскольку, повествуя об одном и том же событии, они сходным образом воспроизводят общую историческую канву; мало — ибо, следуя совершенно разным повествовательным целям, представляют это событие тоже совершенно по-разному.

Летописный рассказ, выдержанный в традициях жанра

¹ Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV века. М., 1981. С. 63.

² Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV века. С. 65.

³ Там же.

(летописи), последователен и строг в описаниях и мотивировках. Он не лишен известной сюжетной напряженности, которая создается описанием (впрочем, весьма лаконичным) «великого гонения на христиан», учиненного Шевкалом в Твери. Не успев развиваться до степени драматизма, напряженность эта, однако, формирует в сознании читателя мотив, который позволяет перейти к описанию центрального события — восстания тверитян — и трагического его финала. Обиды, чинимые татарами тверским жителям, делают взрыв народного гнева неминуемым — таков главный конфликт летописного рассказа, такова динамика его развития.

В песне этот конфликт как будто тоже присутствует.

И втапоры млад Щелкан
 Он судьбою насел
 В Тверь ту старую,
 В Тверь ту богатую.
 А немного он судьбою сидел:
 И вдовы-то бесчестити,
 Красны девицы позорити,
 Надо всеми наругатися,
 Над домами насмехатися.

Однако здесь это, собственно, даже не конфликт, а просто эпизод, который, как, впрочем, и весь финал (начиная с появления Щелкана в Твери), производит впечатление информативно-резюмирующего пересказа какой-то более развернутой сцены. Вряд ли, например, случайно, что именно с того момента, когда Щелкан получает наконец Тверь, во всех вариантах песни начинается поразительный разнобой, причем все они обнаруживают признаки большей или меньшей ущербности. Певцы словно не знают, куда дальше вести рассказ, и «продлевают» его то за счет эпизода встречи Щелкана с сестрой Марьей Дудентьевной, которая предает его проклятию за сыноубийство, то посредством совершенно неоправданной контаминации с какою-то странной побывальщиной, то от всей песни вообще остается небольшой фрагмент, вкрапленный в некий былинopodobный текст, где Щелкан и «Везвяк Везвякович» предстают как антиподы былинного богатыря «Вольвы Щеславьевича» (т. е. Вольги Святославича).

Само по себе все это вполне понятно: в устном обращении

песня находилась более шести веков и в ней могли произойти любые изменения. Но для нас в данном случае важно не столько то, каковы были они, эти изменения, сколько то, каких элементов песни они не коснулись или коснулись меньше, чем других.

Даже беглого знакомства с вариантами достаточно, чтобы убедиться, что наиболее постоянными «слагаемыми» сюжета песни являются два — картина татарских поборов и сыноубийство. Именно они — сюжетный центр песни, не подверженный каким-либо изменениям; все же остальное — его легко варьируемая «периферия». Объяснить это можно лишь одним — именно здесь, в этих эпизодах, сосредоточен главный художественный смысл песни или, лучше сказать, ее замысел. А он заключался не столько в том, чтобы отразить ход тверского восстания и какие-то его подробности, сколько в том, чтобы раскрыть жестокую сущность татарщины и создать эпически-обобщенный и в то же время сохраняющий достаточно внятную историческую конкретность образ иноземного поработителя. Потому-то даже в варианте Кирши Данилова, как будто наиболее приближенном к истории, суд и расправу над Щелканом творит, собственно, не народ, не восставший тверской люд, а традиционные, хорошо известные в фольклоре «поединщики», неизменно одерживающие победу в борьбе с наглым и сильным врагом. Под разными именами, отчествами, прозваниями они встречаются, например, в десятках вариантов песни о Кострюке. А в одном из этих вариантов (между прочим, из того же Сборника Кирши Данилова) они даже называются тем же самым именем — Борисовичи.¹ Предлагая ту или иную версию финала, певцы всякий раз как бы ищут возможность чем-то дополнить, углубить обличительную характеристику Щелкана, включить его в традиционный, закрепленный еще древним былинным эпосом, ряд врагов Руси, каковы, например, Батыга, Тугарин, Идолище и т. п.

¹ Ср.: Хотя бы ему голову сломал,
Да любил бы я, пожаловал
Двух братцев родимых,
Двух удалых Борисовичев.

Более ста лет назад знаменитый русский ученый Ф. И. Буслаев пронизательно заметил, что «самые анахронизмы и кажущиеся нелепицы исторической былины заслуживают тщательнейшего наблюдения для изучения того, как принимались народным смыслом исторические факты, как группировались они в его воображении и воспитывали в нем национальное чувство <...>. Что же касается до анахронизмов исторической былины, то <...> они имеют еще более глубокое значение по прямому их отношению к нравственной жизни народа, которая вся состоит из бесчисленного множества преданий, накопившихся от различных времен, вся сложена из анахронизмов, в которых новое со старым сливается в одно органическое целое».¹

Сквозь этот-то «магический кристалл» народного восприятия событий и преломились в песне о Щелкане реальные факты, связанные с тверским восстанием.

2

Песней о Щелкане исчерпываются наши сведения об исторических песнях XIV—XV веков. Ни одного текста, кроме нее, от этого более чем двухсотлетнего периода до нас не дошло.

Чем объяснить этот факт? Случайность ли это, весьма естественная в условиях устного бытования фольклора, или же мы имеем здесь дело с какою-то мрачной закономерностью? На этот вопрос пытались найти ответ многие, однако сделать это никому, кажется, так и не удалось. Да вряд ли он и может быть найден, этот ответ. Ибо говорить о каких-либо закономерностях или случайностях можно, по-видимому, лишь в том случае, если есть достаточно твердая уверенность в том, что имеющийся в нашем распоряжении материал исчерпывающе полон. Такой уверенности у нас конечно

¹ Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Спб., 1861. Т. I. С. 421. Буслаев считал, что между былинной и тем, что мы называем исторической песней, особой разницы не существует. Правда, не в том смысле, что каждая былина была когда-то исторической песней, а в том, что обе они в равной степени вольно обращаются с реальными фактами.

же нет: фольклор в России начал записываться сравнительно поздно, когда многие его пласты уже были утрачены. Ведь если, к примеру, некоторые песни XVII века не были бы тогда же записаны для английского путешественника Ричарда Джемса, то мы бы так о них и не узнали бы.

Так же, по-видимому, следует отнестись и к вопросу об исторических песнях XIV—XV веков. То, что они были, подтверждает песня о Щелкане. Ну а то, что только она одна и дошла до нас,— это уже приходится просто принять как факт.

Сложные и подчас трудноуловимые процессы, протекавшие в историческом и художественном сознании Руси XIV—XV веков, имели один несомненный результат: они подготовили стабилизацию и начало расцвета исторической песни в середине XVI столетия.

Главным обстоятельством, определившим возможность этой стабилизации, было, конечно, объединение Руси, приведшее к созданию единого и сильного Московского государства. Обстоятельство это, по существу, заново сформировало историческое сознание народа, превратив сознание национальной общности в конкретно-историческое сознание государственного единства. Отныне все помыслы и устремления русского человека как бы получали совершенно определенное историческое измерение, являясь реакцией на конкретную обстановку Московского государства и уже по одному этому отражая, фиксируя ее характерные черты.

На развитие художественного творчества это обстоятельство оказало влияние совершенно исключительное — в фольклор, каков бы ни был его жанровый состав (это вопрос особый), пришел конкретно-исторический герой, пришла историческая конкретность эстетических оценок.

Важно подчеркнуть, однако, что этот своеобразный переворот, происшедший в народном художественном сознании, не создал никаких принципиально новых жанров. Природа его — более общего свойства. Сами по себе жанры во многом оставались прежними; изменилась лишь их внутренняя наполненность, их реальное содержание. Конкретный историзм, пронизавший, окрасивший все типы эстетических впечатлений, не отменил самих этих типов. Но, не поколебав их внутренней структуры, он сообщил им некое внешнее единство — единство конкретности отражения, и это явилось причиной того, что все песни, отмеченные этим единством, рассматрива-

ются обычно как единый жанр. Здесь же источник и той неоднократно высказывавшейся мысли, что историческая песня как таковая испытала на себе формирующее воздействие других жанров, в частности лирической песни. Ошибочность этой мысли, на наш взгляд, состоит в том, что смешиваются, отождествляются два принципиально разных явления: множественность жанров, подвергшихся историзации, воспринимается как многообразие поэтических приемов, проявляющееся в рамках единого жанрового целого. Интерпретируемые как разнообразные проявления одного жанра, различные жанры, объективно входящие в состав исторической песни, получают чисто формальное объяснение и не дают представления о тех реальных процессах, которые бы в достаточной мере оправдали это взаимовлияние жанров (будь это в действительности так). В самом деле, почему в XVI веке историческая песня должна была испытать на себе влияние песни лирической? Что стоит за этим фактом, какова его историческая мотивированность? И, главное, чем обогащается наше представление об исторической песне от признания этого факта?

На все эти вопросы невозможно получить ответ, если мы будем рассматривать разнообразие жанров, реально входящих в состав исторической песни, как разнообразие ее поэтических приемов. Только отказавшись от этой неверной предпосылки, только признав, что историческая песня возникла и всегда существовала как обширная совокупность самых разных жанров, отмеченных одним-единственным общим признаком — обращенностью к конкретным явлениям действительности, — только в этом случае мы получим возможность правильно судить о природе и путях развития этого важного вида историко-песенного фольклора.

3

Характерную черту стабилизации исторической песни в XVI веке составляло то, что происходила она на прочной основе поэтических традиций, сложившихся в фольклоре в предшествующие периоды. Процесс историзации сознания хотя и получил уже весьма значительный размах, все же не поколебал еще прежних художественных навыков и не привел, как это случилось несколько позднее, к качественной транс-

формации принципов отражения действительности. В бурном круговороте исторических впечатлений народные певцы долгое еще время продолжают твердо держаться избирательного подхода к фактам, стремясь передать их смысл в полновесных, крупномасштабных художественных образах. Самостоятельный, в известной степени самоцельный интерес к факту — эстетическая инерция, захватившая историко-песенный фольклор в XVII веке и породившая в нем многие кризисные явления, — в XVI веке еще не обнаружился. Этим, вероятно, и объясняется то, что состав историко-песенного фольклора XVI века сравнительно невелик, что народное творчество этого периода развивалось не столько по линии расширения круга тем, сколько по линии углубления, усложнения песенных циклов. Следями этого углубленного художественного понимания, этого стремления к цельности и яркой выразительности формы отмечены почти все исторические песни XVI века.

Проникнутые острым ощущением исторической действительности, живым интересом к реальной конкретности фактов, они сохраняют, однако, верность традиции в том смысле, что не являются пассивным откликом на события, а всегда дают стройную, внутренне завершенную картину, вырастающую на основе яркого и самостоятельного по отношению к факту сюжета.

Убедительный пример в этом смысле — песня о взятии Казани.

В песне отразились исторические впечатления народа, связанные с казанскими походами Ивана Грозного, в частности со вторым походом (1552), завершившимся разгромом одного из последних оплотов татаро-монгольской экспансии на Руси — Казанского ханства. Песня весьма точно передает последовательность событий, правдиво и ярко воспроизводит картину заключительного штурма города, во многих красноречивых подробностях перекликаясь с литературно-историческими памятниками того времени, в частности с известной «Казанской историей». Так, например, она запомнила, что наступление русского войска началось от Свяжска, что под казанские стены были сделаны три подкопа и что на предложение русских о сдаче татары отвечали оскорбительными насмешками. Центральный эпизод песни — столкновение Грозного с пушкарями, по-видимому, вымышлен, хотя можно предположить, что он представляет собой «продолжение» того диалога Грозного с фряжскими «мастерами», который

отражен «Казанской историей»: «Когда же фряги предстали перед ним и увидели его лицо, то пали перед ним и поклонились ему до земли. Царь же, видя, что они достойные мужи и на вид благообразны, рассказал им о крепости города и о стойкости казанцев. Они же ответили ему: «Не печалься, господин царь, мы быстро, за несколько дней, если дашь нам волю, до основания разрушим город, — ведь это наше ремесло, затем и пришли мы, чтобы послужить богу и тебе». Он же, услышав это от фрягов, наполнился радостью и щедро одарил их золотом, и серебром, и красивыми одеждами. И повелевает им срочно приступить к делу».¹

Таким образом, цепко фиксируя конкретные черты факта, послужившего ее основой, песня обнаруживает принципиальную художественную независимость: не теряясь в конкретном многообразии обстоятельств и деталей, сопутствующих этому крупному историческому событию, она сосредоточивает свое внимание на основной, остродраматической ситуации, которая, собственно, одна «держит» все нити действия; все же остальные эпизоды и реальные наблюдения составляют как бы «периферию» сюжета, входя в него более или менее случайно.

Конечно, можно, по-видимому, говорить о том, что степень обобщенности отражения в данной песне значительно ниже, чем, скажем, в былинах, и, очевидно, прав Б. Н. Путилов, говоря, что «эпические сюжеты, в основе которых лежал широкий художественный вымысел, являющийся формой изображения и преобразования действительности, полнее и глубже отражали и обобщали существенные исторические явления»². Но столь же бесспорно и то, что, утратив былую монументальность изображения, историческая поэзия XVI века (в том числе и песня о взятии Казани) не утратила, однако, своей творческой независимости по отношению к фактам, отражала их не иначе как в плане художественной условности и, что особенно важно подчеркнуть, по-прежнему обращалась

¹ Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. М., 1985. С. 495, 497.

² См.: Путилов Б. Н. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI веков. М.; Л., 1960. С. 181.

лишь к тем из них, которые в наибольшей мере поддавались творческой деформации в рамках художественно выразительного сюжета.

4

Если развитие историко-песенного фольклора в XIII—XV веках создало известную поэтическую инерцию, в силу которой традиционные художественные навыки долгое еще время сохранились в исторической песне XVI века, то и новые принципы отражения действительности, окончательно окрепшие в XVI веке, в свою очередь придали развитию исторической песни весьма определенную тенденцию. Заключалась она в том, что художественное внимание народа со временем все больше и чаще обращалось к конкретным историческим фактам, все больше обретая опору в них как таковых.

Именно на этой эстетической основе возникли, скорее всего, песни «Иван Грозный молится по сыне», «Смерть царицы», «Смерть Ивана Грозного», «Иван Грозный под Серпуховом», «Набег крымского хана», «Оборона Пскова от Стефана Батория», «Смерть Михайлы Черкашенина». Все эти песни представляют собой отклики на конкретные исторические факты (масштаб фактов для нас в данном случае безразличен), причем в реакции на факт заключено все их содержание. Это, разумеется, не означает, что песня становится хроникой, что она стремится к точному воспроизведению факта. Факт, как и прежде, как и всегда, может отражаться в ней в любом аспекте. Песня может даже вообще не использовать его сколько-нибудь значительных черт. Но при всем том факт теперь является, так сказать, эстетическим центром песни, и это в сильнейшей степени сказывается на всей ее композиции. Стремясь выразить свое впечатление от факта, свое отношение к нему, певцы часто довольствуются лишь приблизительным его обозначением, и все повествование сводится либо к своеобразному лирическому самовыражению, либо к весьма статичному описанию события («Иван Грозный молится по сыне», «Набег крымского хана» и др.). Четкого сюжета, ярко характерного слитка конкретных представлений, способного поддерживать собственно художественный интерес независимо от позднейших переосмыслений реальной кон-

кретности, легкой в основу песен, здесь очень часто нет. Это обстоятельство играет большую роль в исторической судьбе песни. Не имея в своем составе элементов, способных поддержать художественный интерес, при том, что значение исторических элементов становится для последующих поколений все менее ощутимым, песня лишается внутренней устойчивости и становится открытой для всевозможных переосмыслений, замещений и т. п. Не находя сюжетной опоры в реальном факте, песня нередко стремится связать его с ходячими сюжетными штампами или с фабульными конструкциями других исторических песен.

Так возникает известное противоречие между очевидной тенденцией исторических песен ко все более широкому охвату исторических явлений и возможностью ее реализации в условиях устной традиции. Все более усиливающаяся историзация сознания делает предметом поэтического интереса все больший круг реальных ситуаций, но фольклор часто словно не успевает за этим процессом в том смысле, что в нем нет необходимых условий для устойчивого существования многих песен. Те из песен, которые, являясь реакцией на определенные факты, обладают вместе с тем достаточной художественной самостоятельностью, обнаруживают гораздо большую устойчивость и независимость от позднейших переосмыслений. Сильная сюжетная основа в них в значительной степени ограничивает и затрудняет процесс выветривания исторически характерных черт. Что же касается тех песен, которые, не «успев» сложиться в достаточно характерный художественный организм, являются лишь «односложной» реакцией на событие, то в них-то и проявляется с особенной очевидностью противоречие, о котором говорилось выше.

Как уже отмечалось, песен подобного типа в XVI веке было создано сравнительно немного. Основной массив песен XVI века прочно связан с традицией, с художественными заветами прошлого.

Поворот наметился на грани XVI и XVII веков. Вызревая постепенно, как бы исподволь, он проявился сразу же с большой силой. Всего лишь каких-нибудь двадцать с небольшим лет отделяют первые известные науке песни XVII века от «последней» песни века предыдущего. Но какие перемены! Эпическая монументальность старших песен, подчеркнутая обстоятельность их поэтического строя — всего этого почти не

видно в песнях XVII столетия. Зато неизмеримо вырос тематический кругозор песен, резко усилилось их публицистическое звучание. Песня стала энергичнее, острее, восприимчивее. Столь крутые перемены не случайны. Уже самое начало XVII века ознаменовалось бурными событиями, имевшими огромные исторические последствия. Польско-шведская интервенция, крестьянская война под руководством Ивана Болотникова, народные ополчения, борьба партий и государств, религиозные и классовые битвы — такова была социально-политическая атмосфера XVII века. Все эти события в сильнейшей степени активизировали народную идеологию, и это, конечно, не могло не отразиться на ее художественных проявлениях.

Историческая песня продуктивно развивалась на протяжении всего XVII века. Однако легко заметить, что развитие это было отнюдь не равномерным. Можно выделить по крайней мере два периода, в которые оно приобретало наиболее интенсивные формы: период национально-освободительной борьбы против иностранной интервенции и период Второй крестьянской войны под руководством Степана Разина. С этими двумя периодами связаны два наиболее значительных слоя песен XVII века. Есть, правда, еще и третий слой — песни так называемого «азовского цикла», но связывать его с каким-либо определенным историческим периодом вряд ли возможно: отражая многолетнюю борьбу казаков с турками и попутно впитывая в себя мотивы пограничных стычек казаков с их степными соседями, этот песенный слой уходит своими корнями в более ранние эпохи, а с другой стороны, многое воспринимает и от эпох позднейших. «Азовская тема», приобретшая в XVII веке особую актуальность, лишь выявляет, таким образом, материал, который пришел в XVII век из других эпох и подвергся определенной обработке.

К первой из отмеченных групп песен можно отнести 12 сюжетов, получивших отражение в 85 вариантах. Сюда входят «Смерть царевича Дмитрия» (2 варианта), «Борис Годунов» (1 вариант), «Гришка Отрепьев» (22), «Плач Ксении Годуновой» (2), «Сборы польского короля на Русь» (4), «Тушинский вор» (1), «Скопин-Шуйский» (35), «Поп Емеля» (10), «Василий Шуйский» (2), «Ляпунов и Гужмунд» (1), «Минин и Пожарский» (1), «Поход царя Михаила Федоровича на Астрахань» (2), «Возвращение Филарета» (2). Как можно

заметить, сравнительно небольшая вариативность здесь в значительной мере компенсируется шириной сюжетного диапазона: почти все основные моменты периода Смуты так или иначе отражены в песнях. Это и понятно — песни Смутного времени, складываясь в ходе событий, выполняли агитационную роль. Это была своеобразная художественная публицистика, звавшая на борьбу, отражавшая идеи, представления, взгляды борющихся масс и неизбежно использовавшая в своих целях наиболее распространенные предания, толки и слухи того времени.

Далеко не каждое из этих впечатлений могло дать материал для художественного обобщения. Но певцы и не слишком заботились о художественной форме. Для них важно было вовремя откликнуться на текущие события, поскорее принять участие в идеологической борьбе. И они создавали песни, главное достоинство которых заключалось в их злободневности, в их способности поэтически узаконить, утвердить народные оценки и воззрения в отношении тех или иных исторических событий. Потому в песнях этого времени мы часто не находим ни четкого сюжета, ни последовательности в развитии действия, ни сколько-нибудь значительной детализации. Эпическая обстоятельность в них сменяется патетической декламацией, лирической устремленностью, драматизм действия — остротой и напряженностью чувств. Таковы, например, песни «Смерть царевича Дмитрия» и «Борис Годунов». В них нет никакого сюжета, никакого действия. Они просто перечисляют события на Руси после смерти царя Федора Ивановича, давая остротенденциозный «очерк» царствования Бориса Годунова, и эта концепция, собственно, и составляет внутреннюю цель песен. Образ Годунова (если здесь вообще уместно говорить об образе) создается исключительно публицистическими средствами. Конкретного «показа» нет, а есть лишь прямая, категоричная характеристика:

Появилась-то из бояр одна буйна голова,
Одна буйна голова, Борис Годунов сын;
Уж и этот Годун всех бояр-народ надул.
Уж и вздумал полоумный Россеюшкой управлять,
Завладел всею Русью, стал царствовать в Москве.
Уж достал он и царство смертью царя,
Смертью царя славного, святого Дмитрия-царевича.

Не случайно тут же песня говорит о возмездии:

Как услышал то Борис, злу возрадовался.
Уж и царствовал Борис ровно пять годов;
Умертвил себя Борис с горя ядом змейным,
Ядом змейным, кинжалом вострым.¹

Не изменяют общему публицистическому тону и те варианты, которые дают образно-символическое изображение убийства Дмитрия. Классическая символика (битва сокола с коршуном) выступает здесь в качестве развернутой характеристики Годунова и Дмитрия, подчиненной все той же публицистической цели. Конкретного изображения здесь опять-таки нет, а есть прямая оценка событий, нарочито «нанизанных» в целях прямого обличения Годунова. Характерно, что и данные варианты, как и предыдущий, сразу же переходят к изображению возмездия:

Царил же он, злодей, ровно семь годов.
Не вихрь крутит по долинушке,
Не седой ковыль к земле клонится,
То идет грозный божий гнев
За православную Русь:
И погиб Коршун на гнезде своем,
Его пух прошел по поднебесью,
Проточилась кровь на Москве-реке.²

В той же эстетической тональности — прямая характеристика и оценка события — выдержаны и многие другие песни: «Плач Ксении Годуновой», «Василий Шуйский», «Ляпунов и Гужмунд», «Минин и Пожарский», «Возвращение Филарета», а также один из самых ранних вариантов «Скопина». Особенно показателен последний. Он свидетельствует, что хотя слух о загадочных обстоятельствах смерти знаменитого воеводы М. В. Скопина-Шуйского распространился в

¹ Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. VII. М., 1870. С. 1—2.

² Архив Карельского научно-исследовательского института культуры; рукоп. хранение Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ф. 125 (П. В. Киреевского), п. 48, № 1.

народе, несомненно, очень быстро и в дальнейшем послужил материалом для одной из лучших исторических баллад XVII века (об этом ниже), однако вначале народная поэзия реагировала на это событие более непосредственно, более, так сказать, «односложно»: в песне отражено впечатление, произведенное смертью Скопина.¹ Не стремясь ни к какой сюжетной стройности, певцы как бы характеризуют это событие с разных точек зрения. Скорбные плачи «московских гостей» и «свечких немцев» оттеняются злорадной усмешкой князей Мстиславского и Воротынского. В этом противопоставлении заключена возможность драматической ситуации, острого сюжета, но возможность эта здесь не используется. Песню определяет тон непосредственного лирического отклика.

Такая форма отражения действительности имела свои преимущества: позволяя быстро откликаться на многообразные явления и запросы текущего дня, она делала поэзию хорошим средством политической ориентации и повышала ее роль в идеологической борьбе. Но, как мы уже отмечали, столь бурное расширение тематического диапазона нередко шло в ущерб художественной глубине. Не успевая сложиться в крепкий художественный организм, многие песни, по-видимому, не пережили породившего их времени. Не случайно, например, что песни именно этого типа почти не дают вариантов и не порождают циклов.

Так, песни о народных ополчениях 1611—1612 годов известны каждая всего в одной записи. «Возвращение Филарета», «Василий Шуйский» — в двух, а что касается «Плача Ксении Годуновой» и «Скопина» (вариант Ричарда Джемса), то они и вообще не оставили в народной поэзии ни малейшего следа.

Песен подобного типа было, конечно, много. Можно думать даже, что они были господствующей формой историко-песенного фольклора в указанный период.

Однако историческая поэзия развивалась не только в этом направлении. Очень часто не находя достаточно четких и оригинальных форм, она вместе с тем всегда стремилась

¹ С и м о н и П. К. Великорусские песни, записанные в 1619—1620 годах для Ричарда Джемса на крайнем севере Московского царства (Памятники старинного русского языка и словесности, вып. 11). Спб., 1907. С. 2—4.

максимально использовать все те особенности явлений, которые могли дать материал для построения характерного сюжета. Несомненные следы этих поисков видны, например, в песнях о Гришке Отрепьеве. Сохраняя отчетливую публицистическую направленность, эти песни с особым интересом останавливаются на нескольких характерных эпизодах, которые, сгущая, конденсируя публицистическую мысль, укрепляют вместе с тем сюжетную основу песен. Эпизоды эти — речь матери царевича Дмитрия и подчеркнуто вызывающее поведение самозванца в Москве.

На вешней праздник Николин день
В четверг у расстриги свадьба была,
А в пятницу праздник Николин день
Князи и бояра пошли к заутрени,
А Гришка-расстрига он в баню с женой.
На Гришке рубашка кисейная,
На Маринке соян хрущето́й камки.
А час, другой поизойдучи,
Уже князи и бояра от заутрени,
А Гришка-расстрига из бани с женой.

Особенное внимание привлекает последний эпизод. Он служит главным опорным пунктом сюжета, и именно в его интересах идет процесс внутренней художественной концентрации в песне в последующие времена. Свободно варьируясь во всех «периферийных» эпизодах и деталях, песня неизменно сохраняет этот центральный эпизод.

Оба эпизода не вымышлены. Факты, отразившиеся в них, имели место в действительности и несомненно вызывали большой интерес у современников.¹

Конечно, песня по-своему перегруппировывает факты — разделенное во времени она сводит воедино, в условном «времени сюжета», — и мы указываем на эти реалии вовсе не с тем, чтобы вновь обсуждать традиционный вопрос об отношении песни к факту. Приведенные примеры нужны нам единственно для того, чтобы показать, что исторические песни этого времени, сохраняя свою публицистическую направленность, учи-

¹ См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1960. С. 455.

тивали характер фактов и использовали малейшую возможность найти в них сюжетную опору.

Еще больший интерес в этом плане представляет самая распространенная версия песни о Скопине.

Вскоре после смерти М. В. Скопина-Шуйского была сложена песня, которая представляла собой лишь краткий лирический отклик на это трагическое событие. Ярко выражая народное отношение к нему, рисуя живую картину общенародного горя, песня, однако, не объективировала еще самого факта. Конкретное его содержание оставалось за пределами песни.

Между тем характер этого факта был таков, что долгое еще время он продолжал обсуждаться современниками, давая пищу для самых разнообразных слухов и толков.

23 апреля 1610 года на крестинах у князя И. М. Воротынского Скопин заболел и, проболев две недели, умер. В народе пошла молва, будто Скопин отравлен своим дядей Дмитрием Шуйским, завидовавшим его славе. Как на непосредственную отравительницу указывали на жену Дмитрия Шуйского Екатерину, которая была дочерью Малюты Скуратова. Говорили о причастности к отравлению даже самого царя В. И. Шуйского. «Глаголют бо нецыи, яко отравлен бысть от царя Василия зависти ради...».¹

Эти представления, естественно, отразились и в народной поэзии. По-видимому, одновременно с песней, о которой мы только что говорили, начали складываться также песни, рисующие обстоятельства гибели Скопина в соответствии с приведенным пониманием этого события.²

Особенности художественной формы этих песен, равно как и особенности исторической жизни сюжета в последующие времена, объясняются прежде всего характером самого фак-

¹ Повесть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского // Русская историческая библиотека (в дальнейшем — РИБ). Спб., 1909. Т. XIII. С. 683.

² Помимо свидетельства голландца Геркмана (Сказания Массы и Геркмана о Смутном времени в России. Спб., 1874. С. 315), о существовании таких песен говорит «Писание о преставлении и погребении князя Михаила Васильевича Шуйского, рекомого Скопина» (РИБ. Спб., 1909. Т. XIII), памятник 1612 года, который в эпизоде отравления Скопина на пиру если не пересказывает песню, то, во всяком случае, стилистически на нее опирается.

та, послужившего основой песен. В самом деле, версия об отравлении героя на пиру завистниками, да еще при участии дочери Малюты Скуратова, балладна уже сама по себе. Поэтому не удивительно, что песня и возникла как баллада, и в дальнейшем, в процессе своего развития, обнаруживала тенденции, характерные прежде всего для баллад: так, если в варианте Кирши Данилова дочь Малюты Скуратова подносит Скопину чашу отравленного меда по наущению завистников-бояр, то в позднейших вариантах конфликту Скопина с отравителями придается уже частный характер. Стремясь до конца вывить балладные возможности сюжета, позднейшие певцы заменяют исторические мотивировки мотивировками сугубо частными и вводят дополнительные эпизоды и оттенки, которые придают сюжету еще более балладное звучание (предостережение матери Скопина, похвальба Скопина любовными победами, месть оскорбленной женщины).

Таким образом, возникнув на основе конкретного факта, используя его реальные компоненты для построения остро-драматического сюжета, песня обретает необходимую сюжетную опору и в дальнейшем получает возможность развиваться независимо от исторического содержания сюжета. Исторический факт, давший первоначально развитие песне, постепенно в ней угасает, и основным регулятором дальнейшего развития становится художественная «формула» этого факта — то есть сюжет как таковой. Эта особенность песен о Скопине, вообще характерная для лучших произведений историко-песенного фольклора, лишний раз говорит о том, что историческая песня XVII века развивалась не только вширь, но и вглубь, что песни, охватывая все более широкую сферу исторических явлений, стремились максимально использовать их потенциальные сюжетные возможности и что, следовательно, в формировании песни как оригинального художественного целого большая часть принадлежала характеру самого факта. От характера факта зависел не только жанр песни, но и ее историческая судьба. Факты «статичные», не заключающие в себе потенциальных «сюжетных» возможностей, вызывали лишь односложный лирический отклик, и такая песня, не имея «узлов», способных поддерживать собственно художественный интерес, разрушалась и забывалась по мере того, как историческое впечатление, давшее ей жизнь, теряло свою актуальность. И наоборот — те факты, которые заключали в себе элементы острой драматической ситуации,

давали песне характерный сюжет, интересный сам по себе, и этот сюжет стимулировал дальнейшее развитие песни независимо от переосмыслений, которым подвергалось собственно историческое содержание. (Характерно, что именно песни с ярко выраженным сюжетом дают наибольшее количество вариантов.) К тому же нетрудно заметить, что и реальные исторические черты, «впаянные» в крепкий сюжетный каркас, сохраняются гораздо дольше и в более исторически характерном виде, чем факты, не получившие сюжетного закрепления. Своеобразное напряжение, создаваемое сюжетом, замедляет процесс их выветривания, и многие из них сохраняются до тех пор, пока не разрушается сам сюжет. Факты же, не сплавленные в прочный сюжет, либо забываются — и песня исчезает, либо вступают в реакцию с другими сюжетными формулами, исторически безличными. Примером последнего являются такие песни, как «Взятие Астрахани», «Сборы польского короля на Русь», а позднее «Смерть царя Алексея Михайловича», некоторые варианты «Азова» и др.

5

После Смутного времени в развитии исторической песни наступил период, который можно назвать периодом относительного затишья. Новых сюжетов создается немного, да и те не получают сколько-нибудь заметного развития в вариантах.

Главная тема песен этого периода — различные внешне-политические события. При этом наблюдается та же картина, что и прежде: одни песни просто выражают отношение народа к тому или иному факту, другим удается нащупать в факте характерный сюжетный стержень, третьи накладывают краски реальных событий на грунт старых сюжетных схем. Образцом первых является песня «Рождение царевича Петра», вторых — «Убийство Карамышева», «Царь и бояре решают судьбу Смоленска» и отчасти «Гибель С. Р. Пожарского» и, наконец, третьих — «Русское войско под Смоленском», «Поход на Ригу», «Смерть царя Алексея Михайловича».

То, что во второй трети XVII века новых сюжетов было создано сравнительно немного, не означает, однако, что в развитии исторической песни наступил какой-либо спад. Видимое сужение тематического кругозора песен в значительной мере явилось следствием тех глубоких процессов, которые совер-

шались в это время в историко-песенном фольклоре и которые привели к новой его активизации, к новому подъему в 60—70-е годы.

Первая крестьянская война, совпавшая во времени с национально-освободительной борьбой против польско-шведских захватчиков, была заслонена последней и не оставила поэтому сколько-нибудь заметных следов в фольклоре. Но народные устремления, с нею связанные, народные идеалы и классовые идеи не только не притупились, но приобрели особую актуальность и остроту. Снова, как и в конце XV века, на Дону и Волге собирались ватаги «вольных людей». Снова, как и тогда, звучали призывы «побивати своих бояр». А к концу 60-х годов движение угнетенных масс разрослось в широкую Крестьянскую войну под руководством Степана Разина.

Одна из самых главных особенностей разинского движения состояла в том, что оно как бы соединило в себе все наиболее характерные формы, в которые выливалась борьба народа за свои права, за свободу и социальную справедливость. Извечные столкновения донской «голутьбы» с казачьей верхушкой, с так называемыми «домовитыми» казаками; знаменитые походы «за зипунами» к турецким и персидским берегам, не обходившиеся обычно без конфликтов с царскими воеводами и губернаторами; наконец, широкие народные восстания, завершавшиеся подчас походом на боярскую Москву,— все эти типичные проявления социально-политической борьбы XVI — XVII веков, которые прежде представляли собой лишь разрозненные, замкнутые в самих себе эпизоды, здесь, в разинском движении, соединились в некую единую цепь событий, в сложное и законченное явление, вошедшее в историю под именем Второй крестьянской войны. И это обстоятельство стало еще одним фактором, в сильнейшей степени активизировавшим циклизацию фольклора вокруг имени Разина. В песнях разинского цикла отразились так или иначе все наиболее существенные этапы Второй крестьянской войны — от первых выступлений «голутвенного» казачества на Дону и персидского похода разинцев 1668—1669 годов до решительных сражений с царскими войсками на Волге, до тех важнейших событий, которые знаменовали перерастание сравнительно ограниченного по своему социальному характеру движения (казацкого по преимуществу) в широчайшее народное восстание — в Крестьянскую войну. Опираясь

на традицию, на отстоявшиеся в ней сюжеты и мотивы, которые отражали ситуации, типологически сходные с теми, что предлагала современная действительность, разинский фольклор развернул широчайшую панораму событий, в которой яркая историческая конкретность органически сочеталась с подлинно эпической монументальностью художественного обобщения.

По масштабам обобщения, по широте и многообразию связей с эпической традицией, наконец по характеру тех внутренних творческих процессов, что происходили в разинском фольклоре на протяжении трех столетий, этот фольклор со всеми к тому основаниями может быть назван эпосом, разинским эпосом. Вполне эпическим по своему характеру является прежде всего образ самого Разина. Отразив многие реальные черты своего исторического прототипа — Степана Тимофеевича Разина, — образ этот, по-видимому, уже довольно рано стал обретать характерные эпические контуры, все явственнее обнаруживая черты глубокой типологической общности с известнейшими, любимейшими героями фольклорно-исторической классики — народными заступниками, атаманами донской и волжской вольницы, борцами за народную правду. Все более совпадая, совмещаясь с этим классическим типом народного вожака, все глубже усваивая черты его социально-поэтической «биографии», образ Разина оказывал мощное циклизующее влияние, в сущности, на весь тот фольклор, в котором отражалась социальная борьба, накладывая свою печать на самые разнообразные пласты народной поэзии — от безымянных «удалых» и «разбойничьих» песен до исторических песен о Ермаке и азовских походах. Словом, образ Разина и самое его имя стало своего рода символом, сопутствующим поэзии социального протеста, поэзии бунта и вызова власть имущим.

Наиболее восприимчивым в этом отношении оказался, естественно, тот фольклор, в котором классовый опыт народных масс уже получил определенное выражение. Сюда относятся прежде всего песни ермацкого цикла. Явившись когда-то «поэтическим прологом и спутником крестьянской войны»,¹

¹ См.: Горелов А. А. Исторические песни о Ермаке — поэтический пролог и спутник Первой крестьянской войны в России // «Рус. литература». 1961, № 1.

теперь они стали своеобразным ее эпосом и одновременно — могучим идеологическим оружием во все более усиливающейся классовой борьбе. И в конце 60-х годов, когда развернулась Вторая крестьянская война, эта поэзия «голутвенных» масс явилась прочной основой для выражения новых, теперь уже вполне конкретных, связанных именно с этим временем идей и представлений. Широкие типические картины теперь обрели конкретный исторический колорит, старые сюжеты стали связываться с определенными моментами разинского движения.

Но развитие фольклора пошло еще дальше. Классовый опыт народных масс стал гораздо богаче. Историческая действительность ставила перед ними новые проблемы, для отражения которых идейная и эстетическая основа ермацкого фольклора была слишком узка. Выразив самые общие идейные устремления «вольных людей» и лишь в незначительной степени отразив конкретную реальность самой их борьбы, ермацкий фольклор в новых условиях не мог уже в полной мере отвечать запросам борющихся масс. Новые задачи, новые конфликты, наконец новые события — все это требовало и новых форм выражения. Поэтому в историко-песенном фольклоре 60—70-х годов не только начинается переплавка старого материала, но и создаются новые песни, коренным образом отличающиеся от ермацких. Дело, разумеется, не только в том, что в фольклоре появился новый герой — Степан Разин. Гораздо существеннее то, что впервые в фольклоре классовая борьба народа получила вполне конкретные исторические очертания.

Если пафос ермацких песен состоял в утверждении свободы вольных людей, то разинские песни прямо зовут к борьбе и, что самое главное, показывают эту борьбу в ее исторически конкретных проявлениях. В известном смысле можно сказать, что между ермацкими и разинскими песнями та же разница, что между былинным эпосом и исторической песней. Обобщенное, «идеальное» выражение реальных классовых конфликтов теперь уступает место конкретному отражению действительности, типичная сюжетная формула — конкретной исторической ситуации, эпически монументальный образ — живому реальному герою, хотя и не лишенному идеализации. По-прежнему стремясь к широкому обобщению и часто используя старые типические образы и мотивы, разинские песни наполняют их конкретным содержанием. Песни теперь уже не про-

сто рисуют монументальные картины жизни вольных ватаг, но нередко используют их в качестве экспозиции действия, которое если и не всегда является главным содержанием песни, то во всяком случае значительно конкретизирует обстановку. Так, например, в варианте П. В. Шейна¹ атаман зовет дружину в Астрахань, этот своеобразный «эпический город» разинского фольклора. В других вариантах эта картина служит введением к песне о сынке Разина.²

Но эта «вторичная историзация» ермацких песен сопровождается развитием и собственно разинского фольклора, в котором находят отражение черты, характерные именно для Второй крестьянской войны. Идеологически смыкаясь с ермацкими песнями, разинский фольклор дает остро современную трактовку старых социальных идей и отражает многие характерные моменты разинского движения.

Показательна в этом отношении, например, песня о взятии Астрахани. Изображая Разина как типичного атамана вольных дружин и в ситуации, знакомой нам по ермацким песням (казаки плывут по Волге, стремясь остаться незамеченными), песня вместе с тем раскрывает смысл и характер борьбы разинцев — казаки берут Астрахань и убивают губернатора.

Вообще говоря, при всем том, что разинские песни ярко отразили характерные черты Второй крестьянской войны, сюжетов, сколько-нибудь определенно соотносимых с конкретными ее событиями, почти нет. Песен, о которых можно было бы сказать, что они имеют в виду определенный факт, всего четыре: «Взятие Астрахани», «Поход разинцев на Яик», «Песни разинцев» и «Есаул сообщает о казни Разина». Что же касается остальных песен, то, несомненно опираясь на реальные представления, связанные с именем Разина, и отражая иногда отдельные реальные события, они рисуют обобщенную картину. Значительную роль играет здесь и то, что некоторые представления о Разине очень скоро отлились в типичные сюжетные формулы, своеобразные «locis communi-

¹ См.: Миллер В. Ф. Исторические песни русского народа XVI—XVII веков // Известия Отделения языка и словесности императорской Академии наук. Спб., 1915. Т. 93, № 317.

² Там же. № 322, 327.

пес» разинского фольклора, и в качестве таковых стали переходить из сюжета в сюжет, придавая им тем самым еще большую художественную условность. Таковы, например, мотив неуязвимости Разина в бою, мотив вещего сна, завещание атамана, атаман и девица и т. п. Все они несомненно позднего происхождения, когда конкретные черты образа Разина в значительной степени сгладились, а осталась лишь поэтическая легенда о нем как о великом воине, удалом атамане, эпически монументальном герое.

Особое место в разинском фольклоре занимают песни о «сынке» Разина. Если сам разинский фольклор по количеству записей превосходит весь остальной фольклор XVII века, то варианты «Сынка» составляют две трети самого разинского фольклора. Они распространены повсеместно и записываются собирателями по сей день. Столь необыкновенную их популярность следует объяснить, в первую очередь, конечно, их замечательной художественной выразительностью, емкостью и остротой сюжета, который оказался способным вместить содержание, далеко выходящее за пределы конкретно-исторической действительности, его породившей. По мнению большинства исследователей, историческую основу песен о «сынке» составили реальные факты — действия разинских разведчиков и «парламентеров», которых Разин обычно направлял в города перед тем, как начать их осаду. «Стенька Разин с своими воровскими товарищами пришел с Царицына под Астрахань тайно и умысля воровски посылал к городу товарищей своих говорить, чтобы <...> люди город ему сдали и боярина и воеводу выдали и в город его пустили».¹ В другом документе говорится: «Астраханцы же у него Стеньки ходили в Астрахань для проводывания вестей: как в городе осторожно живут и его, Стеньки, берегутся ли. И те лазутчики, приходя, ему Стеньке и всем казаком сказывали».² Некоторые историки (Аристов, Костомаров) указывают даже на конкретное событие, отраженное, по их мнению, в песне, — казнь одного из разинских разведчиков летом 1670 года в Астрахани, описанную голландским путешественником Стрюсом.³

¹ Крестьянская война. М., 1954. Т. 2. С. 23.

² Там же. Т. 1. С. 255

³ См.: Путешествие по России голландца Стрюса // «Русский архив». 1880, кн. 1. С. 5, 108.

Последнее, конечно, есть не более чем предположение, однако общая интерпретация исторической основы песни представляется в достаточной степени убедительной. Следует, впрочем, учитывать и другое — те исторические обстоятельства, в которых песня бытовала в последующие времена и которые несомненно оказали на нее определенное влияние. Вряд ли, например, могло не сказаться то обстоятельство, что после разгрома разинского движения в народе долго еще жила молва, будто Разин жив, что он еще вернется и что на Волге уже собирает отряды его родной сын Афанасий. Ясно также, что и основная сюжетная ситуация, разрабатываемая в песне, и главный ее герой должны были получить в этих новых условиях и новый смысл, и новую художественную «подцветку». Дерзкое поведение «сынка» на астраханском базаре (не слишком оправданное в случае, если он был тайным лазутчиком), его смелые речи перед губернатором (а в некоторых вариантах и перед самим царем) — все эти мотивы если и не были привнесены в позднейшие времена, то, во всяком случае, были усилены, стали предметом особого художественного интереса именно в последующие эпохи.

6

С разинским движением был связан последний в XVII веке крупный подъем историко-песенного фольклора. В последней трети века в исторической поэзии вновь наступило относительное затишье. Из событий этого времени народная поэзия откликнулась лишь на четыре: рождение царевича Петра, неудачный поход князя В. Голицына в Крым, взятие Азова Петром и стрелецкий бунт 1698 года. В стороне от магистральной линии народной поэзии возник, правда, еще один песенный цикл — песни о Соловецком восстании 1668—1676 годов. Но это был специфический фольклор, возникший в среде старообрядцев и почти не получивший распространения за ее пределами.

Новый период в развитии исторической песни совпал с началом нового столетия.

В истории русского государства XVIII век представляет одну из самых ярких и бурных эпох. Начало его огласилось громом пушек Северной войны, которой Россия начала решительную борьбу за право выхода на широкую международную

арену, за право называться одной из ведущих держав мира. Великие петровские реформы потрясли самые основы народной жизни, вскрыли громадные потенциальные возможности народа, наметили широкие исторические перспективы.

Как всегда в эпохи коренных преобразований, резко проявились все традиции народной жизни — и прогрессивные, и отсталые, — и это придало особую остроту и противоречивость развитию русской истории на протяжении всего XVIII века. Ломка патриархальных порядков, мешавших дальнейшему развитию, и совершенно закономерное сопротивление крайним ее формам, колоссальный патриотический подъем и нараставшее засилье иноземщины, победоносные войны и небывалое обострение классово-борьбы — в этих драматических контрастах крепла и мужала русская нация в XVIII веке.

Все эти явления и процессы вызвали еще большую историзацию народного сознания, что, конечно, не могло не отразиться в фольклоре. И действительно, тематический кругозор исторической поэзии XVIII века во много раз превосходит все, что было достигнуто фольклором в этом отношении во все предшествующие времена.

Система факторов, определивших пути развития исторической песни в XVIII веке, весьма сложна. Поэтому здесь мы остановимся лишь на двух обстоятельствах, которые хотя и не дают исчерпывающего объяснения всем процессам, протекавшим в исторической песне этого периода, но все же позволяют понять главное направление в ее развитии.

О первом из них мы уже говорили. Это — усиление, углубление историзации народного сознания, вызванное особой интенсивностью исторической жизни в XVIII веке.

Второе обстоятельство состоит в том, что в результате петровских реформ в самой, так сказать, структуре среды, создававшей фольклор, произошли серьезные изменения. К ним прежде всего относится образование регулярной армии. В интересующем нас отношении это означало, что огромные массы народа оказались в весьма специфических условиях, которые определили новые формы жизни, новые формы восприятия и, совершенно естественно, новые формы творчества.

Хотя в песнях XVIII века получили отражение и многие события «гражданской» истории, все же историческая песня

этого времени в огромном своем большинстве обращена к истории военной. Это в полном смысле солдатская песня. В ней отчетливо виден русский солдат — вчерашний крестьянин, на долгие годы, а то и на всю жизнь оторванный от дома, солдат, победоносно шагающий по полям сражений и тоскующий по родине, гордый славой русского оружия и осуждающий палочную дисциплину, солдат, любящий и негодующий, беспечно-веселый и глубоко размышляющий о своей тяжелой жизни.

Все эти стороны солдатского мировоззрения и определили особенности русской исторической песни не только в XVIII, но и в XIX веке.

Начиная с XVIII века песни отмечают так или иначе все сколько-нибудь значительные внешнеполитические события, особенно сражения, в которых приходилось участвовать русским войскам. Северная война и походы в Среднюю Азию, многочисленные турецкие войны и Семилетняя война, Отечественная война 1812 года и Восточная война, войны с Персией и на Кавказе — вот далеко не полный перечень событий, получивших отражение в исторической песне. Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что если песни XVII века были художественной публицистикой своего времени, то начиная с XVIII века они стали своеобразной летописью. Понимать это нужно, разумеется, не буквально, не в том смысле, что песни стали давать точное отражение событий, а в том, что внимание их к историческим событиям неизмеримо возросло и в известном смысле приобрело даже характер самоцели. Солдаты создали свой военно-исторический эпос, в котором отражалась каждая победа русского оружия, гордое сознание превосходства над врагом.

Если взять исторические песни XVIII—XIX веков в их совокупности, то нетрудно убедиться, что они верно передают дух эпохи, отражают многие и многие реальные факты и характерные детали тех или иных событий. Однако в каждой отдельной песне таких конкретных черт обнаруживается сравнительно немного. При всем том, что песни стремились к максимальному учету исторических фактов и что исторический факт как никогда приобрел для певцов самостоятельный эстетический интерес, песни очень редко отражают реальную его структуру.

На первый взгляд, объяснить это можно тем, что столь свободное отношение к факту вообще характерно для истори-

ческой песни, что как художественное произведение она вольна обращаться к факту в любом аспекте.

Однако применительно к песням XVIII—XIX веков такое объяснение представляется недостаточным. Не выводя их из-под действия этого общего закона поэзии, можно, думается, указать и более, так сказать, непосредственную причину.

Дело, на наш взгляд, в том, что в основных своих чертах песни этого времени складывались независимо от тех фактов, которые получали в них то или иное отражение. В исторической песне XVIII века был выработан целый ряд своеобразных сюжетных стереотипов, отражающих наиболее типичные ситуации солдатской жизни: выступление армии в поход, объявление войны, приказ солдатам готовиться к походу, различные батальные картины (осада крепости, «скрадывание» вражеских караулов и т. п., похороны военачальника, плачи по умершим царям с обязательной жалобой на современные порядки в армии и т. д.). В рамках этих схем и отражались конкретные факты, часто не принося с собой в песню ничего, кроме своего наименования. Так, в песнях о выступлении в поход солдаты идут против шведов, турок, пруссаков, а в песнях о гибели военачальников упоминается то Суворов, то Румянцев, то Потемкин. То же можно сказать и о многих других песнях.¹

Можно заметить, что эта своеобразная инерция в наибольшей степени проявляется в песнях с лирическим складом. Выражая глубокие раздумья солдата над тяготами его жизни, песни этого типа используют тот или иной факт как непосредственный повод к самовыражению. Оттого реальная конкретность факта в них может и не присутствовать. Для непосредственной цели песни она не нужна, и отсюда возникает воз-

¹ Представление о том, как возникали подобные песни, дает такая, например, сценка из «Войны и мира»: «Барабанщик-запевало обернулся лицом к песенникам и, махнув рукой, затянул протяжную солдатскую песню, начинавшуюся: «Не заря ли, солнышко занималось...» и кончавшуюся словами: «То-то, братцы, будет слава нам с Каменским-отцом...» Песня эта была сложена в Турции и пелась теперь в Австрии, только с тем изменением, что на место „Каменским-отцом“ вставляли слова: „Кутузовым-отцом“» // Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22-х т. М., 1979. Т. 4. С. 152—153.

возможность различных исторических приурочений одной и той же сюжетной ситуации. В этом проявилось одно из следствий усилившейся историзации народного сознания: в теснейшей связи с историческими явлениями оказался сам быт народа и потому обычные бытовые его песни приобрели конкретно-историческое звучание.

В значительно большей мере опираются на реальную конкретность событий песни эпического склада. Так, например, песня о Цорндорфской битве довольно точно передает некоторые реальные черты этого крупного события — гибель «нового корпуса», пленение генерала Чернышева и т. п. Достаточно отчетливо проявляется историческая основа и в песнях о битве при Эрестферах, об осаде Кюстрина, о взятии Берлина и др.

Однако указанная инерция, стремление отразить факт при помощи сюжетного стереотипа, обнаруживается в значительной мере и здесь.

Наиболее характерным примером в этом отношении может служить песня о Чернышеве-пленнике.

Генерал-поручик З. Г. Чернышев, командовавший частью русских войск в Семилетней войне, не пользовался в армии особой популярностью. Об этом, в частности, свидетельствуют песни, не входящие в цикл о Чернышеве-пленнике. Чернышев выступает в них как типичный представитель палочной дисциплины, постоянный солдатский недруг.

В Цорндорфской битве Чернышев попал в плен и был заключен в кюстринскую тюрьму. С точки зрения военной истории, событие это, конечно, имело большое значение. И песня сразу же «забывает» реальные черты Чернышева и изображает его в ситуации, издавна известной в русском фольклоре, — герой в темнице. Никаких конкретных предпосылок для такой ассоциации, разумеется, не могло быть. Песня откликнулась не на пленение Чернышева как такового, а на пленение русского генерала, одного из солдатских военачальников. Потому и оказалось возможным соединение героико-патриотического сюжета с именем, вообще исключаящим такое соединение.

Если, таким образом, старые сюжетные темы могли применяться к явлениям, не созвучным им в идейном плане, то объединение принципиально однородных явлений должно было происходить с тем большей естественностью. И действительно, примеров такого объединения исторические песни

XVIII—XIX веков дают множество. Вспомним хотя бы сюжет «Герой в гостях у неприятельского короля», связывавшийся последовательно с именами Петра I («Петра I узнают в шведском городе»), Краснощекова («Краснощеков в гостях у прусского короля») и Платова («Платов в гостях у француза»).

Случаи такого объединения, накладывания новых исторических красок на старый сюжетный «грунт», конечно, бывали и раньше (Ермак и Разин в Азовской темнице, взятие Азова хитростью или при помощи подкопа, плачи о царях и т. д.). Однако прежде это было скорее исключением, нежели правилом. В основной своей массе исторические песни находили в фактах необходимую сюжетную опору, реальную или вымышленную. Факты «несюжетные» или вызывали «одно-сложную» художественную реакцию, или попросту не получали никакого отражения.

XVIII век принес с собой то новое, что единственным стимулом обращения песни к факту стала историческая значимость последнего. Факты требовали художественной реакции независимо от того, насколько их природа допускала художественное отражение. Народная поэзия как бы ставилась, таким образом, перед необходимостью отражать их любыми средствами. Таких средств в ее распоряжении оказалось всего три: по-прежнему искать достаточно прочной сюжетной опоры в фактах, давать документальное описание факта и отражать факт в рамках старых сюжетных схем.

Что касается первой возможности, то в условиях бурно развивающейся исторической жизни использование ее должно было быть весьма ограниченным. Певцы часто как бы «не имели времени» для того, чтобы полностью выявить сюжетный потенциал фактов, и отражали их наиболее «легким» способом. Все же несколько таких сюжетов было создано. К их числу можно отнести «Допрос пленного майора», «Казаки встречают царя под Шлиссельбургом», «Смерть Лопухина» и др.

В большей мере была использована вторая возможность — статичное описание события. На такой основе построены, например, песни о битве под Красной Мызой, «Взятие Бендер», «Взятие Очакова», огромное большинство песен о Кавказских войнах и многие другие. В них можно найти немало исторически верных деталей (многие из них даже

указывают точную дату события), иногда они поднимаются до известного художественного обобщения, но в целом повествование в них отличается сухостью, очень небольшой степенью изобразительности и шаблонностью (впрочем, нужно иметь в виду, что многие из них были подвергнуты определенной правке со стороны собирателей и публикаторов и, таким образом, дошли до нас с весьма существенными искажениями).

Песни этого типа отличаются наименьшей устойчивостью. Не заключая в себе элементов, способных поддержать собственно художественный интерес у поздних поколений, и в то же время требуя большого напряжения исторической памяти, они быстро забывались или обнаруживали тенденцию к слиянию с более характерными сюжетными схемами. (В устной традиции сохранились, как правило, лишь краткие их редакции.) Именно в этих песнях с наибольшей отчетливостью проявилось то характерное противоречие, о котором говорилось выше,— противоречие между стремлением к полноте исторического отражения и возможностью его осуществления в условиях устной традиции. Безмерно развившись вширь, отразив, зафиксировав живую конкретность реальных событий, историческая песня нового времени утрачивает постепенно большую часть этих своих достижений. Сохранение их в устной традиции становится почти невозможным. Выживают и несут живую правду эпохи лишь песни с отчетливо выраженным самобытным сюжетом. «Внутренняя художественная» концентрация (очень точный термин, предложенный А. П. Скафтымовым), которой совершенно неизбежно подвергается любой сюжет, разрушая многие конкретные детали («периферию сюжета», по выражению того же А. П. Скафтымова), не разрушает, однако, самого содержания, кристаллизованного в сюжете.

Что же касается остальных песен, лишенных самобытного сюжета, то процесс внутренней концентрации оказывается для них губительным. Направление его в таких песнях определяется и регулируется не характером самого сюжета, а факторами, в значительной степени случайными,— выделением в песне какого-либо одного мотива, возможностью связать содержание песни с другим сюжетом и т. д. Так или иначе, но дальнейшее развитие песни происходит не в духе ее содержания, а это приводит в конечном счете к ее распаду.

Таким образом, историческая песня явилась такой формой отражения действительности, реализация всех возможностей которой в условиях устной традиции была просто невысказана. Конкретное историческое впечатление, оформившись в характерный художественный сюжет, могло отражать «правду эпохи» только в том случае, если оно оставалось неприкосновенным в позднейшие времена. И как раз этой-то неприкосновенности и не могла обеспечить сюжетам устная традиция. Внутренняя художественная концентрация, неизбежная в фольклоре, столь же неизбежное взаимодействие сюжета с новыми историческими впечатлениями, наконец всевозможные чисто механические деформации, число и характер которых не поддаются никакому реальному учету, — все эти явления, повторяем, совершенно неизбежные в условиях устной традиции, расшатывали, разрушали историческую основу песни, ослабляли ее художественный потенциал.

Отдельные песни — те, в которых «правда эпохи», живые исторические впечатления были отлиты в характерный, «крепкий» сюжет, — выходили из этого процесса с меньшими потерями. Но закономерность художественного развития народа состояла в том, что возможностей для создания таких сюжетов с течением времени становилось все меньше и меньше: бурно прогрессирующая историзация сознания принуждала реагировать на все более широкий круг явлений, и фольклор все чаще должен был идти на известные художественные жертвы. Отражая явления «односложно», эмпирически-позитивно, песни не обретали основы, способной поддержать художественный интерес в последующие эпохи, а прибегая к «амальгамам» (по выражению В. В. Каллаша), они утрачивали характерную правду конкретного явления. Конкретно-исторический принцип отражения требовал иных, нефольклорных, форм воплощения, форм, которые оградили бы произведения, созданные на его основе, от закономерных и случайных деформаций, возможность (и даже неизбежность) которых заложена в устной традиции.

Вот почему нужно говорить не об «угасании» исторической песни в XVIII—XIX веках, не о том, что эстетические возможности ее оказались исчерпанными, а только о том, что в условиях устной традиции эстетическая эффективность исторической песни становилась с течением времени все более ограниченной. Силы, развязанные в исторической песне, ока-

зались гораздо больше возможностей их использования в фольклоре. Потому, не утрачивая своей исторической необходимости и, больше того, становясь со временем все более закономерной и естественной формой реакции на конкретные явления действительности, историческая песня оказывается все менее способной решать стоящие перед ней задачи. Вопрос о судьбах исторической песни как никогда прежде становится частью вопроса о судьбах фольклора вообще, о сравнительной ограниченности его возможностей в отражении исторической действительности, требовавшей уже новых, более совершенных художественных форм. Совершенных, разумеется, не по степени художественности, а по способности закреплять конкретное своеобразие отражаемых явлений.

Одной из таких форм стала литературная историческая песня, «литературность» которой состоит не столько в том, что автор ее почти всегда известен, сколько в том, что и ее «строительный материал», и принципы его организации в ней отражают уже не коллективный художественный опыт, отложившийся в фольклоре и присутствующий в каждом произведении народной поэзии, а опыт индивидуальный, нуждающийся в литературном способе выражения — и только в нем. Поэтому как бы близка ни была народу та или иная литературная песня, какое бы широкое распространение она ни получила, каким бы изменениям она ни подвергалась в процессе обращения в массах, она остается фактом индивидуального творчества, отразившим индивидуальный художественный опыт, индивидуальную «концепцию действительности».

Традиционная же историческая песня навсегда остается памятником классического русского фольклора, запечатлевшим неповторимые проявления национального художественного сознания.

Мы часто говорим, что народная историческая песня — это ключ к пониманию истории. Это, конечно, так. Но не в том (вернее, не только в том) смысле, что она сохранила многие сведения, факты, подробности, не отраженные письменными источниками. По историческим песням, как и по былинам, историю изучать затруднительно. Зато в этих песнях отражено, воплощено нечто такое, чего не могут заменить никакие, пусть самые подробные исторические описания. В песнях живет само время, их породившее, реальный, живой человек,

современник Ивана Грозного и Петра I, Степана Разина и Суворова, человек эпохи Смутного времени и 1812 года, Азовских походов и крестьянских войн. События, факты, подробности, рассыпанные там и тут в песнях, быть может, мало скажут нашей памяти, нашему знанию, но человек, их современник и их автор, его мировосприятие, его кругозор, строй его мыслей и чувствований — все это, воплощенное в песне с удивительной художественной силой, властно перенесет нас в его время, в его жизнь и скажет нам о многом, о бесконечно многом. Такова тайна народной исторической песни.

Л. И. Емельянов

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ
XIV-XVI ВЕКОВ**

Щелкан

А и деялося в Орде,
Переделялось в большой.
На стуле золоте,
На рытом бархате,
На червчатой камке,
Сидит тут царь Азвяк,
Азвяк Таврулович;
Суды рассуживает
И ряды разряживает,
Костылем размахивает
По бритым тем усам,
По татарским тем головам,
По синим плешам.
Шурьев царь дарил,
Азвяк Таврулович,
Городами стольными:
Василья на Плесу,
Гордея к Вологде,
Ахрамея к Костроме;
Одного не пожаловал —
Любимого шурина
Щелкана Дюдентевича.

За что не пожаловал?
И за то он не пожаловал —
Его дома не случилось,
Уезжал-то млад Щелкан
В дальнюю землю литовскую,
За моря синяя;
Брал он, млад Щелкан,
Дани-невыходы,
Царски невыплаты:
С князей брал по сту рублей,
С бояр по пятидесят,
С крестьян по пяти рублей;
У которого денег нет,
У того дитя возьмет;
У которого дитя нет,
У того жену возьмет;
У которого жены-то нет,
Того самого головой возьмет.
Вывез млад Щелкан
Дани-выходы,
Царские невыплаты;
Вывел млад Щелкан
Коня во сто рублей,
Седло во тысячу,
Узде цены ей нет:
Не тем узда дорога,
Что вся узда золота,
Она тем, узда, дорога —
Царское жалованье,
Государево величество,
А нельзя, дескать, тое узды
Ни продать, ни променять,
И друга дарить,
Щелкана Дюдентевича.

Проговорит млад Щелкан,
Млад Дюдентевич:
«Гой еси, царь Азвяк,
Азвяк Таврулович!
Пожаловал ты молодцов,
Любимых шуринов,
Двух удалых Борисовичев,
Василья на Плесу,
Гордея к Вологде,
Ахрамея к Костроме;
Пожалуй ты, царь Азвяк,
Пожалуй ты меня
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двумя братцами родимыми,
Дву удалыми Борисовичи».

Проговорит царь Азвяк,
Азвяк Таврулович:
«Гой еси, шурин мой
Щелкан Дюдентевич!
Заколи-тко ты сына своего,
Сына любимого,
Крови ты чашу нацеди,
Выпей ты крови тоя,
Крови горячия,
И тогда я тебя пожалую
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двумя братцами родимыми,
Дву удалыми Борисовичи».

Втапоры млад Щелкан
Сына своего заколол,
Чашу крови нацедил,
Крови горячия,

Выпил чашу тоя крови горячия,
А втапоры царь Азвяк
За то его пожаловал
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двумя братцы родимыми,
Дву удалыми Борисовичи.
И втапоры млад Щелкан
Он судьбою насел
В Тверь ту старую,
В Тверь ту богатую.
А немного он судьбою сидел:
И вдовы-то бесчестити,
Красны девицы позорити,
Надо всеми наругатися,
Над домами насмехатися.
Мужики-то старые,
Мужики-то богатые,
Мужики посадские
Они жалобу приносили
Двум братцам родимым,
Двум удалым Борисовичам.
От народа они с поклонами пошли,
С честными подарками,
И понесли они честные подарки —
Злата, серебра и скатного земчуга.
Изошли его в доме у себя,
Щелкана Дюдентевича,—
Подарки принял от них,
Чести не воздал им.
Втапоры млад Щелкан
Зачванился он, загордился,
И они с ним раздорили:
Один ухватил за волосы,

А другой за ноги,
И тут его разорвали.
Тут смерть ему случилась,
Ни на ком не сыскалось.

ВЗЯТИЕ КАЗАНИ

1

О х вы гости, гости званые,
Гости званые, гости браные,
Сказати ли вам, гости, про диковинку,
Про диковинку такую не про маленьку:
Еще как государь-царь Казань-город брал.
Он в овражке простоял — он и кашку расхлебал,
В другом простоял — он другую расхлебал,
Он подкопы копал под Казанку-реку,
Он подвод подводил под Казань-город,
Он подкатывал бочки, бочки дубовые
Как со лютым со злым черным порохом,
Затеплял же он свечу воску ярого.
Татарки-казанки на стене они стояли,
На стене они стояли, <---> показали:
«Еще вот те, государь-царь, Казань-город взять!»
Государево сердечко рассердитовалось,
Приказал он пушкарев казнить-вешать.
Выбиралися в полку люди умные,
Люди умные, люди разумные:
«Ох гой еси, государь-царь Иван Васильевич!
Не приказывай, государь, казнить-вешати,
Прикажи ты, государь-царь, слово выговорить:

На ветру свеча скоро топится,
В захолустьи свеча долго теплится».
Не успел же государь-царь слово выговорить,
Еще начало же Казань-город рвати,
Рвать-порывать, на все стороны кидать,
Татарок-казанок в реку всех бросать.

2

Вы послушайте, ребята, что мы станем говорить,
А мы, старые старушки, станем сказывать
Про Грозна царя Ивана про Васильевича.
Как царь-государь под Казань подступал,
Он под речку под Казанку подкоп подкопал,
Что подкоп подкопал, сорок бочек закопал
Что с тем ли ярим зельем, черным порохом,
А на бочки становили воску ярого свечи.
Злы татарове по городу похаживают,
Похваляются да выхваляются,
Что не быть (дескать) Казанюшке под белым под
царем.

А наш царь-государь распалается,
Распалается, прогневляется,
А назавтра пушкарей он велит всех казнить,
Всех пушкарщиков-зажигальщиков.
Как один пушкарь посмелей всех был:
«А за первое, царь, слово мне нет казни!
А в тиши-то свечи они тише горят,
На ветру-то свечи они шибче горят».
Не успел пушкарь слово вымолвить,
Как и взорвало стену белокаменную,
Поломало все башенки узорчатые.

Вдруг наш царь-государь очень весел стал,
А на утро пушкарей велит жаловати:
И всем пушкарям по пятидесят рублей,
Еще той ли славной улицей Стретенскую.

3

Среди было Казанского царства,
Что стояли белокаменны палаты,
А из спальни белокаменной палаты
Ото сна тут царица пробужалася,
Семиону-царю она сон рассказала:
«А и ты встань, Семион-царь, пробудися!
Что ночесь мне, царице, мало спалосся,
В сновиденьице много виделосся:
Как от сильного Московского царства
Кабы сизой орлища стрепенулся,
Кабы грозная туча подымалась,
Что на наше ведь царство наплывала».
А из сильного Московского царства
Подымался великий князь московски〈й〉,
А Иван сударь Васильевич прозритель,
Со темя ли пехотными полками,
Что со старыми славными казаками.
Подходили под Казанское царство за пятнадцать верст,
Становились они подкопью под Булат-реку,
Подходили под другую под реку под Казанку;
С черным порохом бочки закатали,
А и под гору их становили,
Подводили под Казанское царство;
Воску ярого свечу становили,
А другую ведь на поле в лагере.

Еще на поле свеча та сгорела,
А в земле-то идет свеча тишее.
Воспалился тут великий князь московский,
Князь Иван сударь Васильевич прозритель,
И зáchал канонеров тут казнити,
Что началась от канонеров измена.
Что большой за меньшого хоронился,
От меньшого ему, князю, ответу нету.
Еще тут ли молодой канонер выступался:
«Ты великий сударь-князь московский!
Не вели ты нас, канонеров, казнити:
Что на ветре свеча горит скорее,
А в земле-то свеча идет тишее».
Позадумался князь московски〈й〉,
Он и стал те-то речи размышляти собою,
Еще как бы это дело оттянути.
Они те-то речи говорили,—
Догорела в земле свеча воску ярого
До тоя-то бочки с черным порохом,
Принимались бочки с черным порохом,
Подымало высокоую гору ту,
Разбросало белокаменны палаты.
И бежал тут велики〈й〉 князь московски〈й〉.
На тое ли высокоую гору ту,
Где стояли царские палаты.
Что царица Елена догадалась,
Она сыпала соли на ковригу,
Она с радостью московского князя встречала,
А того ли Ивана сударь Васильевича прозрителя.
И за то он царицу пожаловал
И привел в крещеную веру,
В монастырь царицу постригли.
А за гордость царя Семиона,
Что не встретил великого князя,

Он и вынял ясны очи косицами,
Он и взял с него царскую корону,
И снял царскую перфиду,
Он царской костыль в руки принял,
И в то время князь воцарился
И насел в Московское царство;
Что тогда-де Москва основалася,
И с тех пор великая слава.

КОСТРЮК

1

В годы прежние,
Времена первоначальные,
При бывшем вольном царе
При Иване Васильевиче,
Когда холост был государь,
Царь Иван Васильевич,
Поизволил он жениться.
Берет он, царь-государь,
Не у себя в каменной Москве,
А берет он, царь-государь,
В той Золотой Орде,
У того Темрюка-царя,
У Темрюка Степановича,
Он Марью Темрюковну,
Сестру Мастрюкову,
Купаву крымскую,
Царицу благоверную.

А и царского поезду
Полторы было тысячи:
Князи-бояра, могучие богатыри,
Пятьсот донских казаков,
Что ни лутчих добрых молодцов.
Здравствует царь-государь
Через реки быстрые,
Через грязи смоленские,
Через леса брынские,
Он здравствует, царь-государь,
В той Золотой Орде,
У того Темрюка-царя,
У Темрюка Степановича.
Он понял, царь-государь,
Царицу благоверную
Марью Темрюковну,
Сестру Мастрюкову,
И взял в провожатые за ней
Триста татаринов,
Четыреста бухаринов,
Пятьсот черкашенинов
И любимого шурина
Мастрюка Темрюковича,
Молодого черкашенина.
Уж царского поезду
Без малого три тысячи,
Везут золоту казну
Ко царю в каменну Москву.
Переехал царь-государь
Он реки быстрые,
Грязи смоленские
И леса брынские,
Он здравствует, царь-государь,
У себя в каменной Москве,

Во палатах белокаменных,
В возлюбленной крестовой своей:
Пир навеселе,
Повел столы на радостех.
И все ли князи-бояра,
Могучие богатыри
И гости званые,
Пятьсот донских казаков
Пьют, едят, потешаются,
Зелено вино кушают,
Белу лебедь рушают.
А един не пьет да не ест
Царской гость дорогой,
Мастрюк Темрюкович,
Молодой черкашенин.
И зачем хлеба-соли не ест,
Зелена вина не кушает,
Белу лебедь не рушает?
У себя на уме держит:
Изошел он семь городов,
Поборол он семьдесят борцов
И по себе борца не нашел;
И только он думает —
Ему вера поборотися есть
У царя в каменной Москве,
Хочет царя потешити
Со царицею благоверною
Марьею Темрюковною,
Он хочет Москву загонять,
Сильно царство Московское.
Никита Романович
Об том царю доложил,
Царю Ивану Васильевичу:
«А и гой еси, царь-государь,

Царь Иван Васильевич!
Все князи-бояра,
Могучие богатыри
Пьют, едят, потешаются
На великих на радостех.
Один не пьет, не ест
Твой царской гость дорогой,
Мастрюк Темрюкович,
Молодой черкашенин,
У себя он на уме держит —
Вера поборотися есть,
Твое царское величество потешити
Со царицею благоверною».
Говорит тут царь-государь,
Царь Иван Васильевич:
«Ты садися, Никита Романович,
На добра коня,
Побеги по всей Москве,
По широким улицам
И по частым переулочкам».
Он будет, дядюшка
Никита Романович,
Середь Урья Повольского,
Слободы Александровы,—
Два братца родимые
По базару похаживают,
А и бороды бритые,
Усы торженные,
А платья саксонское,
Сапоги с роstrубами,
Об ручку ту дядюшке челом:
«А и гой еси ты, дядюшка
Никита Романович!
Кого ты спрашиваешь?»

Мы борцы в Москве похваленые,
Молодцы поученые, славные».
Никита Романович
Привел борцов ко дворцу,
Говорили тут борцы-молодцы:
«Ты Никита Романович,
Ты изволь об том царю доложить —
Сметь ли нага спустить
С царским шурином
И сметь ли его побороть?»
Пошел он, Никита Романович,
Об том царю доложил,
Что привел борцов ко дворцу.
Злата труба протрубила
Во палате белокаменной,
Говорил тут царь-государь,
Царь Иван Васильевич:
«Ты Никита Романович,
Веди борцов на двор,
На дворец государевой,
Борцов ученых,
Молодцов похваленых,
И в том им приказ отдавай:
Кто бы Матрюка поборол,
Царского шурина,
Платья бы с плеч снял
Да нагого с круга спустил,
А нагого, как мать родила,
А и мать на свет пустила».
Послышал Матрюк борцов,
Скачет прямо Матрюк
Из места большего,
Из угла переднего,
Через столы белодубовы,

Через ества сахарные,
Через питья медяные;
Левой ногой задел
За столы белодубовы,
Повалил он тридцать столов
Да прибил триста гостей:
Живы, да негодны,
На карачках ползают
По палате белокаменной —
То похвальба Матрюку,
Матрюку Темрюковичу.
Выбежал тут Матрюк
На крылечко красное,
Кричит во всю голову,
Чтобы слышал царь-государь:
«А свет ты вольной царь,
Царь Иван Васильевич!
Что у тебя в Москве
За похвальные молодцы,
Поученые, славные?
На ладонь их посажу,
Другой рукою раздавлю!»
С борцами сходится
Матрюк Темрюкович,
Борьба его ученая,
Борьба черкасская,
Колесом он бороться пошел.
А и малой выступается
Мишка Борисович,
Смотрит царь-государь,
Что кому будет божья помочь,
И смотрят их борьбу князи-бояра
И могучие богатыри,
Пятьсот донских казаков.

А и Мишка Борисович
С носка бросил о землю
Он царского шурина,
Похвалил его царь-государь:
«Исполать тебе, молодцу,
Что чисто борешься!»
А и Мишка к стороне пошел,—
Ему полно бороться.
А Потанька бороться пошел,
Костылем попирается,
Сам вперед подвигается,
К Матрюку приближается.
Смотрит царь-государь,
Что кому будет божья помощь.
Потанька справился,
За плеча сграбился,
Согнет корчагою,
Воздымал выше головы своей,
Опустил о сыру землю.
Матрюк без памяти лежит,
Не слышал, как платья сняли.
Был Матрюк во всем,
Стал Матрюк ни в чем,
Ожерелья в пятьсот рублей
Без единых денежки,
А платья саксонского
Снял на три тысячи;
Со стыду и сорому
Окарачках под крылец ползет.
Как бы бела лебедушка
По заре она прокликала,
Говорила царица царю,
Марья Темрюковна:
«Свет ты вольной царь

Иван Васильевич!
Такова у тебя честь добра
До любимого шурина?
А детина наругается,
Что детина деревенской,
Почто он платья снимает?»
Говорил тут царь-государь:
«Гой еси ты, царица во Москве
Да ты Марья Темрюковна!
А не то у меня честь во Москве,
Что татары те борются,—
То-то честь в Москве,
Что русак тешится!
Хотя бы ему голову сломил,
Да любил бы я, пожаловал
Двух братцов родимых,
Двух удалых Борисовичев».

2

У нас то было на святой Русе,
На святой Русе, в каменной Москве,
Был-жил царь тут Иван Васильевич.
Позволил царь Иван Васильевич жениться
Во дальней земле во литовской,
У того ли короля у литовского,
На дочери его на Марье Демрюковне.
Собирал он свою силу могучую,
Посылал во землю во литовскую.
Походит сила во землю во литовскую,
Отбирает сила Марью Демрюковну,
На придаток берет триста татаровей.

Поезжал Кастрюк-Мастрюк,
Поезжал Демрюков сын,
Молодой черкашенин.
Приезжали ребята в каменнú Москву,
Заводил ли царь Иван Васильевич
Про шурина почестный пир,
Про Кастрюка-Мастрюка сына Демрюкова.
Кастрюк-Мастрюк за столом сидит,
Хлеба с солью не ест, пива с медом не пьет,
Зеленá вина не кушает,
Белой лебеди не рушает,
На кого лихо думает.
Говорит царь Иван Васильевич:
«Ой ты гой еси, Кастрюк-Мастрюк,
Ой ты гой еси, Демрюков сын,
Молодой черкашенин!
Ты зачем хлеба с солью не ешь,
Ты зачем пива с медом не пьешь,
Зеленá вина не кушаешь,
Белой лебеди не рушаешь?
На кого лихо думаешь?»
Отвечает Кастрюк-Мастрюк:
«Грозен царь Иван Васильевич!
А затем хлеба с солью не ем,
А затем пива с медом не пью,
Зелена вина не кушаю,
Белой лебеди не рушаю,—
На тебя лихо думаю.
Я хочу у тебя, царя, спрашивати,
Есть ли у тебя в каменнóй Москве
Таковы умельны борцы
С Кастрюком поборотися,
С Мастрюком по-татарскому,
Со царевым со шурином?»

Говорит царь Иван Васильевич:
«Ой ты гой еси, дядюшка,
Свет Никита Романович!
Да поди-ко ты, дядюшка,
На крылечко на красное,
Стань на сер на горюч камень,
Закричи-ко ты, дядюшка,
Во всю буйну голову,
Чтоб учúли в каменнóй Москве.
Борца ты спрашивай,
Борец нам надобно
С Кастрюком поборотися,
С Мастрюком по-татарскому,
С моим со шурином».
Похóдит дядюшка,
Свет Никита Романович,
На крылечко на красное,
Привздымался дядюшка
На сер на горюч камень,
Закричал дядюшка
Во всю буйну голову,
Чтоб учúли в каменнóй Москве.
Из избёнышка маленького,
Из дворёнушка худенького
Бежат два молодчика —
Васенька маленький
Да Потанюшко хроменький.
Бежат они, ребятушки,
Ко дворцу государеву,
Ко крылечку ко красному,
Говорит тут Васенька,
Говорит маленький:
«Ах ты гой еси, дядюшко,
Свет Никита Романович!

Что́, дядя, надобно,
Чего, дядя, спрашиваешь?»
— «Ой ты гой еси, Васенька,
Ой ты гой еси, маленький!
Борец нам надобно
С Кастрюком поборотися,
С Мастрюком по-татарскому,
Со царевым со шурином».
— «Никита Романович!
Каково с ним боротися?
Он ведь шурин царев:
Надо — царь вины не положил».
Отвечает дядюшка,
Свет Никита Романович:
«Лишь бы как бог пособил,
Не будет вина на тебе!»
Сказали Кастрюку за столом,
Сказали Мастрюку за столом:
«На улице борец у царя!»
Кастрюк из застóльа вскочил,
Побежал он на улицу,
Побежал он боротися,
Ска́мью ногой поткнул.
Говорит ему сестрица
Марья Демрюковна:
«Ой ты гой еси, брателко,
Ой ты гой, Кастрюк-Мастрюк,
Ой ты гой, Демрюков сын,
Молодой черкашенин!
Не ходи ты боротися:
Тебе перво несчастьице —
Ты не ладно за ска́мью скочил,
Скамью ногой поткнул».
Не вóймует Кастрюк-Мастрюк,

Побежал он на улицу,
Побежал он бороться.
Тут Васенька похаживает,
Маленький погуливает:
«Ой ты гой, Кастрюк-Мастрюк,
Ой ты гой, Демрюков сын,
Молодой черкашенин!
Мы как станем бороться:
На свои буйны головы
Иль на платье цветное?»
Говорит Кастрюк-Мастрюк:
«Мы станем бороться
На свои буйны головы!»
Говорит ему Васенька:
«Не хочю с тобой бороться
Через буйные головы:
Ты ведь шурин царев,
Надо — царь вины не положил.
Станем бороться
Через платье цветное:
Кому бы кого одолить,
До нитки платье снять,
Того ли на срам спустить».
Васька Кастрюка прихватил,
Васька Кастрюка о землю бросил,
К земле Васька коленцем прижал,
До нитки с Кастрюка платье обрал,
Нагого на срам спустил.
Побежал Кастрюк-Мастрюк
Ко дворцу государеву,
От срама он, горе, прикрывается,
Бежит ему встречу сестрица,
Несет платье цветное.
Кастрюк оболокается,

Из Москвы вон срягается:
«Царь Иван Васильевич!
У нас этак не водится,
У нас этак не борятся:
Кому бы кого одолить,
До нитки бы платье снять,
Да того на срам спустить,
Честным людям на посмешище!»
Говорит Грозный царь,
Царь Иван Васильевич:
«Не сердись, Кастрюк-Мастрюк,
То не мною приказано,
Приказал то дядюшка,
Свет Никита Романович».
— «Спасибо те, зятюшко,
Царь Иван Васильевич,
На твоёй каменной Москве!
Да не дай бог мне больше бывать
Во твоёй каменной Москве,
А не то бы мне, да и детям моим!»

3

При нынешних при царях,
При досюлешних королях
Царица-то крымская,
Упала татарская
У царя сдоложилася,
А с Кострюком подумилася,
С молодым сговорилася
Ехать во землю во русскую,
В сильно царство Московское

Отведать сила богатырская,
Плечо молодецкое.
И снарядились и поехали.
До Москвы не доедучи,
Среди поля чистого,
Среди луга зеленого
Шатры раздернули
Белополотняные,
Столы расставили
Белодубовые.
И пишет ярлык скорописчатый,
Посылает посла в каменну Москву:
«Ай же ты молодой посол!
Нейдь прямо воротами,
А идь чрез стену городовую
Прямо на царский двор
Ко крылечку переному,
Ко столбу ко точеному,
Ко колечку золоченому,
Прикуивай-привязывай
Своего коня доброго,
А поди в палату белокаменну,
Во гривню столовую,
Бела лица не крести,
А государю челом не бей,
А грамоту посольную
Положи на дубовый стол,
Говори царю не с укладкою,
Говори со прикладкою:
„Ай же ты Грозный царь
Иван Васильевич!
Вот тебе грамота посольная
От Кострюка сына Кострюкова.
Чисти улки с приулками,

Дворы с придворками,
Конюшни споражнивай,
И дворы разглаживай,
И питья размеривай,
Ества налаживай,
Ества сахарние,
Питья медвяные;
И вываживай-налаживай
Красных девушек толпицами,
Молодушек станицами
И удалых добрых молодцев ширинками.
Едет Кострюк Кострюков сын,
Молодой черкашенин,
С царицею крымскою,
С упалой татарскою,
Едет в Москву поборотися,
Отведать сила богатырская,
Плечо молодецкое:
Тридцать орд воевал,
Тридцать борцов борол,
Не мог отведать силы богатырскоей,
Плеча молодецкого.
А не дашь ему борчика,
Удала добра молодца,—
Всё царство твое припленил
И головней покатит,
А тебя, царя, в полон возьмет“».
И поехал молодой посол,
Татарин нечистый,
Татарин поганый,
В землю во русскую,
В сильно царство Московское.
Не ехал он воротами,
Ехал прямо чрез стену городовую,

Заехал он на царский двор
Ко крылечку переному,
Ко столбу ко точеному,
Колечку золоченому,
Прикуивал-привязывал
Своего коня доброго,
Идет в палату белокаменну,
Во гривню столовую,
Бела лица не крестит,
А государю челом не бьет,
Кладывает грамоту посольную
На дубовый стол
И говорит царю не с укладкою,
Говорит со прикладкою:
«Ай же ты Грозный царь
Иван Васильевич!
Вот тебе грамота посольная
От Кострюка сына Кострюкова.
Чисти улки с приулками,
Конюшни споражнивай,
Дворы разглаживай,
Питья размеривай,
Ества налаживай;
Ества были бы сахарные,
А питья медвяные;
И вываживай-налаживай
Красных девушек толпицами,
Молодушек станицами,
Удалых добрых молодцев ширинками».
Убоялся тут Грозный царь
Иван Васильевич
Грозы великия Кострюковоя:
И тут чистил улки с приулками,
Конюшни споражнивал,

Дворы разглаживал,
Питья медвяные размеривал,
Ества сахарные налаживал,
Тут вываживал-налаживал
Красных девушек толпицами,
Молодушек станицами,
Удалых добрых молодцев ширинками.
И наехал тут Кострюк Кострюков сын
На широкий двор на царский
Ко крылечку переному;
Идет по нову крыльцу,
Переклады гиблются,
Переходы колыблются,
Ступеньки подгибаются,
Идет в палату белокаменну,
Во гривню столовую,
Не крестит бела лица,
А государю челом не бьет,
А садится за столы дубовые,
За ества сахарные,
За питья медвяные.
И сидит за столом за дубовым,
Не ест, не пьет, не кушает
И белы лебеди не рушает.
И говорит тут Грозный царь
Иван Васильевич:
«Ай же ты Кострюк Кострюков сын,
Молодой черкашенин!
Не ешь, не пьешь, не кушаешь
И белой лебеди не рушаешь?»
А царица-то крымская,
Поляница удалая,
Говорит царю:
«Ай же ты Грозный царь

Иван Васильевич!
Дал бы Кострюку,
Дал бы ты удалому
Борца поборотися,
Отведать сила богатырская,
А плечо молодецкое,
То штобы стал Кострюк
Есть, пить, кушати
И бела лебедь рушати.
А не дашь ему борчика,
Удала добра молодца,
Отведать сила богатырская,
Плечо молодецкое,
То всё твое царство припленил
И головней покатит,
А тебя, царя, в полон возьмет».
Тут говорит Грозный царь
Иван Васильевич:
«Ай же ты Федька-дьяк,
Молодой посол!
На ножку припадывашь,
Сподлобья выглядывашь.
Поди-ко выскочи
Среди царства русского,
Государства Московского
И закрычи во всю голову,
Чтобы слышно было во всю Москву:
Есть ли в Москвы борцы
Добры молодцы?»
В Москвы борцов не случилось,
Случилось с Подпятницкой пятины,
С Подвологодской стороны
Два братца родимых,
Они дети Ондреевы,

Родом поволжана:
Одного зовут Федькою,
А другого Михалкою.
Федька-то хвалится,
А Михалка нарывается
С Кострюком поборотися,
С молодым поломатися.
Будут борцы на дворцы,
Удалы добры молодцы.
И говорит Грозный царь
Иван Васильевич:
«Ай же ты Кострюк Кострюков сын!
Хлеб да соль на столе,
А бог тебе на стены,
А удалы добры молодцы
На дворе стоят».
Не орел головы здынул,
А Кострюк чрез стол скочил,
Зацепил ногой за скамью,
Тридцать татаровей придавил,
Тридцать поганных задавил.
Татара лежат,
Будто мыши пищат,
А сами клянутся да проклинаются:
«Дай тебе господи
Скоком на двор идти,
А со двора раскоракою».
Он Михалку раз поткнул,
И в другой поткнул,
И третий поткнул ---
Стоит Михайла не шатнется,
И желты кудри не стряхнутся.
Говорит Михайла-борец,
Удалой доброй молодец:

«Ай же ты Грозный царь
Иван Васильевич!
Благослови-ко Кострюка бороть,
Благослови-ко молода бороть,
И благослови рука-нога ломить,
А глаз вон воротить».
Говорит Грозный царь
Иван Васильевич:
«Ай же ты Михайла-борец,
Удалой доброй молодец!
Еще бог тебе пособил бы
Кострюка побороть, молодого одолеть,
И рука-нога ломить,
И глаз вон выворотить».
Тут Михайла-борец,
Удалой доброй молодец,
Припадывал пониже себя,
Выздымливал повыше себя,
Выше церкви соборныя
Михаила Архангела,
Креста Благовещенска,
Ивана Великого,
Отпускал о сыру землю.
Тут на нем кожа-то треснула
С белой шеи до гузна,
Рубашка-то лопнула;
Руку-ногу сломил
И глаз выворотил.
Тут царица крымская,
Поляница удалая —
В упалу приехала,
А не в упалу поехала —
Поехала по задним по выходам.

Набег крымского хана

А не сильная туча затучилася,
А не сильные громы грянули —
Куда едет собака крымской царь?
А ко сильному царству Московскому:
«А нынечи мы поедем к каменной Москве,
А назад мы пойдем — Рязань возьмем».
А как будут они <у> Оки-реки,
А тут они станут белы шатры росставливать.
«А думайте вы думу с цела ума:
Кому у нас сидеть в каменной Москве,
А кому у нас в Володимире,
А кому у нас сидеть в Суздале,
А кому у нас держать Рязань старая,
А кому у нас в Звенигороде,
А кому у нас сидеть в Нове-городе?»
Выходит Диви-мурзы сын Уланович:
«А еси, государь наш крымской царь!
А тебе, государь, у нас сидеть в каменной Москве,
А сыну твоему в Володимире,
А племяннику твоему в Суздале,
А сродичу в Звенигороде,
А боярину конюшему держать Рязань старая,
А меня, государь, пожалуй Новым-городом:
У меня лежат там свет-добры-дни батюшка,
Диви-мурза сын Уланович».
Прокличет с небес господень глас:
«Ино еси собака крымской царь!
То ли тебе царство не сведомо?
А еще есть на Москве семьдесят апостолов,
Опришенно Трех Святителей,
Еще есть на Москве православной царь.

Побежал еси, собака крымской царь,
Не путем еси, не дорогою,
Не по знамени не по черному!»

Иван Грозный под Серпуховом

Царь Иван Васильевич
Копил силушку ровно тридцать лет,
Накопил силы сорок тысячей,
Накопил силушку, сам в поход пошел.
Через Москву-реку переправился,
Не дошедши города Серпуха,
Становился он в зеленых лугах
При алых светах при лазоревых;
Стал он силушку переглядывать:
Князьям-бояром перебор пришел,
Генералам всем, фельдмаршалам.
Одного из них тут не лучилося —
Что ни лучшего слуги верного,
Максима сына казачьего,
По прозванью-ту Краснощекова.
Сказали царю про Мишеньку:
«Изменил тее, царю белому,
Придался он к хану турецкому,
Ко шишиморе деревенскому,
Он прельстился на ёго золоту казну,
На то ли на платье на светное,
На тех ли на сорочинычок,
По-нашему — на красных девушек».
Поутру-ту было на зореньке,
На восходе красного солнышка,

Не ясен сокол по горам летал,
Не белой кречат перепархивал —
Наш-ат Мишенька с полону едет
На турецком черном шахмате,
Везет с собой две сумы переметные,
В сумах-ту сидят сорочиночки,
Турецкого хана две дочери.
Не доехавши до шатра, сам с коня слезал,
Не дошедши до царя, стал низко кланяться:
«Здравствуй, батюшка православный царь!
Не вели меня скоро казнити,
Прикажи мне слово молвити.
Здравствуй, батюшка православный царь,
Грозный царь Иван Васильевич,
Со славным городом со Серповым!
Возьми ты у меня двух полонянычек,
Турецкого хана двух дочерей».

Смерть Михайлы Черкашенина

⟨За⟩ Зарайским городом,
За Рязанью за старую,
Из далеча чиста поля,
Из раздолья широкого
Как бы гнедого тура
Привезли убитого —
Привезли убитого
Атамана польского,
Атамана польского,
А по имени
Михайла Черкашенина.

А птицы ластицы
Круг гнезда убиваются —
Еще плачут малы его дети
Над белым телом.
С высокого терема
Зазрела молодая жена,
А плачет, убивается
Над его белым телом,
Сквозь слезы свои она
Едва слово промолвила,
Жалобно причитаючи
Ко его белу телу:
«Казачья вольная
Поздорову приехали,
Тебе, света моего,
Привезли убитого,
Привезли убитого
Атамана польского,
А по имени
Михайла Черкашенина».

Оборона Пскова от Стефана Батория

Копил-то король, копил силушку,
Копил-то он, собака, двенадцать лет,
Накопил-то он силушки — сметы нет,
Много, сметы нет, сорок тысяч полков,
Накоплёмши он силы, на Русь пошел,
Он на Русь пошел, на три города,
На три города на три стольные:

На первый на город на Полотский.
На другой-то на город Велики Лукі,
На третий — на батюшку на Опсков-град.
Он и Полотский город мимоходом взял,
А Велики Лукі он насквозь прошел,
Подходил он под батюшку под Опсков-град,
Становился, собака, в зеленых лугах,
Садился он, собака, во золот стул,
Смекал-то он силушку по три дни,
По три дни и по четыре:
Много ли силушки убыло,
А много ли силушки прибыло?
Убыло силушки сорок рот,
А прибыло силушки сорок полков.
Тут же он, собака, возрадуется:
«Ох вы гой еси, мои скорые хожатели,
Скорые хожатели и скорые поспешатели!
Мечитесь скоро в зеленые луга,
В зеленые луга государевы!
Бери своего коня бахмута,
Поезжай во батюшку в Опсков-град,
Во город въезжай — не спрашивай,
Ко двору подъезжай — не докладывай,
Во палаты восходи — не бей челом,
Клади ярлыки на дубовы столы».
За столами сидит воевода царев
Карамышев Семен Константинович.
«Ох ты гой еси, воевода царев
Карамышев Семен Константинович!
Отдай город Волок без бою,
Без ббю и без драки великия,
Без того уголовного!
Я на первом часу возьму Опсков-град,
На другом часу стану чистити,

На третьем часу стану стол становить,
Стану пить, веселиться, прохладиться.
Князей твоих бояр всех в полон поберу,
Донских казаков всех под меч преклоню,
А тебя, воеводу, казнить буду!»
Возгóворит воевода царёв
Карамышев Семен Константинович:
«Блудён сын король с королевичем,
С паном гетманом Хотенóвичем
И с воинским конем Вороновичем!
Не отдам я тебе города бёз бою,
Без бою и без драки великия
И без того уголовного».
Как со вечера солдаты причащались,
Со полúночи ружья чистили,
Ко белóй заре, как куры пропели,
Не тучá с тучёй соходилася,
Не заря со зарей сомыкалася —
Сходилися два войска два великие,
Белого царя с королевским.
Тут ездит-разъезжает удалый добрый молодец,
Еще тот ли же воевода царёв
Карамышев Семен Константинович.
«Кому у нас на бою, братцы, божья помочь?»
Помог бог воеводе московскому
Карамышеву Семену Константиновичу:
Побил силу королевскую,
Всех латничков, сиповщичков,
Кольчужничков, барабанщичков,
Насилу король сам-третей убежал.
Бегучий он, собака, заклинается:
«Не дай, боже, мне во Руси бывать,
Ни детям моим, и ни внúчатам,
И ни внúчатам, и ни прáвнучатам».

Гнев Ивана Грозного на сына

Когда воссияло на небе красное солнышко,
Когда становилась звезда подвосточная,
Тогда воцарился Грозный царь Иван Васильевич.
Тут забирал столованье — почестный пир,
Сбирал он всех князей, всех бояринов, сенаторов
думных,
Вельмож, купцов богатых, поляниц да удалых,
Сильных, могучих богатырей.
Пошло у них столованье — почестный пир,
Все на пиру напивались,
Все на почестном наедались,
Все похвальбами похвалялись.
Кто чем хвастает,
Кто чем да похваляется:
Инный хвастает несчетной золотой казной,
Инный хвастает силой, удачей молодецкою,
Инный хвастает добрым конем,
Инный хвастает славным отечеством,
Инный молодым молодечеством,
Умный-разумный хвастает старым батюшкой,
Старым батюшкой да старой матушкой,
Безумный дурак хвастает молодой женой.
Как царь по палатушке похаживат,
Царь да выговариват:
«Ай же вы князя и бояра, сенаторы думные,
Вельможи, купцы богатые, поляницы удалые,
Сильные, могучие богатыри!
Все вы у меня на честном пиру,
Все вы у меня пьяны, веселы,
Все вы у меня похвальбами похвалялись.
Я как, царь, похвастаю:

Повывел измену из Казани, Рязани и из Астрахани,
Повывел измену из Чернигова,
Да повывел измену из Нова-города,
Как повыведу изменушку из каменной Москвы».
За тума столами дубовыма, за скамейками окольными,
За ествами за сахарныма, за напитками медовыма
Сидел его сын да любезный Иван да Иванович,
Говорит он таковы слова:
«Ай же свет государь мой батюшка,
Грозный царь Иван Васильевич!
Небылицей ты, государь, хвастаешь,
Небылицей похваляешься».
Тут стемнел царь, как темна ночь,
Зревел царь, как лев да зверь:
«Сказывай, собака, про измену великую!
Ты на братца скажешь — так братца не видать,
На себя ты скажешь — то свою головку потеряешь».
Тут-то Иван да на две бедушки попал,
Тут-то Иван да пораздумался:
«Жаль-жаль братца, да не так, как себя».
«Ай же свет государь мой батюшка,
Грозный царь Иван Васильевич!
Как сидит измена за одним столом,
Пьет да ест измена с одного места,
Носит платье одного сукна.
Небылицей, царь, ты хвастаешь,
Небылицей, государь, похваляешься:
Повывел ты измену из Казани и Рязани и из Чернигова,
Не мог повывести измены из Нова-города,
Подавно не вывести измены из каменной Москвы!
Потому тебе не вывести:
Когда мы были во Нове-городе,
Которыми мы с тобою улицами ехали,
Секли-рубилы до единого;

Которыми улицами ехал мой старый дядюшка,
Старый дядюшка Никита Романович,
Тоже сек да рубил до единого;
На воротах мы записи повыписали,
По углам номера выставливали,
Что эти улицы плененные, казенные;
А которыми улицами ехал твой сын,
А мой братец Федор Иванович,
Так сек из пяти и десяти головы гусиные,
На воротах записи подписывал,
На углах номера повыставлял.
Тут была измена великая!»
Выходил тут царь да на крутой крылец,
Скрычал как царь да громким голосом:
«Где мои палачи немилостивы?
Берите Федора Ивановича за белы руки,
Ведите на то болото на Житное,
На ту на плаху на дубовую,
Отрубите ему голову буйную,
Предайте ему смерть да скорую».
Вси палачи да разбежались,
Друг за друга туляются и окучаются,
Больший за среднего, средний за меньшего,
С меньшего ответу нет.
Тут скрычал царь второй након:
«Где мои палачи немилостивы?
Берите вы Федора Ивановича за белы руки,
Ведите на то болото на Житное,
На ту на плаху дубовую,
Отрубите ему буйну голову,
Предайте ему смерть да скорую».
Вси палачи да разбежались,
Друг за друга туляются и окучаются,
Больший за среднего, средний за меньшего,

С меньшего ответу нет:
Потому что за царские роды приняться не осмелятся.
Скрычал как царь након третий:
«Где мои палачи немилостивы?
Берите вы Федора за белы руки,
Ведите на то болото на Житное,
На ту на плаху дубовую.
Отрубите ему буйну голову,
Предайте вы ему смерть да скорую!»
Как во том ряду во гостином,
Во той во лавке во угольня
Стоял малая Малюта Стенька-вор Скурлатов сын,
Торговал он товарами заморским,
Услышал голос Грозного царя Ивана Васильевича --
Он на Федора Ивановича сердит-то был, --
Запирал он да свою лавочку,
Шел и брал Федора за белы руки,
За белы руки да за златы перстни,
Выводил он Федора на крутой крылец,
Скидывал он платья цветные,
Надевал платья опальные,
Садил во карету во темную,
Повез его на то болото на Житное,
Ко той ко плахе дубовая.
Была служанка, девка верная,
Бежала во спальню во теплую
К царице благоверной
Ко Настасье Романовной,
Скрычала громким голосом:
«Ай же царица благоверная Настасья Романовна!
Спишь-усыпаешься, над собой невзгоды не чаешься:
Померкло наше красно солнышко,
Потухла звезда подвосточная!
Воспалился Грозный царь Иван Васильевич

На свои на царские на сѣмена,
На своего на сына любезного
На Федора Ивановича,
Приказал его отвезти на то болото на Житное,
На ту на плаху дубовую.
Как повез его малая Малюта Стенька-вор Скурлатов
сын».

Она вставала на резвы ноги,
Как надевала на ноги
Одни тоненьки чулочки без чоботов,
На плеча надевала один дорогой накидничек,
Подвязалася платком она шелковым,
Побежала она по матушки каменной Москвы,
К старому братцу Никиты Романовичу.
Бежит она по матушки каменной Москвы,
Крычит да громким голосом:
«Разодвинься, народ православный,
Дайте местечка немножечко царицы благоверныя!»
А народ-то волнуется, дивуется:
«Куда бежит царица благоверная?»
Как прибежала она к братцу родимому
Никите Романовичу,
Приходила в его палаты белокаменные.
Господу богу не молилася,
На все стороны да не клонилася,
Сама говорила таковы слова
Братцу родимому Никите Романовичу:
«Ай же ты старая курва, седатый пес!
Пьешь, ешь-кушаешь и прохлаждаешься,
Над собой невзгоды не чаешься!»
— «Ай же сестрица родимая,
Благоверная царица Настасья Романовна!
Чем тебя приобидел царь,
Грозный царь Иван Васильевич?

Чтó я захочу, то и сделаю:
Потому — у меня сидит тридцать российских могучих
богатырей,
И сидит у меня дружина хоробрая».
Она говорит таковы речи:
«Как воспалился Грозный царь Иван Васильевич
На свои-то на сѣмена на царские,
На Федора Ивановича,
Повез его малая Малюта Стенька-вор Скурлатов сын
На то болото на Житное,
На ту на плаху дубовую».
Как вставал старый Никита Романович на резвы ноги,
Говорил как сам таковы слова:
«Ай же любезный конюх мой!
Ступай-ка ты скорым-скоро, скорым-наскоро,
Ступай на стойлы конины,
Бери-ка ты моего добра коня,
Не седлай, не уздай ты добра коня,
Выводи-ка ты на широкий двор».
Как сам он надевал шубу на одно плечо,
Как кладывал он шляпу на одно ухо,
Брал немилото постельника под полу под правую,
Выбежал он скоро на широк на двор,
Сам садился скоро на добра коня,
Поехал скоро по матушки по славной каменной
Москвы,
Сам шляпой машет и голосом кричит:
«Разодвиньтесь-ка, народ православный,
Дайте мне местечка немножечко
Проехать старому Никите Романовичу
По матушки славной каменной Москвы!»
Как стал подъезжать ко болоту ко Житному,
Увидел, как повален племничек да крестничек
На тую плаху на дубовую;

У малого Малюта Стеньки-вора сына Скурлатова
Заздынута рука правая, здынута сабля кровавая,
Спрашивал у Федора Ивановича:
«На кого ты оставишь молоду жену,
Кому оставишь несчетну золоту казну?»
Как тут закрычал старый Никита Романович
Громким голосом во всю голову:
«Съешь, волк, пса, так и выгалкнешь».
Как увидел тут малая Малюта Стенька-вор
Скурлатов сын,
Увидел едучись старого Никиту Романовича
на добром коне,
Не смел спустить руки правыя, сабли кровавыя,
Отсечь буйныя головы.
Тут наехал старый Никита Романович,
Соскочил он со добра коня,
Как взимал он племничка да крестничка,
Взимал со плахи со дубовыя,
Кидал немилого постельничка
На плаху на дубовую,
И отсекли ему буйную голову,
Окровавили саблю кровавую.
Тут говорил Федор Иванович,
Говорил крестному батюшку:
«Ай же ты крестный мой батюшка
Никита Романович!
Что же нам будет от батюшка
Грозного царя Ивана Васильевича?»
Говорил тут Никита Романович:
«Ай же ты любезный мой крестничек!
Что будет над моею-то головкой над старою?
Моя головка при старости,
А твоя головка при младости!».
Тут поехали во матушку во славну каменну Москву.

Как тут малая Малюта Стенька-вор

Скурлатов сын

Представил он перед царскими окошками
Свою-то саблю кровавую.

Как увидел Грозный царь Иван Васильевич
Повешану саблю кровавую,

Сам как говорил да таковы слова:

«По ворах по разбойниках есть заступники,
Есть заступники, помощники крепкие,
А по нас, по семенах царских, не находится».

Публиковал он указы строгие

По матушки каменной Москвы,

Приказал завесить окна сукном черным,

А по церквам велел служить он,

Служить обедни по-печальному.

У собора Успенского, у Ивана Великого

Зазвонили обедни воскресенские.

Тут Грозный царь Иван Васильевич

Всем велел надеть он платья черные,

Платья черные, все печальные.

Старый Никита Романович

Надевал шубу, которой лучше нет,

Племничку и крестничку тоже надевал

Платья, которых лучше нет.

Пошли они к обедне воскресенския,

Приходили во собор да во Успенский.

Тут старый Никита Романович

Становился он подле Грозного царя Ивана

Васильевича,

Племничка-крестничка брал под полу под правую,

Сам крест кладет по-писаному,

Поклон ведет по-ученому,

Клонится на все четыре стороны,

Грозному царю Ивану Васильевичу в особину

С царицей Настасьей Романовной:
 «Здравствуй, Грозный царь Иван Васильевич,
 Со своей царицей благоверною,
 Со всеми со царскими со сѣменами!»
 Как тут говорит Грозный царь Иван
 Васильевич,

Говорит таковы слова:
 «Ай же ты старая курва, седатый пес!
 Разве ты про невзгону не знаешь и не ведаешь,
 Разве тебе да не известно было,
 Аль ты надо мной да надсмехаешься?
 Выду от обедни воскресенския,
 Публикую я указы да строгие,
 С господ со всех и князей
 Со живых скуры сдеру,
 А с тебя, старая курва,
 Скуру сдеру и на свет не выпущу!»
 Второй након он опять проздравствовал:
 «Здравствуй, Грозный царь Иван Васильевич,
 Со своей царицей благоверною,
 Со всеми со царскими со сѣменами!»
 Как тут говорит Грозный царь Иван Васильевич,
 Говорит таковы слова:
 «Ай же ты старая курва, седатый пес!
 Разве ты про невзгону не знаешь и не ведаешь,
 Разве тебе да не известно было,
 Аль ты надо мною надсмехаешься?
 Выйду от обедни воскресенския,
 Публикую я указы все строгие,
 Что со всех господ, со всех князей
 Со живых скуры сдеру,
 А с тебя, старая курва,
 Скуру сдеру и в волчью зашью!».
 Опять проздравствовал он и в третий након:

«Ты здравствуй, Грозный царь Иван Васильевич,
Со своей царицей благоверною,
Со всеми со царскими со сѣменами
И с Федором Ивановичем!»
Тут он выпускал из-под полы из-под правья,
Становил перед Грозного царя Ивана Васильевича.
Тут говорил Грозный царь Иван Васильевич:
«Ай же шурин мой любезный
Старый Никита Романович!
Не знаю я, чем тебя пожаловать:
Аль тебя жаловать селы с приселами,
Города с пригородками,
Улицы с переулками,
Аль тебя несчетной золотой казной?»
Говорит Никита Романович:
«Мне не надобно сел с приселами,
Городов с пригородками,
Улиц с переулками,
И мне не надо несчетной золотой казны;
А дай ты мне Никитину вотчину и улицу:
Кто голову убьет да коня уведет,
По той улице уведет,
Того и бог простит».
— «Вот тебе, Никита, улица,
Своя тебе отчина пожалована.
А Федора Ивановича вместо себя,
Вместо себя я царем поставлю».
Тут простоял он обедню воскресенскую,
Брал Федора Ивановича за белы руки,
Повел в свои палаты во царские,
А также вслед себя вел
Старого Никиту Романовича, шурина любезного.
Пришел он в свои палаты во царские,
Тут забирал для них столованье — почестный пир,

Многих сбирал он князей-бояр,
Вельмож, купцов богатых, поляниц удалых
И росейских могучих богатырей
Для-ради своего сына любезного
Федора Ивановича
И старого Никиты Романовича.
Дунай, Дунай,
Боле век не знай!

Смерть царицы

Приутихло, приуныло море синёе,
Приутихли, приуныли реки быстрые,
Приутихли, приуныли облака ходячие:
Благоверная царица преставлялася,
Воску ярого свешша перед ей да загорелася;
Перед ей стоят два млáдого два царевича,
Да стоят они, слéзно уливаются;
Во ногах сидит Настасья, дочь царевна-то,
А сидит она, слезно уливаится.
Говорит-то царица православная:
«Уж вы гой еси, два младого царевича,
Две мои ли две свешши да воску яровые,
Две мои ли две вербы две кудрёвátые,
Вы две крúглы две скачёны две жемчужинки,
И два русского, два молодого, могучёго богáтыря!
Идите-ко сходите ко Грозному царю,
Вы ко Грозному царю Ивану ту Васильевичу,
К своему ли вы к батюшку к родимому:
Ишше пусть же придет со мной проститися».
Тут ведь млады ти царевичи не отслышилися,

Да приходят ко батюшку к родимому;
Они падали ко батюшку ко резвým ногам:
«Уж ты гой еси, батюшко родимый наш,
Уж ты Грозен царь Иван Васильёвич!
Ты поди-тко-се с матушкой проститися:
У нас матушка родима преставлѣится.
Отвѣчаёт-то Грозѣн царь Иван Васильёвич,
Отвѣчаёт-от деточкам со всей грубости:
«Уж вы гой еси, млáды мои царевичи!
Уж вы как да это дело, пришли, здумали, ко мне?
Недосуг мне-ка идти с нею проститися».
Как приходят с ответом к рóдной матушке,
Ишше к той нашой царицы православною.
Посылаёт царица во второй их накóн,
Посылаёт царица во третѣй их во закон:
«Вы подите-ка, млáды мои царевичи,
Вы подите-тко, вербы мои да кудреватые!
Вы зовите-тко его да немедленно сюды.
Уж вы милые млáды мои царевичи!
Уж вы падайте ёму да во резвý во ногý».
Говорят опеть ёму таковы же речи:
«Ты пойди, пойди, батюшко, проститися зовет».
«Уж вы гой еси, млáды мои царевичи! —
Он скрыщал на них опять да зычным голосом:—
Недосуг мне-ка идтить мне с ей прощатися:
Я сижу тут за пýсью, пишу грамотку,
Не пером я пишу, сижу, не чѣрнилами,
Не по белой по гербóвой по бумажочки —
Я по рыту пишу, сижу, по бархату,
Дорогим-то пишу я красным золотом,
Я про землю пишу да святорусскую,
Я про веру пишу да христианскую,
Про солдатушков пишу да новобранных.
Вы идите, два млáдого два царевича,

Вы скажите царице благоверною:
Я всечас-то приду с нею проститися».
А приходят-то млáдыи царевичи,
Рассказали родимой своей матушке;
Отпирали всё полаты двери нá пятау.
Заходит-то Грозён Иван Васильевич,
Он приходит ко царице благоверные,
Говорит-то ей слово со всей грубости:
«Ты поштó зовешь, царица благоверная?»
Воспроговорит царица благоверная:
«Уж ты гой еси, Грозен царь Иван Васильёвич!
Благослови-тко мне да слово вымолвить,
Слово вымолвить мне, речи повыполнить,
Что без той мне без казени без скорые,
Что без той мне без сабельки без вострые,
Что без той ли без ссылочки без дальние,
Да без той ли без насмешочки великие».
— «Говори-ко-се, царица, что тебе надобно».
— «Будь ты доброй, будь ты смирной, будь ты мýлосливóй
До своих-то до млáдых двух царевичей;
Ты ишше же будь доброй, кроткой, мýлосливóй
До своей-то до младой до царевны-то,
Что до той же до Настасьи до Ивановны;
Да ишше ты будь ведь доброй, будь ты мýлосливóй
Да солдатушков да новобранных;
Да ишше ты будь доброй, будь ты милосливóй
Ты до вдов-то бедных, малых деточёк их».

Иван Грозный молится по сыне

Эх да собирается наш православный царь
Да он ко заутрени,
Ко тому ли свету, свету-светику
Ивану Великому.
Эх да как становится наш православный царь
Да он на своем месте,
Как становится наш православный царь
У правого клироса.
Эх да уж как молится наш православный царь
Ивану Великому,
Уж он молится, наш православный царь,
Да он низко кланяется.
Эх да как позадь-то его все бояре-князья
Они остановились,
Как промеж-то себя ухмыльнулись,
Князья усмехнулись.
Эх да уж как гневно на них православный царь
Да он оглядается:
«И чему-то, чему вы, бояре-князья,
Чему больно радостны?
Эх да иль не знаете вы, иль не ведаете
Горя-то великого?
Знать, не ведома-то вам кручинушка
Безысходна царская!
Эх да как угасла-то свеча местная,
Закатилась-то звезда,
Поднебесна моя светла звездонька —
Не стало млад царевича».

Правеж

Что у нас было на святой Руси,
На святой Руси, в каменной Москве,
Среди-то торгу, братцы, среди площади,
Тут бьют доброго молодца на правеже,
Нагого, босого и разутого.
Поставили его на бел горяч камень,
Стоит молодец — сам не тряхнется,
Русы его кудри не ворóхнутся,
Лишь из глаз горячій слезы.
Лучилóся тут ехати
Самому царю православному,
Грозному царю Ивану Васильевичу.
Как возговорит царь Иван сударь Васильевич:
«Ох вы гой еси, бурмистры-целовальнички!
За что вы пытаете доброго молодца,
Нагого, босого и разутого,
Поставя его на бел горяч камень?
Стоит молодец — сам не тряхнется,
Русы его кудри не ворóхнутся,
Только катятся из глаз горячи слезы
По белому лицу по румяному».
Тут возгóвоят бурмистры-целовальнички:
«Ох ты гой еси, наш батюшка православный царь,
Грозный царь Иван сударь Васильевич!
Пытаем мы с него золоту казну,
Золоту казну, платье цветное,
Не много, не мало — сорок тысяч».
Возговорит тут православный царь:
«Ох ты гой еси, добрый молодец!
Почему тебе золота казна доставалася
И как она тебе приходила?»

Возговорит добрый молодец:

«Ох ты гой еси, наш батюшка православный царь,

Грозный царь Иван сударь Васильевич!

Была у меня дубиночка вязóвенькая,

И клал я дубиночку на плечико,

Ходил я, добрый молодец, по чисту́ полю,

По чисту́ полю, по темну́ лесу,

Нашел я воров-разбойников,

Тут-то они дуван дуванили,

Золотую казну делили мерою,

А цветное платье делили ношами.

Тут-то я ее отбил у них».

Возговорит православный царь,

Грозный царь Иван сударь Васильевич:

«Куда ты девал эдаку золоту казну?»

Возговорит добрый молодец:

«Точил я ее всё по домам по питейным,

А поил я всё голь кабацкую,

А цветное платье — одевал всё наших босых».

Возговорит православный царь:

«Ох вы гой еси, бурмистры-целовальнички!

Заплатите ему за каждый удар по пятидесяти

рублей,

А за бесчестие заплатите ему пятьсот рублей».

•

Терские казаки и Иван Грозный

Не из тучушки они, ветерочки, дуют,
Ай не дубравушка во полé шумит,
Ай не дубравушка во полé шумит.
То не серые гусюшки кага... вот кагачут,
Ой по-над бережком гуси сидючй,
Ой по-над бережком гуси сйдючи.
Не сизы́е орлы в поле вьются,
Ой по-над нéбесью орлы летучй,
По-над нéбесью орлы лётучи.
Ай они пить, они есть хотят,
Ай они пить, они есть хотят.
Расплакались гребенские наши казаки,
Ой перед белым царем стоячи,
Ой перед белым царем стоячи,
Перед белым царем стоячи,
Ой, перед Иваном Васильевичем,
Перед Иваном Васильевичем:
«Уж ты батюшка, ты наш царь,
Ой наде... ай, вот надежда,
Ай православный ты наш государь,
Ай православный ты наш государь!
Не позволь казнить-вешать,
Ай позволь речи ты нам говорить,
Ай позволь речи ты нам говорить.
Как бывалыча ты, наш царь,
Вот наде... ой, надежда,
Много даривал, много жалывал,
Ой много жалывал,
А теперича ты, наш царь наде... вот надежда,
Никого из нас не пожалывал,
Ай никого из нас не пожалывал,

Только жалывал ты, наш царь,
Ой наде... вот надежда,
Только жалывал князей да бояр,
Ой только жалывал князей да бояр».
— «Подарю вас, моих каза... ой, вот казаченьков,
Быстрым Терекком со притоками,
Ай быстрым Терекком со притоками,
Ай до синя моря до Каспийского».

Смерть Ивана Грозного

У ж ты батюшка светел месяц!
Что ты светишь не по-старому,
Не по-старому, не по-прежнему,
Из-за облачка выкатаясь,
Черной тучей закрываешься?
У нас было на святой Руси,
На святой Руси, в каменной Москве,
В каменной Москве, в золотом Кремле,
У Ивана было у Великого,
У Михайлы у Архангела,
У собора у Успенского,
Ударили в большой колокол.
Раздался звон по всей матушке сырой земле.
Соезжались все князья-бояре,
Собирались все люди ратные
Во Успенский собор богу молиться.
Во соборе-то во Успенским
Тут стоял нов кипарисов гроб.
Во гробу-то лежит православный царь,
Православный царь Иван Грозный Васильевич.

В головах у него стоит животворящий крест,
У креста лежит корона его царская,
Во ногах его вострый, грозный меч.
Животворящему кресту всякий молится,
Золотому венцу всякий кланяется,
А на грозен меч взглянет — всяк ужахнется.
Вокруг гроба горят свечи восковые,
Перед гробом стоят все попы-патриархи,
Они служат-читают, память отпевают,
Отпевают память царю православному,
Царю Грозному Ивану Васильевичу.

ПЕСНИ О ЕРМАКЕ

1

Как на речке было,
На реке было Камышинке, Камышинке,
Как там жили-проживали
Люди вольные, свободные, свободные,
Казаченьки волжские,
Гребенские да донские, да донские.
У казаков атаманушка
Да Ермак-то Тимофеевич, Тимофеевич.
Не звонка-то труба,
Не громка речь возговорила, возговорила —
Говорил-то атаман
Сам Ермак-то Тимофеевич, Тимофеевич:
«Уж вы слушайте-ка,
Ребятюшки, дайте думушку мне одумати!
Как проходит лето теплое,

Настает зима холодная, холодная.
Уж и где-то нам, ребята,
Зимушку-то долгу зимовать, зимовати?
Нам на Волге быти —
Нам на Волге всё ворами слыть, ворами слыть;
На Яик идтить нам —
На Яик-то переход велик, переход велик;
Под Казань идтить нам —
Там стоит Иван Васильевич Грозный царь.
У него-то много силушки,
Силушки той сто сорок тыщ, сто сорок тыщ.
Идтить, не идтить нам
На Иртыш-реку великую на сибирскую.
Мы возьмем-то в полон,
Возьмем в полон Тобольск-городок, славный город.
А как взямши город,
Пройдем к царю да поклонимся, воспokaемся».

2

Думайте, ребяташки, подумайте
Думу крепкую.
Как не сизые орлы
Ко соколикам солеталися —
Соезжалися мазурушки
Всё персидские,
Они старые, стародавние,
Беспачпортные,
Из тумы-то тумов мазурушки,
Чернославские, прироженые.
Соезжалися мазурушки
На высок курган,

Становилися мазурушки
Во единой круг.
Они думали-подумывали
Думу крепкую
Заединую:
«Да кому бы из нас,
Ребятюшки,
Атаманом быть?
Атаманом быть,
Ребятюшки,
Ярмаку-казаку,
Ярмаку-казаку
Тимофеевичу».
Ярмак-казак,
Ребятюшки,
Речь возгóворит:
«Да вы слушайте,
Послушайте,
Что я буду говорить!
Полно нам, ребятюшки,
Пить да гулять,
Полно бражничать.
Не пора ли бы нам
Успокоиться,
На сине море нам,
Ребятюшки,
Время отправиться».
На синем-то море,
Ребятюшки,
На острове,
Легка лодочка
Она плавала, всплавала,
Колыхалася,
К островочику прибивалася.

Не серебряная трубочка
Нам вострубила:
«Да пора нам,
Ребятюшки,
Во поход идти,
Во поход идти
Да Сибирь покорять.
А и вот нам,
Ребятюшки,
Быть повешенным.
А когда же мы,
Ребятюшки,
Да Сибирь покорим,
То за это нас,
Ребятюшки,
Царь простит, помиловает,
Царь простит нас,
Ребятюшки,
Всех пожаловат».

3

Как далече было, дале, во чистом поле,
А еще того подале — на синем море,
Как на славном море было на Каспийском,
Вот не ясны тут соколы слетались,
Собиралися морзорушки каспийские,
Еще стары бродяги беспашпортные,
Беспашпортные хайлы, да всё разбойнички,
Они думали тут думушку заединое:
«Да кому-де из нас, братцы, атаманом быть,
И кому из нас, удалы, есаулом слыть?»

Атаманом быть Ермак сын Тимофевичу,
Есаулом слыть Никите сын Иванычу».
Атаман-то говорил, как в трубу трубил,
Есаул-то говорил, как в свирель играл:
«Еще полно ли нам, братцы, на морях стоять,
Не пора ли нам, удалы, воротиться
Как во славную во нашу мать Россиюшку?
Астрахань мы городочек с вечера пройдем,
А Царицын-то городочек на белой заре,
Мы Самаре-городочку тут поклонимся,
В Жигулевских мы горах жить остановимся».

4

«**К**ак проходит, братцы, лето теплое,
Настает, братцы, зима холодная,
И где-то мы, братцы, зимовать будем?
На Яик нам пойтить — переход велик,
А за Волгу пойтить — нам ворами слыть,
Нам ворами слыть, быть половленным,
По разным по тюрьмам порассоженным,
А мне, Ермаку, быть повешену.
Как вы думайте, братцы, да подумайте,
Меня, Ермака, вы послушайте!»
Ермак говорит, как в трубу трубит:
«Пойдемте мы, братцы, под Казань-город,
Под тем ли под городом сам царь стоит,
Грозный царь Иван Васильевич.
Он стоит, братцы, ровно три года,
И не может он, братцы, Казань-город взять.
Мы пойдемте, братцы, ему поклонимся
И под власть его ему покоримся!»

Как пришел Ермак к царю, на колена стал,
Как возговорит царь Ермаку-казаку:
«Не ты ли Ермак, воровской атаманушка?
Не ты ли разбивал бусы-корабли мои военные?»
— «Я разбивал, государь, бусы-корабли,
Бусы-корабли не орленые, не клейменные.
Отслужу я тебе, государь, службу важную:
Ты позволь мне, царь, Казань-город взять,
А возьму я Казань ровно в три часа.
Да и чем меня будешь жаловать?»
Как надел Ермак сумку старческую,
Платье ветхое, всё истасканное.
И пошел Ермак в Казань за милостыню,
Побираться, христарadniчать.
Заприметил там Ермак пороховую казну,
И с тем вернулся он к товарищам.
«Ой вы братцы мои, атаманы-молодцы!
Да копайте вы ров под пороховую казну».
Скоро вырыли глубокий ров донские казаки.
Как поставил там Ермак свечу воску ярого,
Во боченок ли поставил полный с порохом,
А другую он поставил, где с царем сидел.
И сказал Ермак царю Грозному:
«Догорела свеча — я Казань возьму!»
Догорела свеча — в Казани поднялося облако.
Как крикнет Ермак донским казакам,
Донским казакам, гребенским и яиковским:
«Ой вы братцы мои, атаманы-молодцы!
Вы бегите в город Казань скорехонько,
Вы гоните из города вон всех бусурман,
Не берите вы в полон ни одной души:
Плен донским казакам не надобен!»
Ермак тремя стами казаками город взял,
Город взял он Казань и царю отдал,

Избавил Ермак войско царское от урона.
За то царь пожаловал Ермака князем
И наградил его медалью именною,
Да подарил Ермаку славный тихий Дон
Со всеми его речками и проточками.
Как возговорит Ермак донским казакам:
«Пойдемте, братцы, на тихий Дон, покаемся,
Неженатые, братцы, все поженемся!»

5

Как на славных на степях было саратовских,
Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Камышина,
Собирались казаки-други, люди вольные,
Собирались они, братцы, во единый круг,
Как донские, гребенские и яицкие.
Атаман у них — Ермак сын Тимофеевич,
Есаул у них — Асташка сын Лаврентьевич.
Они думали думушку всё единую:
«Уж как лето проходит, лето теплое,
А зима настает, братцы, холодная,
Как и где-то нам, братцы, зимовать будет?
На Яик нам идтить — да переход велик,
Да на Волге ходить нам — всё ворами слыть,
Под Казань-град идтить — да там царь стоит,
Как Грозной-то царь Иван Васильевич,
У него там силы много-множество;
Да тебе, Ермаку, быть там повешену,
А нам, казакам, быть переловленным
Да по крепким по тюрьмам порассоженным».
Как не золотая трубушка вострубила,
Не серебряная речь громко возговорит —

Речь возговорит Ермак сын Тимофеевич:
«Гей, вы думайте, братцы, вы подумайте
И меня, Ермака, брагцы, послушайте.
Зазимую мы, братцы, всё в Астрахани,
А зимою мы, братцы, поисправимся.
А как вскроется весна красная,
Мы тогда-то, други-братцы, во поход пойдем.
Мы заслужим пред Грозным царем вину свою:
Как гуляли мы, братцы, по синю морю,
Да по синему морю по Хвалынскому,
Разбивали мы, братцы, бусы-корабли,
Как и те-то корабли, братцы, не орленые,
Мы убили посланничка всё царского,
Как того-то ведь посланничка персидского».
Как во славном было городе во Астрахани,
На широкой на ровной было площади,
Собирались казаки-други во единый круг,
Они думали думу крепкую,
Да и крепкую думушку единую:
«Как зима-то проходит всё холодная,
Как и лето настанет, братцы, лето теплое,
Да пора уж нам, братцы, в поход идтить».
Речь возговорит Ермак Тимофеевич:
«Ой вы гой еси, братцы атаманы-молодцы!
Эй вы делайте лодочки-коломенки,
Забивайте вы кочета еловые,
Накладайте бабаечки сосновые,
Мы поедемте, братцы, с божьей помощью,
Мы пригрянемте, братцы, вверх по Волге по реке,
Переждемте мы, братцы, горы крутые,
Доберемся мы до царства бусорманского,
Завоюем мы царство Сибирское,
Покорим его мы, братцы, царю белому,
А царя-то Кучума во полон возьмем.

И за то-то государь-царь нас пожалует.
Я тогда-то пойду сам ко белу царю,
Я надену тогда шубу соболиную,
Я возьму кунью шапочку под мышечку,
Принесу я царю белому повинную:
„Ой ты гой еси, надежа православный царь!
Не вели меня казнить, да вели речь говорить.
Как и я-то, Ермак сын Тимофеевич,
Как и я-то, воровской донской атаманушка,
Как и я-то гулял ведь по синю морю,
Что по синю морю по Хвалынскому,
Как и я-то разбивал ведь бусы-корабли,
Как и те-то корабли всё не орленые.
А теперича, надежа православный царь,
Приношу тебе буйную головушку
И с буйной головой царство Сибирское“.
Речь возговорит надежа православный царь,
Как и Грозный-то царь Иван Васильевич:
„Ой ты гой еси, Ермак сын Тимофеевич,
Ой ты гой еси, войсковой донской атаманушка!
Я прощаю тебя да и со войском твоим,
Я прощаю тебя да за твою службу,
За твою-то ли службу мне за верную,
И я жалую, Ермак, славный тихий Дон“».

6

Н а славной Волге-реке,
На верхней изголове,
На Бузане-острове,
На крутом красном берегу,
На желтых рассыпных песках

А стояли беседы,
Что беседы дубовые,
Исподернуты бархатом.
Во беседочках тут сидели
Атаманы казачие —
Ермак Тимофеевич,
Самбур Андреевич,
Анофрей Степанович.
Они думушку думали заединое
Как про дело ратное,
Про добычу казачею.
Что есаул ходит по кругу
По донскому, яицкому,
Есаул кричит голосом
Во всю буйну голову:
«А и вы гой еси, братцы,
Атаманы казачие!
У нас кто на море не бывал,
Морской волны не видал,
Не видал дела ратного,
Человека кровавого —
От желанья те богу не маливались;
Останьтеса таковы молодцы
На Бузане-острове!»
И сядилися молодцы
Во свои струги легкие,
Они грянули, молодцы,
Вниз по матушке Волге-реке,
По протоке по Ахтубе.
А не ярые гоголи
На сине море выплыли —
Выгребали тут казаки
Среди моря синего,
Против Матицы-острова

Легки струги выдергивали
И веселочки разбрасавали,
Майданы расставляли,
Ковры раздергивали,
Ковры те сорочинские,
И беседы дубовые,
Подернуты бархатом;
А играли казаки
Золотыми тавлеями,
Дорогими вальящетыми.
Посмотрят казаки
Они на море синее —
От того зеленого —
От дуба крековистого
Как бы бель забелелася,
Будто чернь зачернелася —
Забелелися на кораблях
Парусы полотняные,
И зачернелися на море
Тут двенадцать кораблей:
А бегут тут по морю
Славны гости турецкие
Со товары заморскими.
А увидели казаки
Те корабли червлёные,
И бросалися казаки
На свои струга легкие,
А хватали казаки
Оружье долгомерное
И три пушечки медные,
Напускалися казаки
На двенадцать кораблей:
В три пушечки гунули,
А ружьем вдруг грянули.

Турки, гости богатые,
На кораблях от того испужались,
В сине море металися,
А те товары заморские
Казакам доставалися,
А и двенадцать кораблей.
А на тех кораблях
Одна не пужалася
Душа красна девица,
Молода Урзамовна,
Мурзы дочи турского.
Что сговорит девица:
«Не троньте мене, казаки,
Не губите моей красоты,
А и вы везите мене, казаки,
К сильну царству Московскому,
Государству Российскому,
Приведите, казаки,
Мене в веру крещеную».
Не тронули казаки
Душу красну девицу
И посадили во свои струги легкие.
А и будут казаки
На протоке на Ахтубе,
И стали казаки
На крутом красном берегу,
Майданы расставляли,
Майданы те терские,
Ковры сорочинские,
А беседы расставляли,
А беседы дубовые,
Подернуты бархатом,
А столы дорог рыбей зуб.
А и кушали казаки

Тут они кушанье разное
И пили питья медяные,
Питья все заморские.
И будут казаки
На великих на радостях
Со добычи казачия.
Караулы ставили,
Караулы крепкие, отхожие,
Сверху матки Волги-реки,
И снизу таковые ж стоят.
Запились молодцы
А все они до единого.
А втапоры и во то время
На другой стороне
Становился стоять
Персидской посол
Коромышев Семен Костянтинович
Со своими солдаты и матрозами.

Казаки были пьяные, а солдаты не со всем умом; напушались на них драться ради корысти своея. Ведал ли, не ведал о том персидский посол, как у них драка сочинилася. В той было драке персидского посла солдат пятьдесят человек, тех казаки прибили до смерти, только едва остались три человека, которыя могли убежать на корабль к своему послу сказывать. Не разобрал того дела персидский посол, о чем у них драка сочинилася, послал он сто человек всю ту правду расспрашивать.

И тем солдатам показалось,
Что те люди стоят недобрые,
Зачали с казаками драться.
Втапоры говорил им большой атаман
Ермак Тимофеевич:
«Гой вы еси, солдаты хорошие,

Слуги царя верные!
Почто с нами деретесь?
Корысть ли от нас получите?»
Тут солдаты безумные
На его слова не сдавались
И зачали драться
Боем-то смертным,
Что дракою некорыстною.
Втапоры доложился о том
Большой есаул Стафей Лаврентьевич:
«Гой вы еси, атаманы казаки!
Что нам с ними делати?
Солдаты упрямые,
Лезут к нам с дракою в глаза!»
И на те его слова
Большой атаман
Ермак Тимофеевич
Приказал их до смерти бити
И бросати в матку Волгу-реку.
Зачали казаки с ними драться
И прибили их всех до смерти.

Только из них один ушел капрал островской и, прибежавши на свой корабль к послу персидскому Семену Костянтиновичу Коромышеву, стал обо всем ему рассказавати, кака у них с казаками драка была. И тот персидской посол не размышлил ничего, подымался он со всею гвардию своею на тех донских казаков. Втапоры ж подымались атаманы казачие — Ермак Тимофеевич, Самбур Андреевич и Анофрей Степанович. И стала у них драка великая и побоища смертное. А атаманы казачие сами они не дралися, то́лько своим казакам цыкнули — и прибили всех солдат до смерти, ушло ли, не ушло с десятков человек.

И в той же драке убили
Самого посла персидского
Семена Константиновича Коромышева.
Втапоры казаки
Все животы посла персидского
Взяли себе, платье цветное
Клали в гору Змеевую. Пошли они, казаки,
По протоке по Ахтубе,
Вниз по матушке Волге-реке.
А и будут казаки
У царства Астраханского.
Называется тут Ермак со дружиною
Купцами заморскими. А явили в таможене
товары разные
И с тех товаров платили пошлину
В казну государеву
И теми своими товарами
Торговали без запрещения.
Тем старина и кончилась.

7

Во славном понизовом городе Астрахани,
Против пристани матки Волги-реки
Соходилися тут удалы добры молодцы,
Донские славны атаманы казачие —
Ермак Тимофеевич,
Самбур Андреевич и Анофрей Степанович.
И стали они во единой круг,
Как думати думушку заединое,
Со крепка ума, с полна разума.

Атаман говорил донским казакам,
По имени Ермак Тимофеевич:
«Ай вы гой еси, братцы атаманы казачие!
Не корыстна у нас шутка зашучена:
Гуляли мы по морю синему
И стояли на протоке на Ахтубе,
Убили мы посла персидского
Со всеми его солдатами и матросами,
И всем животом его покорыстовались;
И как нам на то будет отвечать?
В Астрахани жить нельзя,
На Волге жить — ворами слыть,
На Яик идти — переход велик,
В Казань идти — Грозен царь стоит,
Грозен царь-осударь Иван Васильевич;
В Москву идти — перехватанным быть,
По разным городам разосланным
И по темным тюрьмам рассаженным.
Пойдемте мы в Усолья ко Строгоновым,
Ко тому Григорью Григорьевичу,
К тем господам к Вороновым;
Возьмем мы много свинцу, пороху
И запасу хлебного».

И будут они в Усолье у Строганова, взяли запасы хлебные, много свинцу, пороху, и пошли вверх по Чусовой-реке, где бы Ермаку зима зимовать. И нашли они пещеру каменну на той Чусовой-реке, на висячем большом камне; и зашли они сверх того камню, опускалися в ту пещеру казаки, не много не мало — двести человек, а которые остались люди похужея, на другой стороне в такую ж они пещеру убиралися. И тут им было хорошо зима зимовать. Та зима проходит, весна настает; где Ермаку путя искать? Путя ему искать по Серебряной реке. Стал Ермак убиратися со своими товарищами; по Серебряной пошли.

до Жаровля дошли, оставили они тут лодки-коломенки; на той Баранченской переволоке одну тащили, да надселися, там ее покинули. И в то время увидели Баранчу-реку, обрадовались, поделали боты сосновые и лодки-набойницы; поплыли по той Баранче-реке, и скоро они выплыли на Тагиль-реку; у того Медведя-камня у Магницкого — горы становились, а на другой стороне была у них плотбища, делали большие коломенки, чтоб можно им совсем убраться. Жили они тут, казаки, с весны до Троицева дни, и были у них промыслы рыбные, тем они и кормились; и как им путь надлежал, совсем в коломенки убирался и поплыли по Тагиль-реке; а и выплыли на Туру-реку и поплыли по той Туре-реке в Епанчу-реку, и тут они жили до Петрова дни, еще они тут управлялись, поделали людей соломенных и нашли на них платье цветное; было у Ермака дружины триста человек, а стало уже со теми больше тысячи. Поплыли по Тоболь-реке, в Мяденски юрты приплыли, тут они князька полонили небольшого, дабы показал им путь по Тоболь-реке. Во тех устьях тобольских на изголове становились, и собирались во единый круг, и думали думушку крепку заедино: как бы им приплыть к горе Тобольской той? Сам он, Ермак, пошел устьем верхним, Самбур Андреевич устьем средним, Анофрей Степанович устьем нижним, которая устья впала против самой горы Тобольс(к)ия. И выплыли два атаманы казачие, Самбур Андреевич и Анофрей Степанович, со своими товарыщами на Иртыш-реку, под самую высокую гору Тобольскую. И тут у них стала баталия великая со теми татарами котовскими; татара в них бьют со крутой горы, стрелы летят, как часты дожди, а казакам взять не можно их. И была баталия целой день, прибили казаки тех татар немало число. И тому татары дивовались, каковы русски люди крепкие, что ни едино убить не могут их: каленых стрел в них, как в снопики, налеплено, только казаки всё невредимы стоят, и тому татары дивуются наипаче того. В то же время пришел атаман

Ермак Тимофеевич со своею дружиною тою лукою Соуксанскою, дошел до устья Сибирки-реки и в то время полонил Кучума — царя татарского, а первого князька пойманного отпустил со известием ко тем татарам котовским, чтобы они в драке с казаками помирились: уж-де царя вашего во полон взяли тем атаманом Ермаком Тимофеевым. И таковы слова услыша, татары сокотилися и пошли к нему, Ермаку, с подарочками, понесли казну соболиную и бурых лисиц сибирских; и принимал Ермак у них, не отсылаючи; а на место Кучума-царю утвердил Сабанака-татарина и дал ему полномочие владеть ими. И жил там Ермак с Покрова до зимнего Николаина дня. Втапоры Ермак шил шубы соболиные, нахтармами вместе сшивал, а теплые мехи на верх обеих сторон; таковы ж манером и шапки шил. И убравши Ермак со всемя казаки, отъезжал в каменну Москву, ко Грозному царю Ивану Васильевичу. И как будет Ермак в каменной Москве, на канун праздника Христова дня, втапоры подкупил в Москве большого боярина Никиту Романовича, чтобы доложил об нем царю Грозному. На самой праздник Христов день, как изволил царь-государь идти от заутрени, втапоры доложил об них Никита Романович: что-де атаманы казачие, Ермак Тимофеевич с товарищи, к твоему царскому величеству с повинностью пришли и стоят на Красной площади, и тогда царь-государь тотчас велел пред себя привести того атамана Ермака Тимофеева, со темя его товарищи; тотчас их ко царю представили в тех шубах соболиных. И тому царь удивляется; и не стал больше спрашивати, велел их разослать по фатерам до того часу, когда спросятся. Втапоры царю праздник радощен был, и было пирование почестное на великих на радостях, что полонил Ермак Кучума — царя татарского, и вся сила покорилася тому царю Грозному, царю Ивану Васильевичу. И по прошествии того праздника приказал царь-государь того Ермака пред себя привести; тотчас их собрали и ко царю представили. Вопросает тут их царь-

государь: «Гой ты еси, Ермак Тимофеев сын! Где ты бывал, сколько по воле гулял и напрасных душ губил, и каким случаем татарского Кучума-царя полонил и всю его татарскую силу под мою власть покорил?» Втапоры Ермак пред Грозным царем на колени пал и письменное известие обо всем своем походе подавал, и при том говорил таковые слова: «Гой еси, вольной царь, царь Иван Васильевич! Приношу тебе, осударь, повинность свою, гуляли мы, казаки, по морю синему и стояли на протоке на Ахтубе; и в то время годилося мимо идти послу персидскому Коромышеву Семену Костянтиновичу со своими солдата и матросами, и они напали на нас своею волею, и хотели от нас поживиться, казаки наши пьяные были, а солдаты упрямые, и тут персидского посла устукали со теми его солдаты и матросами». И на то царь-государь не прогневался, но и паче умилился, приказал Ермака пожаловати. И посылал его в ту сторону Сибирскую ко тем татарам котовским, брать с них дани-выходы в казну государеву. И по тому приказу государеву поехали Ермак Тимофеевич со своими казаками в ту сторону Сибирскую. И будет он у тех татар котовских, стал он их больше под власть государеву покоряти, дани-выходы без опущения избирати. И год, другой тому времени поизойдучи, то татары збунтовались, на Ермака Тимофеева напустились на той большой Енисее-реке. Втапоры у Ермака были казаки разосланы по разным дальним странам, а при нем только было казаков на две коломенки. И бились, дрались с татарами время немалое. И для помощи своих товарищей он, Ермак, похотел перескочити на другую свою коломенку, и ступил на переходню обманчивую, правую ногою поскользнулся он — и та переходня с конца верхнего подымалася и на его опускалася, разбила ему буйну голову и бросила его в тое Енисею, быстру реку. Тут Ермаку такова смерть случилася.

Ой на степе, степе, да
На дикой-то степе да на саратовой,
Там стоял-то, стоял на дикой-то степе
Тонкий белый шатер.
Ой как никто к нему, да
Кы белому шатру, не приезживал,
Да ни конного, да ни пешего
Следу не... следу не было.
Ой как приехали да
Кы белому-то шатру да князья крымские,
Князья крымские кы белому-то шатру,
Межгородские.
Ой как еще бывал да
Кы белому-то шатру Ицламбер-то мурза,
Он приехал к шатру, Ицламбер-то мурза,
На добром-то коне,
Ой на добром коне, да
Ицламбер-то мурза, сивогривеньком.
Он приехал, мурза, кы белому шатру,
Стал с коня слезать;
Ой он слезает с коня, да
Ицламбер-то мурза, стал привязывать,
Он привязывал, Ицламбер-то мурза,
Никому не сказывал.
Ой как и входит он, да
Ицламбер-то мурза, вы белой-то шатер,
Он и черную, да Ицламбер-то мурза,
Шляпу скидывал,
А он со всеми князьями,
Сы боярами сам поздравлялся,
Как с одним-то бы он с казаком Ермаком

Не здоровкался.
Ай как и тут казак, да
Что старик-то Ермак, он рассердился,
Он рассердился, да что казак-то Ермак,
Сам разгневался,
А он встает, встает,
Наш казак-то Ермак, сы постелюшки:
«Ой и что-й-то у нас за невежишша,
За диковина?
А что и входит в шатер
Да со всеми людьми всё здоровкается,
Как с одним-то бы он с казаком Ермаком
Да не здоровкается!»
Ай вот и взял Ермак-то
Ицламбер-мурзу за головушку,
Да срубал-то ему наш казак-то Ермак
Буйну голову.

9

По край моря синего,
На усть Дону тихого
Построилась башенка,
Башенка высокая.
На этой на башенке,
На самой на маковке
Стоял часовой казак,
Стоял приумаялся,
С часов долго не сменяючись.
Немножко помешкавши,
С караула казак бежит,

Бежит — спотыкается,
Говорит — задыхается:
«Родимый наш батюшка
Ермак Тимофеевич!
У нас на синём море
Несчастье случилось:
Не бель забелелася,
Не чернь зачернелася —
Это зачернелися
Корабли турецкие,
Это забелелися
Паруса их белые».
— «Не бойтесь, ребятушки,
Донские мои казаченьки,
Берите бабаечки,
Садитесь во лодочки,
Поезжайте в синё море,
Скоро распроведайте,
Чем эти кораблички
Они нагруженные».
Они нагруженные
Разными товарами.

10

Как у нас было на тихом Дону, да на том
на Ивановиче,
Живут ли, слывут люди вольные, они всё казаки
донские.
Как поставили казаки они крепостцу,
Как и крепостцу будто новую,

По углам ее стоят башенки,
Как на тех было на башенках,
Да и сверху на маковках,
Караулы поставлены, часовые расставлены.
Не задолгим помешкавши, пищаль турки ударила,
Через два часа мешкавши, еще одна прогрянула,
Через три часа мешкавши, с караула казак бежит,
Он бежит — спотыкается, говорит — захлинается:
«Ох ты батюшка, батюшка, ты донской атаманушка
Ермак сын Тимофеевич!
Как у нас было на море
Не черным зачернелось, не белым забелелось —
Зачернелись на море все турецкие корабли,
Забелелись на море все брезентовые парусы».
Как и тут-то возговорит Ермак сын Тимофеевич:
«Ох вы казаки, казаки, вы садитесь в легкие лодочки,
Берите вы бабаечки еловые, догоняйте вы корабли
турецкие,
Вы снимайте с турок головы, забирайте золото-серебро,
Забирайте же вы невольничков, провожайте их
на святую Русь».

11

А и по край было моря синего,
Что на устье Дону-то тихого,
На крутом красном бережку,
На желтых рассыпных песках,
А стоит крепкой Азов-город
Со стеною белокаменную,
Земляными раскатами,
И ровами глубокими,

И со башнями караульными.
Среди Азова-города
Стоит темная темница,
А злодейка земляная тюрьма.
И во той было темной темницы
Что двери были железные,
А замок был в три пуда,
А пробои были булатные,
Как засовы были медные.
Что во той темной темницы
Засажон сидит донской казак,
Донской казак
Ермак Тимофеевич.
Мимо той да темной темницы
Лучилося царю идти,
Самому царю тому турецкому
Салтану Салтановичу.
А кричит донской казак
Ермак Тимофеевич:
«А ты гой еси, турецкой царь
Салтан Салтанович!
Прикажи ты меня поить-кормить,
Либо казнить, либо на волю пустить!»
Постоялся турецкой царь
Салтан Салтанович:
«А мурзы вы улановья!
А вы сгаркайте из темницы
Того тюремного старосту».
А и мурзы-улановья
Метались через голову,
Привели его улановья
Они старосту тюремного;
И стал он, турецкой царь,
У тюремного старосты спрашивать:

«Еще что за человек сидит?»
Ему староста рассказывает:
«А и ты гой еси, турецкой царь
Салтан Салтанович!
Что сидит у нас донской казак
Ермак Тимофеевич».
И приказал скоро турецкой царь:
«Вы мурзы-улановья,
Ведите донского казака
Ко палатам моим царским!»
Еще втапору турецкой царь
Напоил, накормил доброго молодца
И тожно стал его спрашивати:
«А ты гой еси, донской казак!
Еще как ты к нам в Азов попал?»
Рассказал ему донской казак:
«А и я послан из каменной Москвы
К тебе, царю, в Азов-город,
А и послан был скорым послом
И гостиницы дорогие к тебе вез,
А на заставах твоих меня всего ограбили,
И мурзы-улановья моих товарищей
Рассадили, добрых молодцов,
И по разным темным темницам».
Еще втапору турецкой царь
Приказал мурзы-улановьям
Собрать добрых молодцов
Ермаковых товарищев.
О〈т〉пущает добрых молодцов
Ермака в каменну Москву,
Снарядил доброго молодца
Ермака Тимофеевича,
Наградил златом-серебром,
Еще питьями заморскими.

Отлучился донской казак
От Азова-города,
Загулялся донской казак
По матушке Волге-реке,
Не явился в каменну Москву.

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ
XVII ВЕКА**

Смерть царевича Дмитрия

Не вихрь крутит по долинушке,
Не седой ковыль к земле клонится,
То орел летит поднебесью,
Зорко смотрит он на Москву-реку,
На палатушки белокаменны,
На сады ее зеленые,
На златой дворец стольна города.
Не лютая змея воздыбалася,
Воздыбался собака — булатный нож,
Упал он ни на воду, ни на землю,
Упал он царевичу на белу грудь,
Да тому ли царевичу Дмитрию.
Убили ж царевича Дмитрия,
Убили его на Углищи,
На Углищи на игрищи.
Уж как в том дворце черной ноченькой
Коршун свил гнездо с коршунятами!
Уж как тот орел Дмитрий-царевич,
Что и коршун тот Годунов Борис,
Убивши царевича, сам на царство сел;
Царил же он, злодей, ровно семь годов.

Не вихрь крутит по долинушке,
Не седой ковыль к земле клонится,
То идет грозный божий гнев
За православную Русь.
И погиб коршун на гнезде своем,
Его пух прошел по поднебесью,
Проточилась кровь на Москве-реке.

Борис Годунов

О х было у нас, братцы, в старые годы,
в давние веки,
В давние веки, при старых при царях,
Было время злое, пагубное.
Уж настало то время злое при старом при царе
Федоре Ивановиче;
Как преставился-то наш православный царь
Федор Иванович,
Так досталась-то Россеюшка злодейским рукам,
Злодейским рукам, боярам-господам.
Появилась-то из бояр одна буйна голова,
Одна буйна голова, Борис Годунов сын;
Уж и этот Годун всех бояр-народ надул.
Уж и вздумал полоумный Россеюшкой управлять,
Завладел всею Русью, стал царствовать в Москве.
Уж достал он и царство смертью царя,
Смертью царя славного, святого Димитрия-царевича.
Как собрал-то себе разбойник Годунов сын,
Собрал проклятых людей, злых разбойников,
Собравши их, прокляту речь им взгóворил:
«Вы разбойнички, удалые молодцы,

Отворити будет тёмна келья,
На добрых молодцов посмотрíti.
Ино ох милые наши переходы!
А кому будет по вас да ходити
После царского нашего жítья
И после Бориса Годунова?
Ах милые наши терёмы!
А кому будет в вас да седети
После царского нашего жítья
И после Бориса Годунова?»

Гришка Отрепьев

Ты боже, боже, спас милостивой!
К чему рано над нами прогневался,
Сослал нам, боже, прелестника,
Злого расстригу Гришку Отрепьева,
Уже ли он, расстрига, на царство сел?
Называется расстрига прямым царем,
Царем Димитрием Ивановичем Углицким.
Недолго расстрига на царстве сидел,
Похотел расстрига жениться,
Не у себя-то он в каменной Москве —
Брал он, расстрига, в проклятой литве,
У Юрья пана Седомирского
Дочь Маринку Юрьеву,
Злу еретницу-безбожницу.
На вешней праздник Николин день
В четверг у расстриги свадьба была,
А в пятницу праздник Николин день
Князи и бояра пошли к заутрени,

А Гришка-расстрига он в баню с женой.
На Гришке рубашка кисейная,
На Маринке соян хрушетой камки.
А час, другой поизойдучи,
Уже князи и бояра от заутрени,
А Гришка-расстрига из бани с женой.
Выходит расстрига на Красной крылец,
Кричит-ревет зычным голосом:
«Гой еси, клюшники мои, приспешники!
Приспевайте кушанье разное,
А и постное и скоромное:
Завтра будет ко мне гость дорогой,
Юрья пан со паньею!»
А втапору стрельцы догадалися,
За то-то слово спохватилися,
В Боголюбов монастырь металися
К царице Марфе Матвеевне:
«Царица ты Марфа Матвеевна!
Твое ли это чадо на царстве сидит,
Царевич Димитрей Иванович?»
А втапору царица Марфа Матвеевна заплакала
И таковы речи во слезах говорила:
«А глупы стрельцы вы, недогадливы!
Какое мое чадо на царстве сидит?
На царстве у вас сидит
Расстрига Гришка Отрепьев сын;
Потерян мой сын, царевич Димитрей Иванович,
на Угличе
От тех от бояр Годуновых;
Его мощи лежат в каменной Москве
У чудных Софеи премудрия;
У того ли-то Ивана Великого
Завсегда звонят во царь-колокол,
Соборны попы собираются,

За всякия праздници совершают панафиды
За память царевича Димитрия Ивановича,
А Годуновых бояр проклинаят завсегда».
Тут стрельцы догадалися,
Все оне собиралися,
Ко Красному царскому крылечку металися
И тут в Москве сбунтовалися.
Гришка-расстрига догадается,
Сам в верхни чердаки убирается
И накрепко запирается.
А злая его жена Маринка-безбожница
Сорокою обернулася
И из палат вон она вылетела.
А Гришка-расстрига втапору догадлив был,
Бросался он со тех чердаков на копыя вострые
Ко тем стрельцам, удалым молодцам,
И тут ему такова смерть случилась.

* * *

И но что у нас в Москве учинилося —
С полуночи у нас в колокол звонили?
А расплачутся гости москвѣичи:
«А тепере наши головы загибли,
Что не стало у нас воеводы
Васильевича князя Михаила!»
А съезжалися князи-бояря супротиво к ним,
Мстисловской-князь, Воротынской,
И между собою они слово говорили,
А говорили слово, усмехнулися:

«Высоко сокол поднялся
И о сыру матеру землю ушибся!»
А расплачутся свецкие немцы:
«Что не стало у нас воеводы
Васильевича князя Михаила!»
Побежали немцы в Нов-город
И в Нове-городе заперлися
И многой мир-народ погубили
И в латынскую землю превратили.

* * *

Как бы во сто двадцать седьмом году,
В седьмом году восьмой тысячи
А и деялось, учинилося:
Кругом сильна царства Московского
Литва облегла со все четыре стороны,
А и с нею сила — сорочина долгополая,
И те черкасы пятигорские,
Еще ли калмыки с татарами,
Со татарами, со башкирцами,
Еще чукши с олюторами.
Как были припасы многие,
А и царские и княженецкие,
Боярские и дворянские —
А нельзя ни пройти, ни проехати
Ни конному, ни пешему,
И ни соколом вон вылетети
А из сильна царства Московского
И великого государства Российского.
А Скопин князь Михайла Васильевич,
Он правитель царству Московскому,

Обережатель миру крещеному
И всей нашей земли святорусския,
Что ясён сокол вон вылетывал,
Как бы белой кречет вон выпархивал —
Выезжал воевода московской князь,
Скопин князь Михайла Васильевич,
Он поход чинил ко Нову-городу.
Как и будет Скопин во Нове-граде,
Приезжал он, Скопин, на съезжей двор,
Походил во избу во съезжую,
Садился Скопин на ременчат стул,
А и берет чернилицу золотую,
Как бы в не(й) перо лебединое,
И берет он бумагу белую,
Писал ерлыки скорописчеты
Во Свицкую землю, Саксонскую,
Ко любимому брату названому,
Ко свицкому королю Карлусу.
А от мудрости слово поставлено:
«А и гой еси, мой названой брат,
А ты свицкий король Карлус!
А и смилуйся, смилосердися,
Смилосердися, покажи милость —
А и дай мне силы на подмочь;
Наше сильно царство Московское
Литва облегла со все четыре стороны,
Приступила сорочина долгополая,
А и те черкасы пятигорские,
А и те калмыки со башкирцами,
А и те чукши с олоторами,
И не можем мы с ними управиться;
Я закладываю три города русские».
А с ерлыками послал скорого почтаря,
Своего любимого шурина,

А того Митрофана Фунтосова.
Как и будет почтарь в полувецкой орде
У честна короля, честного Карлуса,
Он въезжает прямо на королевской двор,
А ко свицкому королю Карлусу.
Среди двора королевского
Скочил почтарь со добра коня,
Вязал коня к дубову столбу,
Сумы похватил, сам во палаты идет.
Ни за чем почтарь не замешкался,
Приходит во палату белокаменну,
Расковыривал сумы, вынимал ерлыки,
Он кладет королю на круглой стол.
Принимавши, король распечатоваает,
Распечатал, сам просматривает,
И печальное слово повыговорил:
«От мудрости слово поставлено,
От любимого брата названого,
Скопина князя Михайла Васильевича,
Как просит силы на подмочь,
Закладывает три города русские».
А честны король, честны Карлусы
Показал ему милость великую,
Отправляет силы со трех земель:
А и первые силы-то свицкие,
А другие силы — саксонские,
А и третьи силы — школьские —
Того ратного люду ученого
А не много, не мало — сорок тысячей.
Прибыла сила во Нов-город,
Из Нова-города в каменну Москву.
У ясна сокола крылья отросли,
У Скопина-князя думушки прибыло.
А поутру рано-ранешонько

В соборе Скопин он заутреню отслужил,
Отслужил, сам в поход пошел,
Подымавши знаменье царское,
А на знаменье было написано
Чуден Спас со Пречистою,
На другой стороне было написано
Михайло и Гаврило архангелы,
Еще вся тут сила небесная.
В восточную сторону походом пошли —
Они вырубил чужь белоглазую
И ту сорочину долгополюю;
В полуденную сторону походом пошли —
Прекростили черкас пятигорских,
А немного дралися, скоро сами сдались —
Еще ноне тут Малороссия;
А на северну сторону походом пошли —
Прирубили калмык со башкирцами;
А на западну сторону и в ночь пошли —
Прирубили чукши с олюторами.
А кому будет божья помочь?
Скопину князю Михайлу Васильевичу,
Он очистил царство Московское
И велико государство Российское.
На великих тех на радостях
Служили обедни с молебнами
И кругом города ходили в каменной Москвы.
Отслуживши обедни с молебнами
И всю литоргию великую,
На великих на радостях пир пошел,
А пир пошел и великой стол
И Скопина князя Михайла Васильевича,
Про весь православной мир,
И велику славу до веку поют
Скопину князю Михайлу Васильевичу.

Как бы малое время замешкавши,
А во той же славной каменной Москвы
У того ли было князя Воротынского
Крестили младого князевича,
А Скопин князь Михайла кумом был,
А кума была дочи Малютина,
Того Малюты Скурлатова.
У того-то князя Воротынского
Как будет и почестной стол,
Тута было много князей и бояр и званых
гостей.

Будет пир во полупире;
Княженецкой стол во полустоле,
Как пьяненьки тут расхвастались.
Сильный хвастает силою,
Богатой хвастает богатством;
Скопин князь Михайла Васильевич
А и не пил он зелена вина,
Только одно пиво пил и сладкой мед,
Не с большего хмелю он похвастается:
«А вы глупой народ, неразумные!
А все вы похваляетесь безделицей;
Я, Скопин Михайла Васильевич,
Могу, князь, похвалиться,
Что очистил царство Московское
И велико государство Российское;
Еще ли мне славу поют до веку
От старого до малого,
А от малого до веку моего».
А и тут боярам за беду стало,
В тот час они дело сделали:
Поддернули зелья лютого,
Подсыпали в стакан, в меды сладкия,
подавали куме его крестовья,

Малютиной дочи Скурлатовой.
Она знавши, кума его крестовая,
Подносила стакан меду сладкого
Скопину князю Михайлу Васильевичу.
Примает Скопин, не отпирается,
Он выпил стакан меду сладкого,
А сам говорил таково слово,
Услышал во утробе неловко добре:
«А и ты съела меня, кума крестовая,
Малютина дочи Скурлатова!
А зазнаючи мне со зельем стакан подала,
Съела ты мене, змея подколодная!»
Голова с плеч покатилася,
Он и тут, Скопин, скоро со пиру пошел,
Он садился, Скопин, на добра коня,
Побежал к родимой матушке;
А только успел с нею проститися,
А матушка ему пенянь стала:
«Гой еси, мое чадо милая,
Скопин князь Михайла Васильевич!
Я тебе приказовала,
Не велела ездить ко князю Воротынскому,
А и ты мене не послушался;
Лишила тебе свету белого
Кума твоя крестовая,
Малютина дочи Скурлатова!»
Он к вечеру, Скопин, и преставился.
То старина, то и деянье —
Как бы синему морю на утишенье,
А быстрым рекам слава до моря,
Как бы добрым людям на послушанье,
Молодым молодцам на перениманье,
Еще нам, веселым молодцам, на потешенье,
Сидючи в беседе смиренныя,

Испиваючи мед, зелена вина;
Где-ка пива пьем, тут и честь воздаем
Тому боярину великому
И хозяину своему ласкову.

Василий Шуйский

Как не из-за лесов-то дремучих стая воронов
слеталася,
Соходился весь московский народ на площадь
Красную,
На тою ли площадь Красную, на Ивановскую.
Уж на той ли на высокой колокольне
В большой колокол звóнили.
Ох и братцы, что-то у нас делается,
Уж не чудо ли какое совершается?
Во дворце что-то все взволновались,
Все лакеи, все прислужнички всзуетилися.
Уж не бояре ли взбунтовались,
Уж не злые ли собаки повзбесилися,
Уж и жив ли наш православный царь,
Православный царь Василий Иванович?
Уж и что, братцы, во дворце его не видно,
Что косящеты окошечки все завешаны?
Как и взгóворит в народе удалой молодец:
«Ох вы братцы, вы не знаете беды-горести,
Что царя нашего Василья злы бояре погубили,
Злы собаки погубили, во Сибирь его послали;
А уж сделали царем какого басурмана,
Что Петрушку-самозванца, злого боярина!»
Уж все люди перьпугались,
В разны стороны побросались.

Ляпунов и Гужмунд

Как было то у нас на святой Руси,
На святой Руси, в каменнóй Москве,
Было время военное, времячко мятежное,
Заполонила-то Москву погана литва,
Погана литва, проклята польска сторона.
Как уж жил тут поживал нечестивый Гужмунд:
Жил он во святых местах,
Во святых местах, в царских русских теремах.
Недолго продолжалась его московска веселая жизнь,
Недолго продолжалась, только много горя нам
накачалось.

Многи русские бояре нечестивцу отдались,
Нечестивцу отдались, от Христовой веры отреклись;
Уж один-то боярин, думный воеводушко, крепко веру
защищал,

Крепко веру защищал, изменников отгонял,
Уж как думный воевода был Прокофий Ляпунов.
Как Прокофий-то Петрович разослал своих гонцов,
Как Прокофий Ляпунов рóздал письма гонцам,
Рóздал письма гонцам и приказ им приказал:
«Поезжайте вы, гонцы, на все русские концы,
На все русские концы, во большие города,
Вы просите воевод идти с войском сюда,
Свободить город Москву, защищать веру Христа!»
Как узнал-то Гужмунд от своих изменников-бояр,
Что разослал-то Ляпунов гонцов в города,
Гонцов в города, просить воевод с войском сюда,
Рассердился, распалился нечестивый Гужмунд;
Распалившись, велел воеводушку убить,
Того ли воеводу Прокофья Ляпунова.
И убили злы изменники воеводушку.

Как и двинулись думны воеводы со больших городов,
Все большие города — Казань, Нижний — пришли
с войском сюда,
Как и начали русаки погану литву колоть-рубить,
Погану литву рубить, нечестивого Гужмунда
веревкой душить;
Удушили, всё нечестивое племя из Москвы повыгнали.

Минин и Пожарский

Как в старом то было городе,
Во славном и богатом Нижнем,
Как уж жил тут поживал богатый мещанин,
Богатый мещанин Кузьма Сухорукий сын.
Он собрал-то себе войско из удалых молодцов,
Из удалых молодцов — нижегородских купцов.
Собравши их, он речь им взгóворил:
«Ох вы гой еси, товарищи, нижегородские купцы!
Оставляйте вы свои дома,
Покидайте ваших жен, детей,
Вы продайте всё ваше злато-серебро,
Накупите себе вострых копийёв,
Вострых копийёв, булатных ножей,
Выбирайте себе из князей и бояр удалого молодца,
Удалого молодца воеводушку.
Пойдем-ко мы сражатися
За матушку за родну землю,
За родну землю, за славный город Москву.
Уж заполонили-то Москву проклятые народы,
поляки злы.
Разобьем их, много перевешаем,

Самого-то Сузмунда-короля их в полон возьмем;
Освободим мы матушку Москву от нечестивых жидов,
Нечестивых жидов, поляков злых!»
Уж как выбрали себе солдатушки, молодые ратнички,
Молодые ратнички — нижегородские купцы,
Выбрали себе удалого молодца,
Удалого молодца воеводушку
Из славного княжеского роду —
Князя Дмитрия, по прозванию Пожарского.
Уж повел их славный князь Пожарский
За славный Москву-город сражаться,
С нечестивыми жидами-поляками войной браниться.
Уж привел-то славный князь Пожарский своих
храбрых воинов,
Привел ко московским стенам;
Становил-то славный князь Пожарский своих добрых
воинов
У московских у крепких стен;
Выходил-то славный князь Пожарский перед войско
свое,
Как уж взгóворил он своим храбрым воинам:
«Ох вы гой еси, храбрые солдатушки,
Храбрые солдатушки, нижегородские купцы!
Помолимся мы на святые на врата на Спасские,
На пречистый образ спасителя!»
Помолившись, дело начали.
Как разбили-проломили святые врата,
Уж взошли-то храбрые солдатушки в белокаменный
Кремль,
Как и начали солдатушки поляков колоть, рубить,
Колоть, рубить, в большие кучи валить;
Самого-то Сузмунда в полон взяли,
В полон взяли, руки-ноги ему вязали,
Руки-ноги вязали, буйну голову рубили.

Собралися все князья, бояре московские,
Собиралися думу думати,
Как и взгóворют старшие бояре — воеводы

московские:

«Вы скажите, вы бояре, кому царем у нас быть?»

Как и взгóворют бояре — воеводы московские:

«Выбираем мы себе в цари

Из бояр боярина славного —

Князя Дмитрия Пожарского сына!»

Как и взгóворит к боярам Пожарский-князь:

«Ох вы гой еси, бояре — воеводы московские!

Не достоин я такой почести от вас,

Не могу принять я от вас царства Московского.

Уж скажу же вам, бояре — воеводы московские:

Уж мы выберем себе в православные цари

Из славного, из богатого дому Романова —

Михаила сына Федоровича».

И выбрали себе бояре в цари Михаила

сына Федоровича.

Царь Михаил Федорович

Что же вы, ребяташки, призадумались,

Призадумались, прикручинились?

Или вы, ребяташки, каку слышали печаль?

Как и взговорит детина добрый молодец:

«Иль не знаешь ты, детина, горя нашего?

Переставился во полуночи Василий-царь,

И не знаем теперь и не ведаем, кому царем у нас быть».

Как взговорит детина добрый молодец:

«Позабудьте, братцы, горе общее.

Не возвратить нам царя белого,
Не оплакать его душу добрую.
Но скажу вам, братцы, весточку новую:
Уж бояры-воеводы нам выбрали царя
Из славного, богатого роду Романова —
Михаила сына Федоровича!»

Поп Емеля

Выпала порошица
На талую землю,
 Ой с Дону, с Дону!
По той по порошице
Ишел тут обозец,
 Ой с Дону, с Дону!
Не мал, не величек —
Да семеро саней,
 Ой с Дону, с Дону!
Да семеро саней,
По семеро в санях,
 Ой с Дону, с Дону!
Во первых-то санях
Атаманы сами,
 Ой с Дону, с Дону!
Во вторых-то санях
Есаулы сами,
 Ой с Дону, с Дону!
А в четвертых санях
Разбойники сами,
 Ой с Дону, с Дону!

А в пятых-то санях
Мошенники сами,
 Ой с Дону, с Дону!
А в шестых-то санях
Дёрники сами,
 Ой с Дону, с Дону!
А в седьмых-то санях
Сам поп-ат Емеля,
 Ой с Дону, с Дону!
Сам поп-ат Емеля,
А крест на ремени,
 Ой с Дону, с Дону!
А крест на ремени
В четыре сажени,
 Ой с Дону, с Дону!
Рукой благословляет,
Крестом наделяет,
 Ой с Дону, с Дону!
«Ох вы дети, дети,
Полезайте в клетки,
 Ой с Дону, с Дону!
Головы рубите,
А душ не губите,
 Ой с Дону, с Дону!
Если бог поможет,
Попа не забудьте,
 Ой с Дону, с Дону!
Если ж черт обрушит,
Двора мого не знавайте,
 Ой с Дону, с Дону!»

Поход царя Михаила Федоровича на Астрахань

С наряджался православный царь Михайло во дорожку,
Как во дальнюю дорожку в астраханску.
Снарядился он со воинством,
Всё с полками со стрелецкими,
Распростился он с царицею,
Благословил он малых детушек.
Распростившись, царица горько всплакала,
Всплакавши, слово молвила:
«Воротися, православный царь Михайло, поскорее!
Привези свое здоровье малым детушкам,
Привези ты мне, царице, жизнь долговечную!»
Распростился царь Михайло со боярами,
Распростился со всем причетом,
И поехал православный царь Михайло на воеваньице,
Что к тому ли ко большому городу ко Астрахани.
Подъезжает царь Михайло к крепким каменным стенам,
Как увидел царь Михайло — сила-рать больша стоит,
Посылает царь Михайло в силу ратную гонца:
«Ты ступай, гонец, в силу ратную, узнай,
Уж и чье это войско под стенами стоит?»
Воротился гонец со ратной стороны,
Как и взговорит гонец православному царю:
«Эта сила-рать недобрая —
Всё злодеи буруцкие!»
Как и двинулось войско православное,
Уж как билися, рубилися трое суток,
На четвертые они в город зошли,
Свободили славный град от злых буйных врагов,
От злых буйных врагов, всё буруцких бунтовщиков.

Возвращение Филарета

Зрадовалоя царство Московское
И вся земля святорусская:
Умолил государь православной царь,
Князь велики(й) Михайло Федорович.
А что скажут, въехал батюшко
Государь Филарет Микитич
Из неверной земли из литовской;
С собою он вывез много князей-бояр,
Еще он вывез государева боярина,
Князя Михайла Борисовича Шенна.
Съезжались многии князи-бояра,
(Князи-бояра) и многие власти
Ко сильному царству Московскому:
Хотят встречать Филарета Микитича.
Из славного града каменной Москвы
Не красное солнце катилось.
Пошел государь православной царь
Встречати своего батюшка,
Государя Филарета Микитича;
С государем пошел его дядюшка
Иван Микитич боярин:
«Дай, споди, здоров был государь мой батюшко,
А батюшко государь Филарет Никитич!»
А как будут оне в каменной Москве,
Не пошли оне в хоромы царские,
А пошли оне к Пречистой соборной
А пети честных молебенов.
Благословлял своего чада милого:
«И дай господи, здоров был православной царь,
Князь великий Михайло Федорович,
А ему сдержати царство Московское
И вся земля святорусская!»

ПЕСНИ ОБ АЗОВЕ

1

Крымская орда идет на Азов

Как во славном было городе в Аникееве,
Собиралось там собраньице, собрание немалое,
Там немалое собраньице — только орда крымская,
Орда крымская бусурманская.
Собиралась орда крымская во единый круг,
Во единый круг орда крымская, на зеленый луг,
Они думали крепку думушку заедино.
Принимала-то она только орда крымская да свою
присягушку,
Целовала-то она у вострой шашечки только жало
вострое.
Принявши она да свою присягушку, только вся
на-конь села.
Вся на-конь села, только орда крымская заталалакала,
Заталалакавши, только орда крымская вся на ура
пошла,
На ура пошла под Азов-город,
Под тех ли добрых молодцов, донских казаков.
После этого на побег пошла,
За большим бугром становилася
И между собой расхвалилася.

2

Взятие Азова

У нас было, братцы, на святой Руси,
На святой Руси, на тихом Дону,
На тихом Дону на Иваныче.
Соходился тут хорош-пригож казачий круг,
Донское казачьё со яицкими,
Гребенские с запорожскими.
По кругу ходит Иван Заморянин,
Он и речь ту говорит — во трубу трубит:
«Вечор-то нам, братцы, указ пришел,
Заутра нам, добрым молодцам, во поход ийти,
Под тот ли под Азов-город,
Под тую ли под стену белокаменну.
Ой гой еси, добрые молодцы,
Донские казаки со яицкими,
Гребенские казаки с запорожскими!
Вы возьмите, молодцы, по топорикау,
Сделайте тележеньки карлинские,
Карлинские телеги со палубами,
Во тележеньки кладите живой товар:
По восьми молодцев,
А по девятому в провожалъники,
По десятому в повозчики,
Ехать же нам, добрым молодцам,
Во Азов-город».
Не доехатчи Азова, становилися,
Пушдали они в зелены луги заповедные
Добрых коней,
Вот луга княженецкие.
Из того же из славного города из Азова

Выходили тут турецки целовальнички:
«Что это за диво, за дивовище,
Что у нас в лугах за народ стоит,
Попущали они добрых коней на стреножники?»
Не золотая трубынька вострубила,
Не серебряны сиповочки возговорили,
А возгóворит Иванушка Замóрянин:
«Ой вы гой еси, верны клюшницы,
Турецки целовальнички!
Я стою, Иван, со товарами со дорогильными.
Очищайте вы дворы въезжие,
Где со товаром расклстися,
А я сам стану, Иван, середь города,
Середь города, середь Азова».
Не золотая трубынька вострубила,
Не серебряна сиповочка возговорила —
Возговорит Иванушка Замóрянин:
«Ой гой еси, удалы добры молодцы!
Чтобы были у вас ружья чистые
И кремни вострые,
И во белых руках сабли вострые!»
На заре было, на зореньке,
На заре было на утренней,
Не золотая трубынька вострубила,
Не серебряна сиповочка возговорила,
А возговорит Иванушка Замóрянин:
«Вставай ты, вставай, мой живой товар,
Во белы руки берите сабли вострые,
Вы рубите со татар буйны головы!»

3

Оплошность казаков под Азовом

Шли казаки с моря Черного,
Лузьями-болотами топились,
Азова крепкого города таились.
Не доехатчи Чагану, становились,
Становились казаки во единый круг,
Они думу думали крепкую заединую,
Выбирали атамана походного.
Атаман у них по́ кругу похаживает,
Он камы́шей своей тросточкой помахивает,
Казакам-братцам работать наказывает:
«Ой вы слушайте, ребята, моего слова,
Моего слова атаманского:
Поедете гулять чрез большую степь,
Чрез такую чрез большую степь азовскую —
Не стреножимши добрых коней, не пускайте в степь,
Не поставимши караула, не ложитесь спать,
Без денного часового чтобы не было!»
Казаки его слова не послушали,
Не стреножимши добрых коней, попускали в степь,
Не поставимши караула, сами спать легли,
Наезжали на них кайсаки,
Всех казаков в полон побрали.

Донские казаки и Азов-город

У нас, братцы, на Дону, во Черкасском городе,
Проявилась у нас, братцы, приржоная тума,
Он из тум, братцы, тума, Сенька Маноцков злодей,
Крепкой думушки с стариками он не думывал,
Думывал крепкую он думушку с ярыжками,
Перекинулся собака ко азовскому паше.
А азовский-то паша стал его спрашивати:
«Ты скажи, скажи, приятель, правду истинную,
Что-то думают у вас во Черкасском городу?»
— «Да у нас-то на Дону, во Черкасском городу
Старики-то пьют-гуляют, по беседушкам сидят,
По беседушкам сидят, про Азов ваш говорят:
„Ой не дай, боже, азовцам ума-разума того —
Не поставили б они башенки на усть речки Каланчи,
Не перекинули бы цепи через славный тихий Дон,
Не подвели бы они струны ко звонким колоколам!
Уж нельзя нам, братцы, будет во сине море пройтись,
По синю морю гулять, зипунов-то доставать“».
Как у нас было на Дону, во Черкасском городе,
Войсковой наш атаман во всю ночушку не спал,
Как со вечеру сокол наш Роговые проплывал,
Ко белу свету сокол наш по синю морю гулял,
По синю морю гулял, кораблики разбивал.

5

Собирается православный царь под крепкой
Азов-город,

Собирает он тележенек сорок тысячей,
В каждую тележку сажал по пяти молодчиков,
По шестому приставлял по извощичку,
Укрывали суконцами багрецовыми,
Убивали гвоздочками полужоными.
Подъезжали к азовским крепким воротичкам,
Возгóворит православный царь таково слово:
«Ой вы гой естя, азовские караульшички!
Доложите во Азове свым начальничкам —
Приехал к вам богатый гость Федор Иванович
С теми ли с товарами со заморскими,
Со кунницами приехал и с соболицами».
Отворили ёму азовски крепки воротички,
Оне ехали во Азов-город трои суточки,
На четвертые суточки уставились.
Тут возгóворит православный царь таково слово:
«Ох вы гой естя, извощички, добры молодцы!
Отдирайте суконцы во единый мах».
Отдирали они суконцы скоро-наскоро,
Вылетали из кажней из тележки по пяти молодчиков,
Они сабли востры наголо держут.
Испужались азовские начальнички.
«Уж ты батюшка наш
Православный царь Петр Алексеевич!
Не мути ты наш тихий Дон,
Мы станем те служить век верой-правдою,
Верой-правдою и как те надобно».

Гибель С. Р. Пожарского

За рекою, переправую,
За деревнею Сосновкою,
Под Конотопом под городом,
Под стеною белокаменной,
На лугах, лугах зеленых
Тут стоят полки царские,
Все полки государевы,
Да и роты были дворянские.
А из далеча-далеча из чиста поля,
Из того ли из раздолья широкого,
Кабы черные вороны табуном табунились,
Собирались, съезжались
Калмыки с башкирцами,
Напускались татарове
На полки государевы.
Они спрашивают, татарове,
Из полков государевых
Себе сопротивника.
А из полку государева
Сопротивника не выбрали,
Не из стрельцов, не из солдат-молодцов.
Втапору выезжал Пожарской-князь,
Князь Семен Романович,
Он боярин большой слывет,
Пожарской-князь.
Выезжал он на вылазку
Сопротив татарина
И злодея наездника.
А татарин у себя держит
В руках копьё вострое,
А славны Пожарско(й)-князь —

Одну саблю вострую
Во рученьки правые.
Как два ясные соколы
В чистом поле слетались,
А съезжались в чистом поле
Пожарской-боярин с татаринном.
Помогай, бог, князю
Семену Романовичу Пожарскому!
Своей саблей вострую
Он отводил востро копьё татарское
И срубил ему голову,
Что татарину-наезднику.
А завыли злы татарове поганые,—
Убил у них наездника,
Что не славного татарина.
А злы татарове крымские,
Они злы да лукавые,
Подстрелили добра коня
У Семена Пожарского,
Падает его окарачь доброй конь.
Воскричит Пожарской-князь
Во полки государевы:
«А и вы солдаты новобранные,
Вы стрельцы государевы!
Подведите мне добра коня,
Увезите Пожарского,
Увезите во полки государевы!»
Злы татарове крымские,
Они злы да лукавые,
А метались грудую,
Полонили князя Пожарского,
Увезли его во свои степи крымские,
К самому хану крымскому,
Деревенской шишиморы.

Его стал он допрашивать:
«А и гой еси, Пожарской-князь,
Князь Семен Романович!
Послужи мне верою,
Да ты верою-правдою,
Заочью не изменою;
Еще как ты царю служил,
Да царю своему белому,
А и так-то ты мне служи,
Самому хану крымскому;
Я ведь буду тебе жаловать
Златом и серебром,
Да и женки прелестными
И душами красными девицами».

Отвечает Пожарской-князь
Самому хану крымскому:
«А и гой еси, крымской хан,
Деревенской шишиморы!
Я бы рад тебе служить,
Самому хану крымскому;
Кабы не скованы мои резвы ноги,
Да не связаны белы руки
Во чембуры шелковые,
Кабы мне сабелька вострая,—
Послужил бы тебе верою
На твоей буйной голове,
Я срубил <бы> тебе буйну голову!»

Скричит тут крымской хан,
Деревенской шишиморы:
«А и вы татары поганые!
Увезите Пожарского на горы высокие,
Срубите ему голову,
Изрубите его бело тело
Во части во мелкие,

Разбросайте Пожарского
По далече чисту полю!»
Кабы черные вороны
Закричали-загайкали,
Ухватили татарове
Князя Семена Пожарского,
Повезли его татарове
Они на гору высокую,
Сказнили татарове
Князя Семена Пожарского,
Отрубили буйну голову,
Исекли бело тело
Во части во мелкие,
Разбросали Пожарского
По далече чисту полю,
Они сами уехали
К самому хану крымскому.
Они день-другой не идут,
Никто не проведает,
А из полку было государева
Казаки двое выбрались,
Эти двое казаки-молодцы,
Они на гору пешком пошли,
И зашли тута на гору высокую,
И увидели те молодцы
То ведь тело Пожарского:
Голова его по себе лежит,
Руки, ноги разбросаны,
А его бело тело во части изрублено
И разбросано по раздолью широкому.
Эти казаки-молодцы его тело собрали
Да в одно место складовали;
Они сняли с себя липовой луб
Да и тут положили его,

Увязали липовой луб накрепко,
Понесли его, Пожарского,
<К> Конотопу ко городу.
В Конотопе-городе
Пригодился там епископ быть,
Собирал он, епископ, попов и дьяконов
И церковных причетников
И тем казакам, удалым молодцам,
Приказал обмыть тело Пожарского.
И склали его бело тело в домовище дубовое,
И покрыли тою крышкою белодубовою.
А и тут люди дивовались,
Что его тело вместо срасталось.
Отпевавши надлежащее погребение,
Бело тело его погребли во сыру землю
И пропели петье вечное
Тому князю Пожарскому.

Русское войско под Смоленском

Не злаченная труба в поле трубилася,
Не скаченная жемчужинка прокатилася —
Пригласил-то нас надежа православной царь:
«Ох вы дети мои, дети мои, мои детушки,
Развоенные мои да вы солдатушки!
Послужите вы, робята, верой-правдою,
Верой-правдою, робята, неизменною,
Вы достаньте, допустите взять Смолѣн-город». —
Еще во ту пору робята запечалились:
«Как теперыче нам на свете живым не быть,
Не видать-то нам, робята, отца, матерей,

Отца, матерей, робята, молодых жен,
Молодых жен, робята, малых детушок».
— «Еще дам я вам воеводу неизменную,
Свет любимого моего шурина,
Света Якова дам вам да Люпопостовича».
Тут пошла-то наша сила
Да по горе, горе Покровской,
Под славной город Смоленской.
Шел Илья сын Мирославской.
На приступ ставал не крепко,
Раздражал полки не ланно.
Велел схоня он подрубити,
По схоням скоро бегите.
Один маленькой панёнок
Ниоткуль он выбегаёт,
В пушку порох зажигаёт.
В пушке порох заражатся,
Люто зелье раздрываются.

Царь и бояре решают судьбу Смоленска

Посредё ль было Московского царства,
Среди было Российска государства,
Как у света у Архангелы Михайлы,
У Ивана у Великого в соборе
Зазвонили во большой во колокол,
Всех князей-бояр к обедне созывали,
Там служили святыи молебен.
Выходил нашá надежа государь-царь,
Алексей сударь Михайлович московский,

Становился государь на ровно место,
На все стороны он поклонился.
Что не золотá труба да вострубила,
Не серебряная полочка звенела —
Зговорил нашá надежа государь-царь,
Алексей сударь Михайлович московский:
«Ай же вы мои князья-бояра!
Пособите государю думу думать,
Дума думать государю, не продумать:
А отдать ли мне-то город Смоленец?»
Из того ли из боярского из круга
Еще первьи боярин выступает,
Тимофей сударь Иванович казанский.
Поблизешеньку к царю он становился,
Понизешеньку царю он поклонился:
«Ах ты свет нашá надежа государь-царь,
Алексей сударь Михайлович московский!
Благослови-тко, государь, мне слово молвить,
Не возьми-тко мое слово во досаду,
Не вели-тко скоро зá слово казнити.
А отдай-ко ты город Смоленец —
А Смоленец-то город не крепок,
Во Смоленце золотой казны немножко,
Не московскоё строеньице — литовско».
Государь-то ведь тем речам не принялся,
Алексей сударь Михайлович московский.
Из того ли из боярского из круга
Еще другии боярин выступает,
А Илья сударь Иванович Хованской.
Преблизешенько к царю он становился,
Понизешенько царю он поклонился:
«Ах ты свет нашá надежа государь-царь,
Алексей сударь Михайлович московский!
Благослови-тко, государь, мне слово молвить,

Не возьми-тко мое слово во досаду,
Не вели-тко скоро за слово казнити.
Ты отдай-ко ведь город Смоленец —
А Смоленец-то город не крепок,
Во Смоленце золотой казны немножко».
Государь-то ведь тем речам не принялся,
Алексей сударь Михайлович московский.
Из того ли из боярского из круга
Еще третии боярин выступает,
А Иван сударь Иваныч Милославской.
Приблизешенько к царю он становился,
Понизешенько царю он поклонился:
«Ах ты свет наша надежа государь-царь,
Алексей сударь Михайлович московский!
Не отдай-ко ты города Смоленца —
А Смоленец-то ведь город очень крепок,
В Смоленце золотой казны бесщётно,
Не литовское строеньице — московско».
Тут проговорит свет наша надежа государь-царь,
Алексей сударь Михайлович московский:
«Ай же ты храбрый воин
Иван сударь Иваныч Милославской!
А ты знаешь ведь с царем и говориши.
Поезжай туда во полки воеводой!»
А как тех бояр велел да царь казнити.

Поход под Ригу

А под славным было городом под Ригую,
Что стоял царь-государь по три годы,
Еще бывшей Алексей царь Михайлович.

Изволил царь-государь наряжаться,
Наряжается царь-государь в каменну Москву,
А и бывшей Алексей царь Михайлович.
Что поутру было рано-ранешенько,
Как на светлой заре на утренней,
На восходе было красного солнушка,
Как бы гуси-лебеди воскикали,
Говорили солдаты новобранные:
«А свет государь благоверной царь,
А и бывшей Алексей царь Михайлович!
Ты изволишь наряжаться в каменну Москву,
Не оставь ты нас, бедных, под Ригою,
Уж и так нам-де Рига наскучила,
Она скучила нам, Рига, напрокучила.
Много холоду, голоду приняли,
Наготы-босоты вдвое того».
Что злата труба под Ригою протрубила —
Прогласил государь благоверной царь:
«А и детушки вы солдаты новобранные!
Не одним вам Рига та наскучила,
Самому мне, государю, напроскучила.
Когда бог нас принесет в каменну Москву,
А забудем бедность-нужу великую,
А и выставлю вам погребы царские,
Что с пивом, с вином, меды сладкие».

Соловецкое восстание

Да господь бог прогневился, государь-царь
воспалился.
Выбирал-то наш государь-царь боярина большого,
Из большия из породы, из породы Салтыковы,

Монастырь разорити, старую веру порудити,
Старые книги изодрати,
Старые книги изодрати, во сине море потопити,
И Зосима и Саватия соловейских чудотворцев
монастырь разорити

И всех старцев прирубити.

Что спроговорит боярин да царев воевода:

«Прикажи, сударь, слово молвить, хошь словечко
едино,

А нельзя, сударь, подумать — не токмо дело делать!»
Воспалился государь-царь:

«Ты добро, добро, боярин, прикажу тебя казнить,
Рука, нога отрубить, буйную главу отсеци».

Выбирал-то наш государь-царь да второго боярина;

Что спроговорит боярин да царев воевода:

«Ты давай мне силы много да стрельцов и солдатов!»
Как садился воевода на червлёные корабли,

Как по божию изволению, по цареву пове(ле)нию

Подымалась погода с полуденныя страны,

Тонки парусы подымали, по синю морю бежали,

Подбегали под монастырь.

Они якори бросали, корабли все становили,

Они учили стрелять во пиченой да во монастырь.

Устрелили на престоле чуден образ.

Уже вси старцы испугались, во одно место сбежались.

Они думали и говорили:

«Нам хошь головы сложить, нам по-старому служить!»

Выходил тут един старец на святые на ворота,

Он правой рукою машет на червлёные корабли,

Он левою рукою машет на святые на ворота,

Ворота сам отпирает, он всю силу сам пушает.

Уже вся сила вступила да всех старцев прирубила.

Аминь.

Рождение царевича Петра

Когда светел-радошен
Во Москве благоверной царь,
Алексей царь Михайлович:
Народил бог ему сына,
Царевича Петра Алексеевича,
Первого императора по земле светорусския.
Как плотники-мастеры
Во всю ноченьку не спали,
Колыбель-люльку делали
Они младому царевичу.
А и нянюшки-мамушки,
Сенные красные деушки
Во всю ноченьку не спали,
Шинкарочку вышивали
По белому рытому бархату
Они красным золотом.
Тюрьмы с покаяннами
Они все распушались,
А и погребы царские
Они все растворялися.
У царя благоверного
Еще пир и стол на радости,
А князи сбиралися,
Бояра съезжалися
И дворяна сходилися,
А всё народ божей
На пиру пьют, едят,
Прохлаждаются.
Во веселье, в радости
Не видали как дни прошли

Для молодого царевича
Петра Алексеевича,
Первого императора.

Убийство Карамышева

Уж не травушка в чистом поле зашаталась,
Не муравая ко сырой земле приклонялась —
Подымается с Москвы большой боярин
Он на тихий Дон на Иванович гуляти.
Не доехавши он тиха Дону становился,
Похвалялся он казаков всех там перевешать.
Во единой круг казаки тотчас собирались,
Посередь круга становился царев боярин,
Он начал читать государевы для них указы.
Дочитался он до царского только титула,
Казаки тотчас все шапки тут поснимали,
А большой-ат царев боярин шляпы не снял,
Оттого-то все казаки тотчас взволновались,
Разъярившись, они на боярина вдруг бросались,
Буйну голову от бела тела отрубили,
А бело тело во тихий они Дон бросали,
А убивши, они его телу говорили:
«Почитай ты, большой боярин, государя,
Не гордися ты перед ним, боярин, и не славься».
Ко царю они с повинною приходили:
«Ты гой еси, наш батюшка православный царь!
Ты суди, государь, нас праведной расправой,
Повели над нами делать что изволишь,
Уже ты волен над нашими головами».

ПЕСНИ О РАЗИНЕ

1

Разин и казачий круг

У нас то было, братцы, на тихом Дону,
На тихом Дону, во Черкасском городе,
Породился удалой доброй молодец,
По имени Степан Разин Тимофеевич.
В казачий круг Степанушка не хаживал,
Он с нами, казаками, думу не думывал,
Ходил, гулял Степанушка во царев кабак,
Он думал крепку думушку с голутьбою:
«Сударь мои братцы, голь кабацкая!
Поедем мы, братцы, на сине море гулять,
Разобъемте, братцы, басурмански корабли,
Возьмем мы, братцы, казны сколько надобно,
Поедемте, братцы, в каменну Москву,
Покупим мы, братцы, платье цветное,
Покупивши цветно платье, да на низ поплывем».

2

Царь требует выдачи Разина

Как у нас было на батюшке
На тихом на Дону,
Что на тихом Дону на Иваныче,
Что во славном городе
Было во Черкасске.

Как со вечера у нас есаул гребенской
Клич закликивал:
«Уж вы други мои донские казаки,
Вы испейте-ка дорогого вина,
Дорогого вина, пойлица некупленного!
Поутру-то у нас, у казаченьков,
Будет весь повальный круг.
Что и всех ли-то казаченьков
Сорок тысяч будет,
Кроме старых-стародавних,
Кроме малых-малолетних».
Во кругу стоит золотой бунчук,
Во кругу стоит атаманушка,
Перед ним стоит войсковой писарь,
В руках держит три указа государевы.
Он читает указушки скорописные,
Чтобы выслать Сеньку Разина
Во каменну Москву.
А до этого Сенька Разин
В круг не хаживал,
А теперь у нас он во кругу стоит,
Во кругу стоит он и речь говорит:
«Что не царские-де эвто грамоты,
А боярские-де эвто вымыслы».
И сказавши этак, он вышел из круга.

3

Поход разинцев на Яик

Течет Яик быстрехонько.
Урываючи круты бережки,
Желты пески сыпучи всё поверх воды, сверх воды несет,

Всё поверх-то воды он несет.
Ни свех было Яика, ни свех было Горыныча было
самого,
Свех Горыныча было самого,
Не серые гуси там всё возгоковали, возгоковали,
Возгоковали, не черные там,
Черны там три ворона возлетьывали, возлетьывалн,—
Из устьяца там выбегали три стружка.
Один из них стружек наперед всех выбегал, вперед
выбегал,
Вперед он бежит, как сокол летит.
Уж как этот-то стружечек изукрашен был, изукрашен
был,
Изукрашен был знаменами он,
Дубовыми весельцами, копиями, ровно лесом усажен.
Середь этого всё стружечушка
Золотой бунчук стоит, а под бунчуком сидит
атаманушка,
Атаманушка Степан, по имю Степан Разин.
Уж он громко речь возговорил, он возговорил,
Он возговорил, как в трубу протрубил:
«Уж вы гряньте-ка, ребята, ко городу Гурьеву,
да ко Гурьеву,
К крутому его, его бережку.
Мы стружечки причалим и положим сходенки на крут
бережок».
И по сходенкам сошел воровской,
Сошел на берег душа воровской атаманушка,
атаманушка:
«Вы пойдите доложите своему
Атаманушке: жаловал, мол, к нему в гости
Степан Тимофеевич.
Я приехал к вам не пить, не гулять,

Не баталище с вами заводить, а святым храмам
поклониться,
Поклонится и молебен отслужить».
Вороточки отворились и пустили Стенюшку
со ватагою.

4

Разин на Каспийском море

Тихохонько сине море становилося,
Ничем наше Каспийское не шевельнулося,
Что осенним ледочком покрывалося.
Замерз-то наш воровской стружок.
Что на том ли на стружке атаман сидит,
Что по имени Степан Тимофеевич,
По прозванью Стенька Разин сын.
Он речь говорит, братцы, как в трубу трубит:
«Ах вы гой еси, удалы добры молодцы!
Вы берите еловчатые веселечки,
Вы бейте-пробивайте тонкой осенний лед,
Ах, как бы нам добиться до тихих мест,
Что до той ли до проточки Червонья,
Как до славного до острова Кавалерского.
Ах, там ли нам, братцы, дуван делить,
Нам атласу и бархату по размеру всем,
Золотой парчи по достоинствам,
Жемчугу по молодечествам,
А золотой казны сколько надобно».

5

Молодец на острове

Как из славного царства Астраханского
Что не грозная тут туча подымалась —
Подымалась, снаряжалась грозна высылка.
Что разъезд она держит до кругла острова,
До славного пристанища молодецкого,
До соборища бурлацкого,
До притону ли казацкого.
Казаки, там сидя, догадались,
Что во легкие во лодки пометались.
Одного ли добра молодца покинули,
Что не лучшего ль из молодцов ясаула.
Доброй молодец по острову похаживает,
И он добрую свою фузею за плечам носит,
И он острою своею саблей подпирается,
Сам горячими слезами обливается.
Он вскричал ли, возопил ли громким голосом:
«Государи вы братцы товарищи!
Не покиньте доброго молодца при бедности.
Уж как в некоторо время пригожусь, братцы, вам,
Заменю я вашу смерть животом моим,
Животом моим и грудью белою».
Как товарищи от молодца уехали,
Поимали молодца на острове.

6

Разин и девка-астраханка

У ж вы горы мои, горы,
Прикажете-ка вы, горы,
Под собой нам постояти;
Нам не год-то годовати,
Не неделюшку стояти —
Одну ночку ночевати,
И тою нам всю не спати,
Легки ружья заряжати,
Чтобы Астрахань нам город
В глуху полночь проехать,
Чтоб никто нас не увидел,
Чтоб никто нас не услышал.
Как увидел и услышал
Астраханский воевода.
Приказал же воевода
Сорок пушек заряжати,
В Стеньку Разина стреляти.
«Ваши пушки меня не возьмут,
Легки ружьёцы не проймут,
Уж как возьмет ли, не возьмет
Астраханска девка Маша».
По бережку Маша ходит,
Шелковым платком машет.
Шелковым платком махала,
Стеньку Разина прельщала.
Стеньку Разина прельстила,
К себе в гости заманила,
За убран стол посадила,
Пивом, медом угостила

И допьяна напоила,
На кровать спать положила
И начальству объявила.
Как пришли к нему солдаты,
Солдатушки молодые,
Что сковали руки, ноги
Железными кандалами,
Посадили же Стеньку
Во железную во клетку,
Три дни по Астрахани возили,
Три дни с голоду морили.
Попросил же у них Стенька
Хоть стакан воды напиться
И во клетке окатиться.
Он во клетке окатился —
И на Волге очутился.

7

Разин и воевода

Что да на матушке на Волге не черным да
зачернелось,
Не черным да зачернелось, не белым да забелелось,
Зачернелися на Волге чернойрские стружочки,
Забелелися на мачтах тонкие белые парусочки.
Что не черной ворон гаркнул, что возговорит Стенька
Разин:
«Ой вы гой еси, казачье наше вольное собрание!
Вы гребите, не робейте, белых ручек не жалеите.
Нам бы Астрахань-город ополноче бы пробежати,
Чернойрской городочек что на утренней на зоре,
Чтоб никто нас не увидел и никто бы не услышал».

Проводили же детинушку к губернатору на двор,
Выходил же губернатор на высокое крыльцо,
И стал же губернатор детинушку выпрашивать:
«Ты скажи, скажи, детинушка, незнамый человек,
Али питерский, казанский или астраханский?»
— «Я не питерский, не казанский и не астраханский,
Заутро мой батюшка к тебе в гости будет».
Поутру-то раным-ранехонько сверху лодочка бежит,
На той ли же на лодочке немного людей,
На счет полтора ста человек.
«Приворачивайте-ка, ребята, к городу Астрахани.
Приколочки ударим пихтовые,
Причалим мы лодочку причалами шелковыми.
Мы остроги и тюрьмы все по камню разберем,
С астраханского губернатора с живого кожу сдерем».

9

Есаул сообщает о казни Разина

На заре то было, братцы, на утренней,
На восходе красного солнышка,
На закате светлого месяца.
Не сокол летал по поднебесью —
Ясаул гулял по на садику.
Он гулял, гулял, погуливал,
Добрых молодцов побуживал:
«Вы вставайте, добры молодцы,
Пробужайтесь, казаки донски!
Нездорово на Дону у нас,
Помутился славной тихой Дон
Со вершины до Черна моря,
До Черна моря, Азовского.

Помешался весь казачий круг,
Атамана больше нет у нас,
Нет Степана Тимофеевича,
По прозванию Стеньки Разина.
Поймали добра молодца,
Завязали руки белые,
Повезли во каменну Москву
И на славной Красной площади
Отрубили буйну голову».

ПЕСНИ РАЗИНЦЕВ

1

Ты возмой, возмой, туча грозная,
Ты пролей-ка, част крупен дождик,
Ты размой, размой земляну тюрьму!
Что тюремщички, братцы, разбежались,
Во темном лесе собирались,
Во дубровушке во зелененькой
Ночевали тут добры молодцы,
Под березонькой они становились,
На восход богу молились,
Красну солнышку поклонились:
«Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Над горой взойди над высокою,
Над дубровушкой над зеленою,
Над урочищем добра молодца,
Что Степана свет Тимофеича!
Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Обогрей ты нас, людей бедных,
Людей бедных, солдат беглых,
Добрых молодцов беспачпортных!

Мы не воры и не разбойнички —
Добры молодцы всё охотнички,
Атамановы мы работнички,
Есауловы мы помощнички».

2

Вы леса наши, лесочки, леса наши темные,
Вы кусты ли наши, кусточки, кусты наши великие,
Вы станы ли наши, станочки, станы наши теплые!
Вы дружья ли наши, братцы-товарищи!
Леса наши все порублены,
А куста наши все поломаны,
Все станы наши разорены,
Все дружья наши, товарищи переловлены,
Во крепкие тюрьмы наши товарищи посажены,
Резвы их ноженьки в кандалах заклепаны.
У ворот-то стоят грозные сторожи,
Грозные сторожи, brave солдатушки.
Никуды-то нам, добрым молодцам,
Ни ходу, ни выпуску,
Ни ходу, ни выпуску из крепкой тюрьмы.

3

Вы леса мои, леса, братцы, лесочки, леса темные,
Вы кусты ли мои, братцы, мои кусточки, кусты чистые,
Вы станы ли мои, вы мои, братцы, станочки все
поразорены,
Как и все мои, братцы, лесочки все порублены,
Как и все-то мои, братцы, кусточки все повыжжены,
Как и все-то мои, братцы, товарищи все половлены.

Как один из нас, братцы, товарищей не пойманный,
Не пойман из нас, братцы, товарищ наш Стенька
Разин сын.
Выходил же тут Стенька Разин сын на Дунай-реку,
Закричал же тут Стенька Разин сын своим громким
голосом:
«Как и все-то вы, мои братцы товарищи, все половлены!
Вы возьмите-тко, мои братцы товарищи, свой тугой
лук,
Натяните-тко, братцы мои товарищи, калену стрелу,
Прострелите-тко, братцы товарищи, грудь мою
бе-белую».

4

Ах туманы вы мои туманушки,
Вы туманы мои непроглядные,
Как печаль-тоска ненавистные!
Не подняться вам, туманушки, со синя моря долой,
Не отстать тебе, кручинушка, от ретива сердца прочь!
Ты возмой, возмой, туча грозная,
Ты пролей, пролей част крупен дождик,
Ты размой, размой земляну тюрьму,
Чтоб тюремнички, братцы, разбежались,
Во темном бы лесу собиралися.
Во дубравушке во зелененькой
Ночевали тут добры молодцы,
Под березонькой они становилися,
На восход богу молилися,
Красну солнышку поклонилися:
«Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Над горой взойди над высокою,
Над дубровушкой над зеленою,

Над урочищем добра молодца,
Что Степана свет Тимофеевича,
По прозванью Стеньки Разина.
Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Обогрей ты нас, людей бедных,
Добрых молодцев, людей беглых.
Мы не воры, не разбойнички,
Стеньки Разина мы работнички,
Есауловы все помощнички.
Мы веслом махнем — корабль возьмем,
Кистенем махнем — караван собьем,
Мы рукой махнем — девицу возьмем».

5

«**О**й не вечер то ли, не вечер
Мне малым-мало спалось,
Ой мне малым-мало спалось,
Во сне виделся:
Ой будто конь мой вороной
Разыгрался подо мной,
Ой разыгрался, расплясался
Под удалым добрым молодцом.
Ой налетали ветры да буйны
Со восточной стороны,
Ой сорывали-то черну шапку
С моей буйной головы.
Ой отрывался лук звончатый
Со могучего плеча,
Ой рассыпались каленые стрелы
Как по матушке сырой земле.
Ой да и кто бы мне этот да сон
Разгадал его бы он?»

Ой есаулушка был догадливый,
Есаул тот сон всё рассуживал:
«Степанушка ты наш, Тимофеевич,
По прозванью Разин-сын!
Сопалада у тебя с головы черна шапка —
Пропадет твоя буйна головушка;
Отрывался, ой ли, лук звончатый —
То мне, есаулушке, ой ли, быть повешену;
Ой рассыпались каленые стрелы —
То казаки наши, ой ли, все разбойнички,
Они во побег пойдут».

6

Как по морю было, морю синему,
По тому морю по Каспицкому,
Супротив было островов Орловых,
Стоял на якоре воровской корабль.
На кораблике состроен был муравён чердак,
В чердаке состроен был золотой бунчук,
В бунчуке стояли царские значечки,
Позлаченые, распушеные.
У значечек стоит часовой казак,
Перед ним стоит раздвиженный стул,
На стулу сидит наш батюшка воровской атаман,
Степанушка Тимофеевич, по прозванью Разин-сын,
Перед ним стоит старшой есаул.
Атаман есаулу сон рассказывал:
«Что-то мне, брат, ночью мало спалось
И во сне мне много виделось:
Сопалада с меня с головы кунья шапка,
Распоясался у меня золот колчан,
И рассыпались у меня калены стрелы».

Есаул этот сон рассуживал:
«Сопалада у тебя с головы кунья шапка —
Это пропадет твоя буйная головушка;
Распоясался твой золотой колчан —
То мне, есаулу, быть крепко ранену;
Рассыпались калены́ стрелы — то казаки наши,
Воры-разбойники, на побег пойдут».

7

Из-за лесику, лесику, лесочику темного,
Лесу темного
Вылетала вот птица, птица камская,
Птица камская;
Птица камская, летела она из Уральского,
Из Уральского;
Во когтях-то она несет белу рученьку,
Белу рученьку,
Белу рученьку она несет со златым перстням,
Со златым перстням.
Как садилася эта птица она всё на сырой дуб,
Всё на сырой дуб,
Всё на сырой-ат она на дубок только над Крякай-рекой,
Над Крякай-рекой,
Над Крякай-то всё она рекой, над Волгой-матушкой,
Над Волгой-матушкой;
Уронила она эту рученьку во Кряку-реку,
Во Кряку всё реку, право, Волгу-матушку,
Волгу-матушку.
Вдоль по бережку тута ну-ка шли, право, красны
девушки,
Красны девушки;
Увидала эту рученьку, право, Стешка-девушка,

Стешка-девушка:

«Ох эта, право, рученька вот мово милóго дружка,
Милá дружка,

Ох всё мила-та вот мово дружка, право, Стеньки
Разина,

Стеньки Разина.

Знать, мово-та всё милá дружка, его во живых нету,
Во живых нету,

Ох растерзали его тело бело по дикóй степé,

По дикóй степé,

Ох по дикóй-то, право, степé по саратовской».

8

Как пó три года Азов-город заперче стоял,
На четвертый-то год отпирается он без ключика,
Без ключика, без замочика, без притворочка.

Выезжают два удалые елынчата,

У добрых коней по колен ноги закованы,

Присмотрели очи ясные во чистó поле,

Во белых руках придержали сабли вострые.

Выезжает к ним навстречу Сеньки Разина сын,

Победил этих двое елынчата.

«Победил я этих двое елынчата,

Выводите мово отца Сенька Разина из заклатья!»

9

Еще что же вы, братцы, призадумались,
Призадумались, ребятушки, закручинились,
Что повесили свои буйные головы,
Что потупили ясны очи во сыру землю?

Еще ходим мы, братцы, не первой год,
И мы пьем, едим на Волге всё готовое,
Цветно платье носим припасеное.
Еще лих на нас супостат-злодей,
Супостат-злодей — генерал лихой:
Высылает из Казани часты высылки,
Высылает всё-то высылки солдатские.
Они ловят нас, хватают, добрых молодцов,
Называют нас ворами, разбойниками.
И мы, братцы, ведь не воры, не разбойники —
Мы люди добрые, ребята всё повольские,
Еще ходим мы на Волге не первой год,
Воровства и грабительства довольно есть.

10

Ах ты наш батюшка Ярославль-город!
Ты хорош-пригож, на горе стоишь,
На горе стоишь на всей красоте,
Промежду двух рек, промеж быстрых,
Промежду Волги-реки, промеж Котрасли.
С луговой было со сторонушки
Протекала тут Волга-матушка,
Со нагорной да со сторонушки
Пробегала тут речка Котраска;
Что сверху-то было Волги-матушки
Что плывет, гребет легка лодочка.
Хорошо-то была лодка изукрашена,
У ней нос, корма раззолочена,
Что расшита легкая лодочка на двенадцать весел.
На корме сидит атаман с ружьем,
На носу сидит ясаул с багром,
По краям лодки добры молодцы,

Посреди лодки красна девица,
Ясаулова родна сестрица,
Атаманова полюбовница;
Она плачет, что река льется,
В возрыданьи слово молвила.
«Нехорош-то мне сон привиделся.
Уж как бы у меня, красной девицы,
На правой руке на мизинчике
Распаялся мой золот перстень,
Выкатался дорогой камень,
Расплеталась моя руса коса,
Выплеталась лента алая,
Лента алая ярославская.
Атаману быть поиману,
Ясаулу быть повешену,
Добрым молодцам голова рубить,
А мне, красной девице, в темнице быть».

Расправа с губернатором

Что повыше было города Царицына,
Что пониже было города Саратова,
Протекала, пролегала мать Камышинка-река.
За собой она вела круты красны берега,
Круты красны берега и зеленые луга.
Она устьицем впадала в Волгу-матушку реку.
Что по той ли было матушке Камышинке-реке
Как плывут тут, выплывают есаульные стружки.
На стружках сидят гребцы, всё бурлаки-молодцы,
Всё бурлаки-молодцы, все заволгски удалцы.
Хорошо братцы молодцы переряжены сидят,
На них шапочки собольи, верхи бархатные,

Однорядочны кафтаны все камкой подложены,
Канаватные бешметы в одну нитку строчены,
Все тафтяные рубашки галуном обложены,
На них штаники суконны по-старинну кроены,
Что желтой сафьян сапожки, все шильцом каблучки.
Они веслами гребут, сами песенки поют.
Становилися стружочки среди Волги к островку,
Они ждали-поджидали губернатора к себе,
Губернатора к себе астраханского еще.
Ах, что взговорят молодцы бурлаки-удальцы:
«Еще что-то на воде у нас белеется?
Забелелися тут флаги губернаторские,
Кого ждали-поджидали, того ляд и несет».
Астраханский губернатор догадается:
«Ах вы гой еси, бурлаки, люди вольные!
Вы берите золотой казны что надобно,
Вы берите цветно платье губернаторское,
Вы берите все диковинки заморские,
Вы берите ли вещицы астраханские».
Ах, что взговорят молодцы люди вольные:
«Нам не дорога твоя ли золота казна,
Нам не дорого цветно платье губернаторское,
Нам не дороги диковинки заморские,
Нам не дороги вещицы астраханские —
Дорога нам буйная твоя головушка».
Как срубили с губернатора буйну голову,
Они бросили головку в Волгу-матушку реку,
И что сами молодцы насмеялись ему:
«Ты добре ли, губернатор, к нам строгой был,
Ах, ты бил ли нас, губил, много в ссылку посылал,
Ах, ты жен наших, детей на воротах расстрелял».

Казачи убивают князя Репнина

Промеж было Казанью, промеж Астраханью,
А пониже города Саратова,
А повыше было города Царицына,
Из тое ли было нагорную сторонушки
Как бы прошла-протекла Камышевка-река,
Своим устьем она впаде в матушку Волгу-реку.
А по славной было матушке Камышевке-реке
Выгребали-выплывали пятьдесят легких стругов
Воровских казаков,
А на всяком стружечку по пятьдесят гребцов,
По пятьдесят гребцов — воровских казаков.
Заплывали-загребали в Коловинские острова,
Становились молодцы во тихих заводях
Выгулять они на зеленые луга,
Расставили майданы терские
И раздернули ковры сорочинские,
А играли казаки золотыми они тавлеями,
Кто-де костью, кто-де картами — все удалы молодцы.
Посмотрят молодцы вниз по Волге-реке:
Как бы чернь-то на Волге зачернеется,
А идут гребные из Астрахани;
Дожидались казаки, удалые молодцы,
Губернатора из Астрахани,
Репнина князя Данилу Александровича.
А на что душа рождена, того бог и дал.
Подошли те гребные в Коловинские острова,
И бросали казаки они потехи все,
И бросались во свои легоньки стружки,
Напущались казаки на гребные струги,
Они все тута торговых перещупали,
Они спрашивают губернатора из Астрахани:

«А токо ли он с вами, покажите его нам,
А до вас, до купцов, удалых молодцов, и дела нет».
Потаили купцы губернатора у себя,
Они спрятали под товары под свои.
Говорили молодцы, воровские казаки:
«А вы сами себе враги, за что его спрятали».
Обыскали под товарами губернатора
Репнина князя Данилу Александровича,
Изрубили его во части мелкие,
Разбросали по матушке Волге-реке,
А его-то госпожу, губернаторску жену,
И со малыми детушками
Они все, молодцы, воровские казаки, помиловали,
А купцов-молодцов ограбили,
Насыпали червонцами легки свои струги,
Пошли по Камышевке-реке.

Князь Голицын возвращается в Москву

Как не кулик по болотам куликает,
То князь Голицын по лугам гуляет
Со своими со стрелецкими полками.
Он думает, князь, гадает,
Про всё размышляет:
Где б пройти ему, проехать?
Если полем князю ехать,
Ему будет пыльно,
По глухим дорогам ему ехать,
Будет князю стыдно.
Вот поехал князь Голицын
На Тверскую заставу.

У Тверской ли у заставы
Его окликали:
«Как, кто это по дорожке,
Кто изволит ехать?»
Отвечает князь Голицын:
«Здешний ваш начальник».
Подъезжает князь Голицын
К Казанску собору,
Скидывает князь Голицын
Шапочку соболью,
Полагает князь Голицын
Три поклона в землю.
Помолившись, князь Голицын
Во Кремль-город едет.
Как подъехал князь Голицын
Ко кремлевским палатам,
Как и вышла-та ему навстречу
Матушка-царевна,
Матушка-царевна Софья Алексевна.

Атаман Фрол Минаев жалуется Петру I

Приуныли, приутихли на Дону донски да казаки,
А яицкие, донские, запороцкие.
А и почем они приуныли?
Потому они приуныли на Дону донски да казаки,
Ах, что взял у них государь-царь <...> город
Со тремя с темя со малыми с пригородками,
А и со славною со Губаньей, с крепким Лютиком.

А во славном да во Черкасском во земляном городке
А стоит у казаков золотой бунчуг,
А на бунчуге стоит чуден золот крест,
А перед крестом туто стоит войсковою их атаман,
А по имени ли Фрол сын Минеевич.
Ко кресту тут собиралися донски казаки,
А и донские, гребенские, запороцки хохлачи.
Становились молодцы во единой войскою круг.
Среди круга стоит войсковою атаман,
А по имени ли Фрол сын Минеевич.
Атаман речи говорил, будто в трубу трубил:
«А и вы братцы казаки, вы яицкие, донски, запороцкие!
Пособите мне, атаману, вы думу думати —
Челобитна ли нам писати, государю <...> подаватьь,
Самому ли мне, атаману, в Москву ехати.
Перемирье бы нам взять перед самим царем:
Залегли пути-дороги за сине море гулять,
Еще от вора от Васьки от Голицына с детьми,
Залегли пути-дороги за сине море,
А и не стало нам добычи на синем море
И на тихом Дону на Иваныче».
И поехал атаман в каменну Москву.
Еще будет атаман в каменной Москве,
Поклонился государю о праву руку,
Сквозь слезы он словечко едва выговорил:
«Ах ты свет наш надежда благоверны царь,
А и грозен сударь Петр Алексеевич!
Прикажи нам на Дону чем кормитися:
Залегли пути-дорожки за сине море
От вора от Васьки от Голицына с детьми,
Еще те <.....> дороги увольные»...

ПЕСНИ О ВОССТАНИИ СРЕЛЬЦОВ

1

Бывало-де православный царь
Любил стрельцов, много жаловал.
Нынче государь на нас прогневался
И хочет стрельцов казнить-вешати,
С самóго с атамана голову рубить.
Сходились стрельцы во единый круг,
Они думали крепку думу заединую,
Посылали атамана к самому царю:
«Поди-ка, атаман, к самому царю,
Кланяйся царю в резвы ноженьки,
Проси у царя большой милости:
Не можно ли нас, батюшка, стрельцов, простить?
Возьмем мы ему город, который надобно.
Без свинцу возьмем, без пороху,
Без его снаряду государева —
Возьмем город грудью белою».
Тут пошел атаман к самому царю,
Пошел он вдоль по улице,
Подходит он к государеву двору.
На то время государь-царь по дворцу гуляет.
Он и пал, молодец, на коленочки,
Стал кланяться царю в резвы ноженьки,
Стал просить у него большой милости:
«Ох ты гой еси, наш батюшка православный царь,
Всея Руси царь Петр Федорович!
Не можно ли нас, стрельцов, простить?
Возьмем мы тебе город, который надобно,
Без свинцу возьмем, без пороху,
Без твоего снаряду государева,

Возьмем город грудью белою».
Выходит царь-государь на Красён крылец,
Возговорит он громким голосом:
«Ох ты гой еси, стрелецкий атаманушка!
И нет от меня вам милости.
Ступай, собирай стрелецко свое войско,
Гони ты их на Красну площадушку,
А которых на поля на Куликово то:
Кого стану казнить, кого вешати,
С тебя, с атамана, голову рубить».
Тут у молодца резвы ноги подогнулись,
Белы руки его опустилися,
Буйна его головушка с плеч долой кáтится,
Соболина его шапочка из рук выпала —
Соболина шапка на нем во сто рублей,
А кунья шуба на молодце во тысячу.
Пошел молодец с широка двора,
С того двора с государева.
Всходит во Стрелецку большу улицу;
Тут не золоты трубоньки вострубили,
Не серебряны сиповинки возыгрывали,
Тут вскричал атаман громким голосом,
Чтобы слышно было по всему городу:
«Ох вы гой еси, стрельцы, добры молодцы!
Вы ступайте, убирайтесь вон из городу:
И нет нам, братцы, от царя большой милости,
Велел гнать на Красную площадушку,
А которых на поля на Куликово то,
Кого хочет казнить, кого вешати,
А с меня, с атамана, голову рубить».

2

Дотолева зелен сад зелён стоял,
А нонче зелен сад присох-приблек,
Присох-приблек, к земле прилег,
Приуныли в садочке вольны пташечки,
Всё горькие кукушечки.
На заре было на утренней,
На восходе солнца красного,
Государь-царь по дворцу гулял,
Он в одних чулках без чоботов,
Тоненький созямчик напашечку.
На все сторонки обзирался:
Никто нейдет к белу царю с повинной,
Ни князья, ни бояре, ни сильны могучи богатыри,
Только один из них пошел добрый молодец,
По имени Иванушка Иванович,
Стрелецкий атаманушка.
Несет с собой топор и плаху.
Подходил он к белу царю близехонько,
Кланялся белу царю низехонько,
Речь возговорил добрый молодец белу царь:
«Гой ты гой еси, батюшка православный царь!
Не прикажи казнить, прикажи слово молвити:
Никто нейдет к тебе, к белу царю, с повинною,
Только я пришел к тебе с повинною,
Принес с собой топор и плаху».
Речь возговорит православный царь:
«Да бог простит те за все вины, да и я прощу!»
Послал в силу-ратию посланника:
Шла бы шла ратия к белу царю с повинною.
Опять никто нейдет к белу царю с повинною.
На то же православный царь осержаился,
Приказал их всех казнить-вешать.

3

Стрелецкий атаман и царь Петр

В одалече, водалече во чистом поле,
А еще того подале во раздольице,
Тут не красное солнышко выкаталось,
Выезжает-то удалый добрый молодец,
Еще тот же стрелецкий атаманушка.
Хороша больно на молодце приправушка:
Под ним добрый конь, ровно лютый зверь,
Кольчуга-то на молодце серебряная,
Соболина на нем шапка до могучих плеч,
На нем тугий лук, как светёл месяц,
Калены стрелы, как часты звезды.
Он и держит путь-дороженьку в каменну Москву,
Он и горы и доли вперескочь скакал,
Темные леса между ног пускал,
Быстрые реки перепрыгивал.
Возъезжает он во матушку каменну Москву,
Приезжает ко дворечушку к осудáреву.
Караульщиков он не спрашивал,
Приворотничкам не бил челом.
Он и бьет своего добра коня, не жалует,
Его добрый конь осержается,
От сырой мати-земли отделяется,
Перепрыгивал он стенушку белокаменну.
Подъезжает он ко крылечушку к осудáреву,
Воскрикнет он, возгаркнет громким голосом:
«Ох ты гой еси, наш батюшка православный царь,
Во всеё Руси царь Петр сударь Лексеевич!
Ты за что, про что на нас, сударь, прогневался,
Ты за что наш зеленый сад хочешь выжечь, вырубить,
Все и ветвицы, кореньицы повысушить?
Не можно ли тебе, сударь, нас, стрельцов, простить?»

Мы возьмем тебе город, какой надобно,
Без свинцу-то мы, без пороху сударева,
Мы без ружеец, без сабелек без вострых,
Мы возьмем тебе город своей грудью белою».
Выходил-то тут батюшка православный царь
Во одних-то он чулочках, он без чоботов,
Во одной-то он сорочке, он без панцуров,
Воскричит-то он, возгаркнет громким голосом:
«Ох ты гой, стрелецкий атаманушка!
Уж и вот-то я с боярами подумаю,
С сенато́рами, с фельдмаршалами переведаю».
Уж возговорит тут стрелецкий атаманушка:
«Ох ты гой еси, наш батюшка православный царь,
Во всеё Руси царь Петр сударь Алексеевич!
В глазах ты меня, сударь, обманывашь.
Не видать тебе меня у себя в дворце».
Он и бьет своего добра коня, не жалует,
Его добрый конь осержается,
От сырой матери-земли отделяется,
Перепрыгиват он стенишку белокаменну,
Он и держит путь-дорожку во далече во чисто поле.
Возъезжает он во стрелецкую армиюшку,
Воскричит-то он, возгаркнет громким голосом:
«Ох вы гой еси, стрелецкие головушки!
Еще хочет нас православный царь всех жаловать,
Жаловать хоромами, хоромами высокими —
Двумя столбами дубовыми
И петлями шелковыми!»

4

Казнь стрелецкого атамана

Из Кремля, Кремля, крепка города,
От дворца, дворца государева

Что до самой ли Красной площади
Пролежала тут широкая дороженька.
Что по той ли по широкой по дороженьке
Как ведут казнить тут добра молодца,
Добра молодца, большого барина,
Что большого барина, атамана стрелецкого,
За измену против царского величества.
Он идет ли, молодец, не оступается,
Что быстро на всех людей озирается,
Что и тут царю не покоряется.
Перед ним идет грозен палач,
Во руках несет остер топор.
А за ним идут отец и мать,
Отец и мать, молода жена,
Они плачут — что река льется,
Возрыдают — как ручьи шумят,
В возрыданье выговаривают:
«Ты дитя ли наше милое,
Покорися ты самому царю,
Принеси свою повинную,
Авось тебя государь-царь пожалует,
Оставит буйну голову на могучих плечах».
Каменеет сердце молодецкое,
Он противится царю, упрямятствует,
Отца, матери не слушает,
Над молодой женой не сжалится,
О детях своих не болезнует.
Привели его на площадь Красную,
Отрубили буйну голову
Что по самы могучи плеча.

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ
XVIII ВЕКА**

ПЕСНИ О СЕВЕРНОЙ ВОЙНЕ

1

Вещий сон

Во городе во Кряконе, во горнице и во светлюю
И на складном стулу и на ремешчатом
Сидел тут батюшко шведской король.
Перед ним-ту стояти князья-бояра и шведы мудрые:
«Ой вы шведы мудрые, рассудите ночешный мой сон!
Не гора, бат, стоит, как снег бела,
На горе сидел млад сизой орел,
Во когтях-ту держал черна ворона».
Отвечают ему шведы мудрые:
«Батюшко шведской король!
Не можем мы рассудить ночешный твой сон».
Из-за той-ту из-за занавесы плотняною,
Из-за той-ту печи кирпиччатой выходила красна
девица:
«Разе я, бат, батюшко шведский король,
Рассужу твой ночешный сон!

Не гора, бат, стоит — стоит русская армия,
Во армии сидит белой царь,
Во руках держит шведского короля.
А завтра тебе, батюшка, быть пойману,
Быть пойману али убитому».

2

Солдаты готовятся встретить шведского короля

Как далеченько было во чистом поле,
Как еще-то того подале — при долинушке,
При широкой при зеленой вот при дубровушке,
Как не белые в поле лебеди забелелися,
Не лазоревы цветочки покраснелися —
Забелелися в поле шатрики полотняные,
Закраснелись у нас знаменушки государевы.
Государевы все шатры, вот шатерики при долу стоят,
Как один-то, единый вот шатерик-от при бугре стоит,
При бугре стоит, при бугрике, при бугорчике,
Что свеча горит, что свеча горит,
При бугре стоит, что свеча теплится,
Что свеча теплится воску ярого.
Ой да полочки, и подполочки, и подзорушки были
с позументами
Да и крыша на этом шатерике плису-бархату,
Как на самой на вершинушке чуден золот крест.
Как во этом шатерике стоял белый царь,
Как государь наш батюшка Петр Алексеевич,
Во этом шатерике погуливал, он погуливал,

А во всем полку артикул мечут,
Замки крепко бьют, ружьица свѣтлеют,
Замки взбрыкали, солдаты всплакали:
«Где нам день днeвать, ночь коротать?
Нам денек днeвать во чистом поле,
Во чистом поле, под ясным небом;
Ночь коротати во темном лесу,
Во темном лесу, во сыром бору;
Нам постелечка — мать сыра земля,
Нам зголовица — зло кореньица,
Умываньица — частый, мелкий дождь,
Утираньица — шелковá трава».
Позади полка идут, коня ведут,
Лошадь добрую, сивогривую,
На коне сидит сам полковничек,
Сам полковничек — Шереметев-граф.
Во руках держит саблю острую,
Во устах держит речь хорошую:
«Срывается мой батюшка из Москвы в поход,
Как во ту ли землю шведскую, за границу государеву,
Меня, добра молодца, с собой берет.
Не хотелось мне, добру молодцу, из Москвы идти,
Хотелось мне, добру молодцу, при Москве пожить,
При Москве пожить, во дворце служить,
Московским чудотворцам молиться.
Остался у доброго молодца сир зеленый сад,
Во садике оставалось три деревца:
Первое деревцо — кипарисовое,
Другое деревцо — яблонь кудрявая,
Третье деревцо остается — груша зеленая.
Кипарис растет — родной батюшка,
Яблонь кудрявая — богоданная матушка,
Груша зеленая остается — молода жена.
Оттого мне-ка не хотелось из Москвы идти,

А хотелось мне при Москве пожить,
При Москве побыть, при дворце служить,
Чудотворцам московским покланяться,
Отца рóдного на старости печаловать,
За матью в немоготе ухаживать,
Молодой женой любоваться».

4

Русское войско сражается со шведами

Собирался-то большой барин
Он со тем ли войском со россейским
Что на шведску-то границу.
Не дошедши он границы, становился,
Становился в чистом поле при долине,
Россейским войском поле изуставил,
Россейскими знаменами поле изукрасил.
Как увидел король шведский:
«Что й то в поле всё за люди?
Нй торгом приехали они торговати
Или нашего городу глядети?»
Что приходили только й силы,
Что не люты зверкй проревели —
Что чугунные ядры проревели,
Сходилися туто й двои силы;
Что шибкие громы гремели,
Что не люты звери проревели —
Прогремели чугунные ядры.
Что между их протекали реки,
Протекали реки, реки кровавые.
Что и силы полегло — что и сметы нету.

5

Солдаты готовятся
штурмовать Орешек

Злодей, злодей ретиво сердце!
Что ты ныло, ретивое, занывало,
Ничего ты мне, сердечко, не сказало —
Да что быть мне, молодцу, в рекрутах,
Во солдатах быть мне и в походе,
Что под славным городом под Орешком,
А по нынешнему званию Шлиссельбургом.
Что слышав, воры шведы догадались,
Что ударили они в барабаны,
Наши русские солдатушки в литавры.
Да что взговорит наш государь-царь:
«Ах вы гой еси, братцы генералы!
Вы придумайте мне, братцы, пригадайте,
Еще как нам будет взять Орешек».
— «Ах ты гой еси, наш батюшка государь-царь!
Что не лутче ль нам от города отступити?»
Что возговорит государь-царь ко солдатам:
«Ах вы гой еси, мои детушки солдаты!
Вы придумайте мне думушку, пригадайте —
Еще брать ли нам иль нет Орех-город?»
Что не ярые пчелушки во улье зашумели,
Да что взговорят российские солдаты:
«Ах ты гой еси, наш батюшка государь-царь!
Нам водою к нему плыти — не доплыти,
Нам сухим путем идти — не досягнути.
Мы не будем ли от города отступати,
А будем мы его белою грудью брати».

6

Казачи встречают царя
под Шлиссельбургом

Как по крутому по красному берегу,
Как по желтому сыпучему песочку
Тут ходил-гулял батюшко православный царь.
Он сядилса, государь-царь, на легок стружок,
Размахнули-разгребнули вверх Невы-реки,
Что ко славному ко городу ко Шлюшину.
Как навстречу государю донские казаки,
Что донские, гребенские, запорожские.
Что казаки государя не опознали,
Им подумалось — король земли шведския.
Заряжали свои ружья огневые,
Приготовились стрелять по своем царе.
Как не золотая трубушка вострубила —
Что промолвил ли наш батюшко православный
царь,
Казаки голос услышали,
Что кидались-бросались на легок стружок,
Приклоняли свои буйны головы.
«Ты прости-прости, наш батюшко православный
царь!
Еще мы тебя, государь-царь, не опознали,
Нам подумалось — король земли шведския».
Что возговорит наш батюшко православный царь:
«Вам спасибо ли, робята казаки донски,
Что донские, гребенские, запорожские!
С осторожностью вы по реке Неве гуляете,
Своего царя вы защищаете».

7

Взятие Орешка

Как по славной матушке Неве-реке,
Подле устьяца ее широкого,
Что при самом ли истоке быстром,
Как плавали-гуляли три легкие стружка.
На первом стружке Шереметев был,
На другом стружке офицеры сидят,
А на третьем стружке все солдатушки,
Преображенские и семеновские.
По реке они бежали к круту красну бережку,
К круту красну бережку ко слюсельбургскому.
Подбирали они парусы полотняные,
Что того ли полотна всё олонецкого,
Они якори метали всё булатные,
Что того ли булата сибирского,
Приставали к круту красну бережку,
Они лесенки метали всё дубовые,
Выходили на желты пески сыпучие,
Начинали рыть подкопы глубокие,
Накатили бочки с лютым зелием,
С лютым зелием — с черным порохом,
Становили свечи воску ярого,
Зажигали те подкопы глубокие.
От того ли красной берег взорвало,
Развалило стену белу каменну,
Потрясло всю крепость шведскую,
Устрашило храбрых неприятелей.

Шереметев в соборе

Еще что у нас в Москве, братцы, за кручина?
Накануне было светлого воскресенья,
Заунывно в царь-колокол звонили,
Съезжались князья и все бояре
Во Успенский собор богу молиться;
Молились они господу со слезами.
Что один из них боярин не молился —
Генерал Борис Петрович Шереметев.
Почастешеньку вон из церкви выступает,
Ко белой каменной ограде припадает,
Горючьми слезами обливался,
Миткалинным он платочком утирался:
«Уж тошно мне, боярину, тошненько,
Никогда-то мне так тошно не бывало!
Что болит-болит у боярина головка,
Щемит-щемит ретивое сердечко:
Что сказана боярину царска служба,
Указан путь — широкая дорожка
Под славной под город под Полтаву.
Как быть-то мне, боярину, убиту
Под славным под городом под Полтавой
На чистом на поле лебедином».

Молодец собирается под Полтаву

Что за реченькою было за Небрагою,
За быстрѳой речкой было Перебрагою,
Не полынь-то ли травонька в поле качается,
Что качается, шатается добрый молодец,
Добрый молодец да душа моя.
Он не сам пошел, не своей охотою,
Повели его барскою большою неволею.
Ты неволя, неволя жизнь господская.
Жизнь господская, служба государева,
Государя-то царя белого,
Царя белого Петра Первого.
Что со вечера было, со полуночи,
Не частые звезды с неба сыпались,
Рассыпалися звезды по чисту полю,
По чисту полю, зеленым лужкам.
То солдатики во поход пошли,
Во поход пошли во Полтавушку,
Они бить-губить неприятеля,
Неприятеля — царя шведского,
Царя шведского, короля немецкого.

10

Шведский король пытается захватить Полтаву

Как во славной во степи во черкасской,
Как под славным городом Платавой,
Как стоял тут король земли шведской.
Он почасту ко Платаве приступает,
Он приступом Платаву взять не может.
Во Платаве есть московская пехота,
Ох со конницей, со драгуны.
Генералы к королю приходили,
На словах к королю доносили:
«Ох ты гой еси, король наш яснейший,
Как нам сколько под Платавой ни стояти,
А приступом Платаву не взяти!»
Что возговорит король земли шведской:
«Как вы, храбрые мои генералы,
Вы, военные свирепые кавалеры!
Не видавши, вы батальи убоялись,
Послужите королю всею правдой,
Мы возьмем ли Платаву мимоходом.
Как я дам ли вам великую выгоду:
Распишу ли вам пространные кварталы
Да и во том ли во Московском государстве;
Ох я сам ли, король, встану в Кремле-граде.
Я драбантов поставлю в Москворечье,
А квандронов поставлю по Мясницкой,
А драгунов поставлю по Неглинной,
А пехотные полки — по всей Москве».

11

Войска Шереметева разбивают шведские полки

Во тихой смиренной во беседе
Сидели люди начальные,
Начальные люди да генералы,
С ними сидел царев большой боярин,
Генерал, кавалер и фельдмаршал,
Князь Борис сударь Петрович Шелеметев.
Он слово говорил, как в трубу трубил:
«Вы гой еси, князи и бояра,
И храбрые люди да генералы,
Вам сказана служба всем царска,
Вам указана широкая дорожка,
Идти вам во шведскую землю,
Ко славному городу ко Смоленцу,
А и села-поместья разоряти,
Жен и детей в полон брати,
Отсылать их в Московское государство
Под крепкими солдатскими караулы,
Под острыми обнаженными палашами».
За темными, братцы, лесами,
За высокими каменными горами
Тут стоял наш император со своей силой,
А силы с ним было сорок тысяч,
А с ним был царев большой боярин,
Генерал, кавалер и фельдмаршал.
Генерал, кавалер и фельдмаршал,
Князь Борис Петрович Шелеметев
Со своими урядными полками,
С удалыми добрыми молодцами.

Вечер было поздно-поздненько,
Ах, утрь было рано-раненько,
На светлой заре раноутрянной,
На выкате было красного солнца,
Не грозна туча подымалась,
Не облаки, братцы, накатались,
Наступила тут шведская сила,
Со всех со четырех сторонок,
Благоверного царя хочет обсадити.
Благоверной царь во силе прослезился,
Шелеметев, во полках стоя, заплакал.
Он со вечера добра коня имаает,
Изымавши, добра коня уздаает,
Обуздавши, добра коня седлаает,
Обседлавши добра коня, садилсЯ.
Он сам по полкам разъезжает,
Офицерам приказы отдаает:
«Вы гой еси, храбрые офицеры,
Уряжайте полки всё наготово;
Вы, батюшки московские драгуны,
Вы садитесь на добрых своих коней,
Обнажайте свои вострые сабли;
Вы, детушки, российские солдаты,
Заряжайте оружие долгомерно,
Послужите государю верой-правдою,
Вочью и заочью неизменно».
Вечор было поздно-поздненько,
Утрь было рано-раненько,
На светлой заре раноутрянной,
На выкате красного солнца,
Барабанщики в барабаны пробивали,
И сыповщики в сыповки заиграли.
Как не грозной, братцы, гром перед тучей грянул,
Грянули пушки боевые,

Боевые пушки полковые,
Полковые пушки-галанки
На все на четыре на сторонки,
А и сколько-то оне силы прибили,
Вдвое того силы примяли;
Запалила Шелеметева пехота,
Первая рота запалила,
Шведская сила испужалась;
Вторая рота запалила,
Шведская сила перепалась,
Перепалась сила шведска, помешалась;
Третья рота запалила,
Шведская сила отступила,
Шелеметев, во полках стоя, възъярился,
Он скоро на добра коня садился,
За королем во чисто поле погонился:
«Вы батюшки московские драгуны,
Постигайте ту шведскую силу,
С головы их на голову колите!»
Ах затем, братцы, здравствуй
Наш благоверный царь
Всея России Петр Алексеевич,
На всероссийском отеческом престоле
Со своими князьями и боярами,
Со храбрыми людьми да генералами!

Говорит тут маэор не с упадкою,
А стал он силу рассказывать:
«С генералом в поле нашим — сорок тысячей,
С королем в поле — сметы нет».
А втапоры царев большой боярин,
Князь Борис сын Петрович Шереметев,
А сам он царю репортует:
«Что много-де силы в поле той шведской,—
С генералом стоит силы сорок тысячей,
С королем в поле силы сметы нет».
Злата труба в поле в лагере протрубила,
Прогласил первой император:
«А и гой еси, Борис Петрович!
Не устрашися маэора допросити,
Не корми маэора целы сутки,
Еще вы его повторите —
Другие вы сутки не кормите,
И сладко он расскажет,
Сколько у них силы шведския».
А втапоры Борис Петрович Шереметев
На то-то больно догадлив:
А двое-де сутки маэора не кормили,
Во третьи винца ему подносили.
А втапоры маэор рассказал,
Правду истинну рассказал всем:
«С королем нашим и генералом силы семь
тысячей,
А более того нету».
И тут государь звеселился,
Велел ему маэора голову отляпать.

Русские войска берут Ригу

По морю, морю синёму
Плыло-выплывало три ветлёные стружка.
На первом стружечке император-царь сидит,
На втором стружечке кнѣзи-бѣяра сидят,
На третьём стружечке всё солдатики сидят,
Сидели солдаты полку Семеновского,
Той же первой роты гренадерское.
Их же приносило к Риге к каменной стены,
К той же к круглой башне трехугольное.
Якори метали всё булатные,
Шеймы выпускали всё шелковые,
Дорогого шелку шохматинского,
Сходенки метали всё дубовые,
Дорогого дубу, дубу польского,
Сами выходили на крут красен бережок,
Думали-гадали думу крепкую.
Подкопы копали всё глубокие,
Бочки выкатали со лютым зельём,
Со лютым со зельём — с чёрным порохом,
Свечки зажигали воскояровые.
Свечки догорели, бочки рѣзорвало,
Скинуло-сбросило Ригу каменну стену
С той же с круглой башни с трехугольное.
Стали проздравляти императора-царя:
«Здравствуй, император, с Ригой каменной стеной,
С той же с круглой башней с трехугольною».

14

Петр I на корабле

Ах по морю, морю синему,
По синю морю по Хвалынскому
Что плывут тут, vyplывають тридцать кораблей.
Что один из них корабль, братцы, наперед бежит,
Впереди бежит корабль, как сокол летит.
Хорошо больно кораблик изукрашен был,
Парусы на корабле были тафтяные,
А тетивочки у корабля шемаханского шелку,
А подзоры у кораблика рытого бархату.
На рулю сидел наш батюшка православный царь.
Что не золотая трубушка вострубила —
Да что взговорит наш батюшко православный
царь:

«Ах вы гой еси, матрозы, люди легкие!
Вы мечитесь на мачты корабельные,
Вы смотрите во трубочки подзорные,
Что далеко ли до Стекольного».

15

Петра I узнают в шведском городе

Как никто-то про то не знает, не ведает,
Что куда-то наш государь-царь собирается.
Чистым серебром кораблики изнаполнил,
Красным золотом суденышки изукрасил.

Он берет-то с собой силушки очень мало,
Что одних-то преображенских гренадеров.
Как приказ-то дает наш батюшка царь белый:
«Ой вы слушайте, офицерушки и солдаты!
Не зовите вы меня ни царем своим, ни государем,
А зовите вы меня заморским купчиной».
Уж и грянул государь-царь по морю гуляти.
Как носило-то царя по морю неделю,
Что носило царя белого другую,
Принесло-то его ко Стекольному государству,
Что к тому ли шведскому королевству.
Не купчинушка по городу гуляет,
Что никто-то купчину не узнаёт,
Узнавал только его гетман земли шведской.
Поскорехонько он к королевнушке метался:
«Ах ты гой еси, наша матушка королевна!
Не купчинушка по городу гуляет,
Что гуляет-то по городу царь белый!».
Как на красное крылечко королевна выходила,
Она семи земель царей портреты выносила,
По портрету царя белого узнавала,
Закричала королевна громким голосом:
«Ой вы гой еси, мои шведские генералы!
Запирайте вы вороточки покрепче,
Вы ловите царя белого скорее!»
Уж и тут-то наш батюшка не пугался,
Обо всех он шведских замыслах догадался,
Ко крестьянину он на двор скоро бросался:
«Ты бери-ко, бери, крестьянин, денег вдоволь,
Ты вези меня на край синя моря!».
Скоро вывез его крестьянин на край синя моря,
А скорей того во кораблик государь-царь сажился,
Закричал он своим матросам и солдатам:
«Ой вы гряньте-ко, ребяташки, дружнее,

Вы гребите и плывите поскорее!».
Как и первая погоня царя белого догоняет,
А другая-то погонюшка настигает.
Как возговорит погоня к царю-государю:
«Ты возьми-ко, возьми, царь белый, нас с собою.
А не возьмешь ты нас, батюшка, с собою,
Уж не быть-то нам, горьким, живыми на свете».
И тут же вся погоня в сине море побросалась,
А наш царь-государь во святую Русь возвратился.

Казачи допрашивають Долгорукова

По славному Дону тихому
Изволил наш Долгорукий-князь гулять.
Повстречали Долгорукого-князя
С тихого Дона его казаки,
Подхватили князя Долгорукого
Под белы руки его под пышные,
Повели Долгорукого-князя во станичную избу,
Посадили его, князя, на большое место под образа,
Стали князя Долгорукого крепко спрашивать:
«Ты скажи, скажи, наш Долгорукий-князь,
Скажи ты нам всюю правдицу,
Еще сколько на тихом Дону славных казаков?»
Тут возговорил Долгорукий-князь:
«На всякого казака по десять стругов,
А на князя меня еще на один десяточек».

Солдаты судят Долгорукова

Нам не дорого ни золото да чистое серебро,
И дорога-то наша любовь да молодецкая.
Ишло золото, чисто серебро скоро минется,
А и дорога-то наша любовь не позабудется.
Среди-то было Китаю да славного города,
А и тут стояли палаты да белокаменны.
Что во тех же да во палатах было да белокаменных,
Тут не мурава трава в поле да шаталася,
Не лазуревы цветочки к земли преклонялися —
Тут и бьют челом царю солдаты да низко кланяются:
«Уж ты гой еси, надежда да православный царь!
Уж ты дай нам суд на князя да Долгорукого».
Говорил как тут надежда православной царь:
«У меня на Долгорукого суда нету,
Вы судите-ко Долгорукого своим судом,
Вы своим судом судите да рукопашкою,
Вы берите-ка слегу да долгомерною,
Долгомерною слегу да семи аршин,
Семи она аршин да семи она верхов.
Вы ломайте у Долгорукого хрустальни ворота».
Тут берут ведь как солдаты да всё долгу слегу,
И долгу слегу да всё семи аршин,
И семи-то аршин она была, семи верхов,
Они ломают у Долгорукого хрустальни ворота.
Как выходит Долгорукой он на красно крыльцо.
«Уж вы гой еси, солдаты да новобраны!
Ишло что да вам, робята, да тако надомно:
Ишло надо вам, робятам, да разе чисто серебро?»
Тут спроговорят солдаты да новобранные:
«Нам не надомно, солдатам, чисто серебро,
Ты отдай нам наше жалованье,
Хлебно и мундерно и денежно».

Корабельщики бранят князя Гагарина

Как по речке, по реке тут пятьсот стружков плывут,
А на всяkiem стружéчке по пятисот человек.
Они едут в веслы бьют, сами песенки поют,
Разговоры говорят, князь Гагарина бранят:
«Заедает князь Гагарин наше жалованье,
Небольшое, трудовое, малоденежное,
Со всякого человека по пятнадцати рублей.
Он на эти-то на денежки поставил себе дом,
Он поставил себе дом на Неглинной, на Тверской,
На Неглинной, на Тверской, за мучным большим
рядом,
За мучным большим рядом, потолочек хрустальнóй,
А парадное крылечко белокаменное,
Белокаменное, стены мраморные,
Стены мраморные, пол-ат лаком наведён,
Как на этом-то полóчке москварецкая вода,
Москварецкая вода — по фонтану ведена,
По фонтану ведена, живá рыба пущенá,
Жива рыба пущенá, кроватушка смощена.
Как на этой на кровати сам Гагарин-князь лежит,
Сам Гагарин-князь лежит, таки речи говорит:
«Уж и дай, боже, пожить, во Сибири послужить,
Не таки бы я палатушки построил бы себе,—
Я не лучше бы, не хуже государева дворца,
Только тем разве похуже — золотого орла нет».
Уж за эту похвальбу государь его казнил».

КазакИ бранят Меншикова

Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Царицына,
Протекала-пролегалa мать Камышинка-река,
Как с собой она вела круты красны берега,
Круты красны берега и зеленые луга,
Она устьицем впадала в Волгу-матушку реку.
Что по той ли быстрине по Камышинке-реке
Как плывут тут, выплывают два снарядные
стружка.

Хорошо были стружочки изукрашенные,
Они копьями, знамены будто лесом поросли.
На стружках сидят гребцы, удалые молодцы,
Удалые молодцы, все донские казаки,
Да еще же гребенские, запорожские.
На них шапочки собольи, верхи бархатные,
Еще смурые кафтаны кумачом подложены,
Астрахански кушаки полушелковые,
Пестрядинные рубашки с золотым галуном,
Что зелен сафьян сапожки, кривые каблуки,
И с зачесами чулочки да всё гарусные.
Они веслами гребут, сами песенки поют,
Они хвалят-величают православного царя,
Православного царя, императора Петра,
А бранят они, клянут князя Меншикова,
Что с женою и с детьми и со внучатами:
«Заедает вор-собака наше жалованье,
Кормовое, годовое, наше денежное,
Да еще же не пускает нас по Волге погулять,
Вниз по Волге погулять, сдунинаю воспевать».

Загорелась Москва от больших господ

Ой ты хозяин, мой хозяин, своему дому господин!
У тебя-то, мой хозяин, хлеба-соли много на столе,
У тебя-то, мой хозяин, гости честные сидят,
Гости честные сидят, речь хорошую они говорят,
Всё про батюшку про Петра, про матушку кременну
Москва —
Отчего эта кременна Москва загоралась она и сперва?
Загоралась кременна Москва от больших славных
господ,
От того-то ли было от боярина от Гагарина-купца.
У боярина у Гагарина девка-ключница была,
Выходила она, выносила золоты, девка, ключи,
Отмыкала девка, отворяла потайные все пороховые
погреба,
Обронила эта девчоночка воску ярого свечу,
Оттого-то ли было наша кременна Москва загоралась
она и сперва.

Царь казнит Долгорукова

Воздалеченька православный царь
Убирается,
Во которую земелюшку
Снаряжается.
Как и все-то князья-бояры
Провожать идут.

Провожали они царя белого,
Слёзно плакали,
Как один из них Долгоруков-князь
Усмехнулся,
Как на ту пору православный царь
Оглянулся:
«Допросите-ка Долгорукова-князя,
О чем он усмехнулся».
Долгоруков-князь не винится,
О чем усмехнулся.
«Отрубите ему правую руку, левую ногу!»
Долгоруков не винится.
«Отрубите ему левую руку, правую ногу!»
Долгоруков не винится.
«Отрубите Долгорукову буйную голову!»
Долгоруков повинился:
«Ты не езд, православный царь,
На край моря.
Приготовлена для тебя артиллерица
Заряжёная,
Пропадет твоя буйная головушка
Ни за денежку,
Извывается твое белое тело
По чистому полю,
Поразвеют твои черные кудри
Ветры буйные,
Порастащат твои ребра-кости
Черные вóроны».

Молодцев отправляют на Ладожский канал

Поутру то было раным-рано,
На заре то было на утренней,
На восходе красного солнышка,
Что не гуси, братцы, и не лебеди
Со лузей, озер подымались —
Поднимались добрые молодцы,
Добрые молодцы, люди вольные,
Всё бурлаки понизовые,
На канавушку на Ладожску,
На работушку государеву.
Провожают их, добрых молодцов,
Отцы, матери, молоды жены
И со малыми со детками.

Пострижение царицы

У нас в Москве нездорово —
В большой колокол звонят заунывно,
Заунывно и печально:
Государь-царь на царицу прогневался,
Высылает царь царицу из Москвы вон —
И в тот ли в монастырь во Покровской.
Как возговорит царица Евдокия:
«Где мое конюхи молодые!
Вы закладывайте коней вороных,
Вы поедьте Московое — не спешите,
Вы московских людей не смешите,

Что и может государь-царь умилиться,
Не прикажет ли назад мне воротиться».
Выездяла государыня из Москвы вон
И молилась московским чудотворцам:
«Вы простите ли, московские чудотворцы,
Что и мне ли в Москве уж не бывати!
Вы простите, московские обыватели,
Что и мне ли вас не видати!
Ты прости, прости, моя грановитая палата,
Что и мне ли в тебе не живати,
Мне московскою царицей не слывати».
Приездяла государыня во Суздаль,
Что и в тот ли монастырь во Покровской,
И встречает государыню игуменья (с) сестрами.
«Ты поди, поди, царица Евдокия,
У меня про тебя келинка готова,
Что готовы тебе рабы и рабыни».
Скидовали с государыни светное платье,
Надевали на царицу черное платье,
Черное платье печальное,
Да и вскоре государыню постригли,
Нарекли ей имя Евфросинья.
А после государь-царь умилился,
Он поехал в монастырь во Покровской,
Чтобы царица воротилась.
Приезжает государь-царь во Суздаль,
Во тли в монастырь во Покровской,
И встречает его игуменья (с) сестрами.
«Я прошу тебя, государь, воротиться,
Что твоя та ли царица постриглась,
Нарекли ей имя Евфросинья».
Что и тут ли государь-царь заплакал,
И поехал в Москву он печальный.

ПЕСНИ ОБ ИГНАТИИ НЕКРАСОВЕ

1

Помутился, возмутился наш славный тихий Дон,
Помутился, возмутился с вершин вплоть до устьяца,
До самого до славного до города Черкасского.
Возмутил его, помутил его, братцы, донской казак,
Что Игнатьюшка сын Иванович Некрасов.
Игнатьюшка сын Иванович со реки ушел.
Он ушел-увел силы-рати сорок тысяч,
Опричь-де, опричь-де стариков старожилых,
Опричь-де малолеточков малолетних,
От тумов-де, от тумов-де казачьих прироженных.
Со вечера добры молодцы в поход собиралися,
Во глуху полночь перелазили славный тихий Дон,
На белой заре перелазили славну Непричку,
На восходе солнца красного перелазили Дунай
быстрою.

Перелеземши Дунай быстрою, становилися,
Становились добры молодцы в зеленых лугах,
Расположились добры молодцы казачьим теплым
лагерем,
Распускали добры молодцы значечку позлащенную,
Собирался к золотой значечке казачий круг.
Во кругу стоит хорошенький раздвиженный стул,
На стулу сидит наш ласковый атаманушка,
Что Игнатьюшка сын Иванович Некрасов.
Перед ним стоят его сотнички, пятидесятнички
Да любезные его стоят всё хорунжие.

Они пишут от Игнатьюшки скорой липорт
И шлют его с скорым послем, с каленой стрелой,
Ко нашему ко батюшке ко белому царю,
Как ко Пётрушке сыну Алексеевичу:
«Спасибо те, батюшка, ты нас поил-кормил,
Ты поил-кормил нас, батюшка, берёг-жаловал.
Ты в одном же на нас, батюшка, прогневался.
Ты прислал же к нам на тихий Дон разыщика,
Ты разыщика прислал к нам Долгорукого.
Без указа осударева он разорять нас стал,
Без московского курьера командировать нас стал.
Стариков наших старожилых велит казнить-вешать,
Молодых казаков берет он во солдаты,
Молоденьких малолеточков берет он во некруты,
Молодых красных девушек берет во постелю,
Он маленьких младенцев кидает за заборы.
Оттого-то мы бросили житье-бытье свое, богатство,
Мы пошли-то к турецкому хану в подданице».
Доведался о том батюшка православный царь,
Выходил батюшка на Красен крылец,
Возговорил батюшка православный царь таковы

слова:

«Уж вы гой еси, мои слуги верные!
Вы подайте мне коня резвого сивогривого,
Оседлайте его вы седлицем черкасским,
Побегу я, православный царь, ко Игнатьюшке,
Ворочу его я Игнатьюшку, его, со путинушки».
Подбегал наш батюшка к Дунай-реченьке,
Он сымал, сымал с себя пухову шляпу,
Он махал, махал Игнатьюшке сыну Ивановичу:
«Воротись-ка ты, Игнатьюшка, назад домой!»
Говорит речь Игнатьюшка царю белому:
«Прощай, прощай нас, батюшка православный царь!
Спасибо те, батюшка, ты нас поил-кормил,

Поил-кормил ты нас, православный царь,
берёг-жаловал».
Пошел тут наш Игнатьюшка во путинушку,
Во путинушку пошел, в чужу дальнюю земелюшку.

2

Возмутился славный наш тихий Дон,
Возмутился и совершился
До славного до устьяца,
До города до Черкасского.
Возмутил его донской казак,
По имени и по отечеству
Игнатьюшка Иваныч,
По фамильице Некрасов.
Он-то ушел, увел силы-рати сорок тысяч,
Окромe стариков староженных,
Опричь малолетков малолетних
И от тумов прироженных.
Да со вечера они собиралися,
А во полуночь они во поход пошли,
На белой заре проходили
Славный тихий Дон.
На славную Днепр-реку они становилися,
Во чистом поле и во зеленых лугах расположилися
Казаченьки теплыми лагерьми,
Распускали царску знамечку позлащенную.
Собирался к знамечку казачий круг,
Во кругу стоит хорошенький раздвижной стул,
На стуле сидит их молодой атаманушка
Игнатьюшка Иваныч сын Некрасов.
Перед ним стоят его сотники любимые его,
Он же пишет наскоро грамотку,

Не пером пишет, не чернилами,
А он пишет своими горячими слезами
К графу Долгорукому:
«Ты спасибо, наш батюшка,
Поил, кормил и берег, жаловал!
Ты в одном же на нас, батюшка, прогневался,
Захотел старикам усы, бороды брить
И молодых детей во солдаты брать.
Ты приехал к нам на тихий Дон,
Без указу-то нас разорять стал.
Уж мы бросили свое бытѣ-богатство,
С того-то мы со тиха Дона долой пошли,
Мы пошли к турецкому хану в подданство,
Он принял нас со честью, со славою
И пожаловал нам по коню, коню хорошему
И седельчику черкасскому».

3

На заре то было ранней утренней,
На заре то было да на зорюшке,
На закате было да светла месяца,
На восходе было красной солнушки:
Да собирались донские кóзачки,
Собирались они да во единый круг,
Во единый круг да во единый луг,
Да всё ко дому князя-бóяра-а-а,
Князя-бóяра да всё Долгорукова.
Как выходил же а он, князь-бóяр,
Выходил же он на высок крылец,
Выносил же он царску грамоту:
«Вы послушайте, донские кóзачки,
Вы послушайте царску грамоту:

Как стариков — казнить, вешать,
Молодых козачков — всё в солдаты брать».
По кругу-то ходит всё Игнат-сударь,
Всё Игнат-сударь как сокол летает,
Да на вострую шашку упирается,
Да горючей слезой заливается:
«Ты прости-то, прости, весь и род-племян».
Да подходит он, Игнат-сударь, к князю-бояру,
Ой да он срубил ему буйну голову.
Воскрутился же, возмутился батюшка,
А он батюшка славный тихий Дон,
Как от самой было от вершинушки,
Ой да от вершинушки до самой до устьяжи.
Как ушел-то, ушел да Игнат-сударь со тиха Дона,
Ой да со тиха Дона на Кубань-речку.

4

Да никто про то не знает, да никто не ведает,
Отчего-то наш славный тихий Дон возмущается.
Воскутился же, возмутился славный тихий Дон
Он от вершинушки вплоть до устьяца широкого,
Он не сам собой воскутился же, славный тихий Дон,
Воскутил его, возмутил его Долгоруков-князь,
Он вычитывал нам указушки скорописные:
Как и старым-то нам старинушкам быть повешенным,
Молодым-то нам всем казаченькам во солдатах быть.
Вот повесили тут казаченьки буйны свои головы.
Как один-то из нас, из казаченьков, Некрасов сын,
веселый был,
Засвистал-то он, закричал нам он своим громким
голосом:

«Еще кто из вас, из казаченьков, пойдет за Кубань-
речку?»

Набралось тут нас всех казаченок тысяч до сорок.
Переправушку совершил он нам трое суток,
На четвертые вот он сутки переправился,
Переправясь через тихий Дон, богу молился:
«Ты прости-прощай, славный тихий Дон,— переправил
ты нас!

Не спасибо тебе, наша матушка Катеринушка:
Не умела ты, наша матушка, владеть крылом правым,
Крылом правым, наша матушка, войском Донским,
Войском Донским, государыня, всё некрасовским».

5

На закате было красной солнушки,
На восходе было светлого месяца,
Ох соходились, ой соезжались,
Эх во единый круг, эй во единый луг.
Есаулушка круг закликивал,
Атаманушка Игнатьюшка, эй, круг да становил:
«Сходитесь, эй, соезжайтесь
Со тиха Дона, донские кóзачки».
И ах они ж думали думу крепкую:
«Ой и кто ж из вас на Кубань-речке бывал?
Ой и кто ж-то из вас про Кубань слышал?»
Как один говорит: «От людей слышал».
А другой говорит: «Издали видал».
Как и третий говорит: «Я и сам там был,
Я и сам там был, и коня поил,
А кубанские стрemiны по колeно бьют,
А шелковые поводья путают».

6

Сторона ль ты, да вот, моя прежняя сторонушка,
Сторона да ты, вот, всё чужая, вот да ты чужая.
Да никто ж-то про нее, да про эту сторонушку,
Ой да никто ж не знает, вот и да не знает.
Только знает про нее, про эту сторонушку,
Сердечко мое ретивое, вот и ретивое.
Да не сам-то я сюды на Кубань зашел,
Ой да я не сам на Кубань зашел да заехал,
Ой ну и вот занесла меня неволя царская,
Ой занесла меня ды, казака Некрасу, всё неволя,
Ой да неволя царская, вот да государская.
Ну прости, прости ж ты меня, сторонушка,
Ой да прости, прости всё, да тихий Дон,
А еще ж меня прости, весь и род-племян.

7

Ой да как взошло-то, взошло солнце красное,
Да над горой оно взошло же над высокою,
Ой да над полями взошло оно над широкими,
Да над дубравами взошло да над дремучими.
То не солнце, братцы, взошло же оно красное,
То воспроиздился да казаченька, добрый молодец,
А он же добрый молодец, да по имени ж Игнат-сударь,
Ой да Игнат-сударь, а он ведь сын-то — некрасовец,
Ой сын-некрасовец, а он родной батюшка.
Ай и кто ж-то его, доброго молодца, воспроиздил?
Ай и кто ж-то его, доброго молодца, вспоил-вскормил?
Ай и кто ж-то его, доброго молодца, возлелеял?

Ой да как и личишко у добра молодца оно снегу белого,
А румянец у добра молодца он, будто маков цвет.
Ой да и бровьюшки у добра молодца они соболиные,
Ай и глазюшки у добра молодца они соколиные,
Ой да и сам-то он, добрый молодец, орел быстрый,
Ой да а он орел быстрый, сокол же ясный.
Ай и кто ж-то его, добра молодца, да воспроизвел?
Ой воспроизвела его, добра молодца, земля русская,
Ой да воспроизвел-воскормил добра молодца тихий Дон,
А взлелеял добра молодца а он млад светел месяц,
Ой да приукрасило добра молодца солнце красное.

Поединок казака с турком при Петре I

Не черной то ворон по горам летал,
Молодой то турчан по полкам гулял.
Он своё ту войскою выхваляется,
Над донскою ту войскою насмехается,
Называет донску войску всё вороною:
«Эх, ворона ты, донска войска,
Я и к вам-то прилетал вороною,
А от вас-то лечу ясным соколом».
Вот и просит турчан себе поединщика.
Выбирался казак лет семнадцати,
И съезжались они с турком, спрашивались:
«Ты прощай-ко, прощай, казак донскою войскою!»
«Ты ишшо-то прости ты, наш белой царь,
Ты ишшо-то прости, отец с матерью,
Ты ишшо-то прости, донская войска моя».
Ну съезжались они с турком ровно по семь верст,

Ну и снял-то срубил казак с турка голову,
Он и поднял главу на востром копье,
Он понес главу к самому царю,
К самому царю Петру Первому.
«Ишшо чем я тебя, казак, буду жаловать,
Али златом, казак, али сѣребром?»
— «Мне не надо твое ни злата, ни сѣребра,
Не руби-ко ты да наши головы,
Ты не брей-ко, не брей наши бороды,
Ты пусти-ко нас, пусти в домовою отпуск,
Ту к отцу ту нас, к матери на свиданьецо,
К молодой жене на забавушку».

Поход Бековича-Черкасского на Хиву

Как на устье то было, братцы, Яикушки,
На краю моря было Каспицкого,
Что во славном городке было во Гурьеве,
Собирались тут войска царские,
Войска царские, ребята, всё из-за моря,
А с войсками, братцы, казаки были
Гребенские, братцы, и прияцкие, старожилые,
Как посланником царя был князь Бекович,
И сказал всем нам он словечушко:
«Вот наш батюшко православный царь
Посылает нас на Аму-Дарью реку,
На Аму реку, на Ургенч город.
Завоюем мы ханство хивинское,
Покорим его, братцы, царю белому,
Царю белому, ребята, Петру Первому,

И хивинцев всех расколотим там,
Самого хана мы в полон возьмем.
И за то за всё наградит он вас,
Наградит он вас всех по-царски.
А теперь, братцы, вы послушайте,
Вы послушайте, казаки-братцы,
Что поход будет нам труднехонек:
На пути своем не встретим речушек —
Одна гола степь без дороженек.
Ой вы братцы мои, вы казаченьки,
Прияцкие, старожилые, постарайтесь,
Сослужите службу небывалую,
Помогите вы царю-батюшке.
А возьмем Хиву — погостим мы там,
И к холодной зиме мы домой придем».

Петр I и князь Ганджерин

Православный царь Петр Алексеевич
Много силы набрал, много силы накопил,
Нам, казаченькам, в поход — объявил.
Он князей-то, бояр дарил-жаловал,
Дарил селами, дарил подселками,
Да еще-то он дарил городом Бебердом.
Как спросил православный царь Алексеевич:
«Вы князья мои, бояре, воеводы московские,
Да где ж это мой слуга Ганджерин-князь?»
— «Он ушел-то, бежал королю литвы служить,
Служить верой-правдою, без изменушки».
Воскликнул православный царь громким голосом:
«Вы подайте-ка мне доброго коня,

Еще дайте вы мне золоту трубу,
Я пойду в чистое поле на высок курган,
Посмотрю я воздалече-воздалеченько».
Не пыль, не кура по дороге курит-подымается,
Не туман в поле расстилается,
По той по дороге бежит слуга Ганджерин-князь.
В поводу он ведет двух предобрых коней,
В тороках он везет две головушки,
Две головушки, две не простые — княженецкие.

Нападение горцев на калмыков

Как у нас то было во калмыкушках,
Собиралася тут, соезжалася
Вот ордынушка, сила неверная,—
Темергойцы-собаки с бессемейцами.
Они вместе собиралися.
Они думушку думали все единую:
«Во которую, братцы, во сторонушку
Да мы на удар пойдем?
Ударимте-ка мы, братцы, во улусишки,
Что во те улусы во калмыцкие,
На ту кибиточку белу ханскую».
Молодого хана дома не случилось:
Он поехал во матушку во Россиюшку,
В каменную Москву.
Молодая ханша крепко испугалася;
Кричит-то она, зычит своим нежным голосом:
«Уж вы вояси мои, слуги верные,
Вы дайте, подайте мне, молодой ханше,
Перевезите меня на ту сторону,

Вы возьмите с меня пятьсот рублей.
Коли мало, возьмите всю тысячу;
Коли мало, возьмите вороньих коней,
А в приданое вам дарю
Я свой золотой перстень!»

Краснощеков под Дербентом

За славною за реченькой Низовою,
За высокою горою снеговою,
Под крепким городом Дербентом,
За высокою каменной стеною,
Стояла царя белого армеюшка.
Как восплачется атаманушка,
Наш батюшка Иван Матвейч,
Его сотнички, полковнички утешают
И хорунжие с есаулом ублажают:
«Ты не плачь, не тужи, Иван Матвеевич!»
Не золотая трубонька вострубила,
Не серебряная возговорила,
Говорил атаманушка Иван Матвейч:
«Глупые, неразумные мои старшинушки!
Как мне, Ивану Матвейчу, не тужить,
Как же мне, Краснощекову, не плакать?
Какая наша казачья верная служба,
Что последний солдат казаков старшина,
Нас в глаза ругает.
Напишу я самому царю донесение».

Шереметев набирает солдат для армии

Ой ты матушка родная,
Спеть ли песенка новая,
Ой спеть ли песенка новая,
Что новая недавняя,
Ой что новая недавняя,
Ой что новая недавняя,
Недавняя, забавная.
Как у нас было в
Кронштадте,
Среди торгу-базару,
Среди площади красивой,
Тут стоит нова горница
Со косяшным со окошкам,
Со хрустальным оконницам.
Что во той новой горнице
На ременчатом на стуле
Тут сидит большой боярин,
По имечку Борис Петрович,
По фамилье Шелеметев.
Он наборы набирает,
Солдатиков забривает.
Все солдаты стоят, плачут,
Что один солдат не плачет —
Вдоль по ярмарке гуляет,
В золоту скрипку играет,
Солдатиков забавляет:
«Вы не плачьте-ко, ребята,
Не тужите, новобраны:
Нам не пашенька пахати,
Не работа работати,

Только в фрунты постояти,
Только ружья заряжати».
— «Это как же нам не плакать:
Наши домики пустеют,
Отцы, матери стареют,
Молоды женки вдовеют,
Малы дети сиротеют».

Петр I возвращается из церкви

Среди было царствá Московского,
Что среди государства Российского,
Середина Москвы, в Крémле-городе,
Еще удеялося да учинилося
У того у дворца у государева,
У того у дворца у прекрасного.
Что то не грозная туча подымается,
Что то не синее облако выкатается,
Что не светёл месяц выкатается,
Как то не ясное солнце выкаталось,
Выходил ведь наш надежда православный царь,
То ведь бывший царь Петр Олексеевич.
Он садился, государь, в карету зóлотую,
Покатился государь наш ко божьей церкви,
Ко божьей церкви ко соборной,
Ко соборной ко Благовещенью.
Становился государь на место царское,
Он служил-то, государь, божьи службы да молéбены.
Покатился государь наш от божьей церкви,
От божьей церкви от соборной.
Впереди царя несут знамéнье царское,

Позади-то несут мисы серебряную,
Что на мисы той золотых много,
Еще больше того всё серебряных.
«Вы берите, ребята, сколько надоть вам!»

Царь и солдаты в кружале

Ой да ходил-гулял добрый молодец,
Ходил-гулял тот по базару,
Ой да ну за ним-то идут они, вестовые,
За ним идут три солда... три солдатушки,
Ой да за ним идут три солдатушки,
За ним идут они, вестовые.
Ой да вот заходят они, вот добрые молодцы,
Входят они во кружа... во кружалы,
Ой да входят добры молодцы,
Входят они во кружалы.
Ой да как один-то из них, удал добрый молодец,
Скричал своим громким го... громким голосом,
Ой как один из них, добрый молодец,
Скричал громким голосом:
«Вот вы целовальнички мои, целовальнички
Вы все мои молодые!
Вот ну наливайте же мне вот и зелена вина,
Да и лейте ее безме... ну безмерно;
Вот вы получайте с меня, с меня золоту казну,
Её с меня безрасче... безрасчетно,
Ой получайте золоту казну
С меня ее безрасчетно!»
Вот и как и тут-то они, мои целовальнички,
Да и все-то они перьпуга... перьпугалися,

Ой как и тут-то целовальнички,
 Они перепугались.
 Ой да как один-то из них, вот старóй солдат,
 Ну один солдат не спужа... не спужался,
 Ой как один из них, вот старóй солдат,
 Один солдат не спужался:
 «Ой да уж вы стойте же вы, вот мои товарищи,
 Да вы стойте, вы не робе... не робейте,
 Ой да вы стойте же, товарищи,
 Да вы стойте, не робейте!
 Ой да как у нас-то у нас ай да православный царь,
 Только царь Петро Алексе... Алексеевич,
 Ой как у нас-то ой да православный царь,
 Вот сам Петро Алексеевич!»
 — «Ай и почему же меня, почему, старóй солдат,
 Ты по чем же меня узна... узнаваешь,
 Ой по чему же ты, старóй солдат,
 Ты по чем меня узнаваешь,
 Ой да ну по имению, вот и по прозваньицу
 Царем меня назы... называешь,
 Ой ну по имению, по прозваньицу
 Царем меня называешь?»
 — «Ой да ну и как же тебя, как же тебя, православный
 царь,
 Как же мне тебя не зна... мне не знати,
 Ай ну и как же тебя, православный царь,
 Ну и как же тебя не знати:
 Ох и потому я тебя, вот я тебя, православный царь,
 Вот я тебя признава... признаваю,
 Ой потому тебя вот, православный царь,
 Потому я признаваю —
 Я служил у тебя только, православный царь,
 Служил при вас в темном колидо... колидоре!»

Молодец на правеже

Били доброго молодца на правеже,
На жемчужным перехрёстычке,
Во морозы во хрещенские,
Во два прудишка железные.
Он стоит, удаленькой,— не тряхнется,
И русы кудри не шелохнутся,
Только горячі слезы из глаз катятся.
Наезжает к нему православный царь,
Православный царь Петр Алексеевич.
Не золотая трубынка вострубила,
Не серебряна сиповычка возыграла,
Тут возгóворит царь Петр Алексеевич:
«Вы за что добротного кáзните,
Бьете-кáзните казнью смертною?»
Тут возговорят мужики приходские:
«Уж ты гой еси, православный царь,
Царь Петр Алексеевич!
Мы за то ёго бьем-казнѝм —
Он покрал у нас Николу ту Можайского
И унес казны сорок тысячей».
Тут возговорит добрый молодец:
«Уж ты гой еси, православной царь,
Православной государь Петр Алексеевич!
Не вели меня за слово кáзнить-вешати,
Прикажи мне слово мольты.
Мне сея, добра молодца, поправити.
Не я покрал у них Николу ту Можайского
И не я унес у него золоту казну,
А покрали ёго мужики-кашилы.
Только лучилося мне, доброму молодцу,
Это дело самому видети.

Гулял я, молодец, по бережку,
На желтѣм песку, при мелкѣм леску,
И увидел, что они делят казну,
Не шшитаючи, делят, отгребаючи.
У меня, у молодца, сердце разгорелось,
Молодецка кровь раскипелась,
Ломал я, молодчик, мостовиночку дубовую,
Перебил я мужиков до полусмерти,
Иных-прочих чуть живых пустил.
И взял я у них золоту казну,
Взявши казну, стал перешшитывать,
Нашшитал казны сорок тысячей».
Тут не золота трубынька вострубила,
Не серебряна сиповычка возыграла,
Как возгѣворит надежа православной царь,
Православной государь Петр Алексеевич:
«Ты куда такову казну дѣвал?»
Тут возгѣворит добрый молодец:
«Уж ты гой еси, православной царь,
Православной царь Петр Алексеевич!
Прогулял я во кружале
Со голѣтьбою со кабацкою!»

Рождение царевича Алексея

Как у нас было во царстве, каменной Москве,
У царя-то у Петра-то у Первого
Идет пир-пированьицо,
Пьют на веселе, на радости
Со князьями, со боярами:
Родился у него милый сын Алексей Петрович.

Уж и кличет царь клич, гаркает,
 По три утра да по три вечера,
 По три зори, зори утренние:
 «Уж и есть ли в Москве плотнички,
 Государевы работнички?
 Уж вы сделайте, плотнички, золотую колыбелюшку
 Младому царевичу Алексею Петровичу,
 Ее мудрую, хитрую из кипарисного дерева.
 В головах-то вырезывайте: всходи красное солнышко,
 В ногах-то вырезывайте перекатный светел месяц,
 По праву руку вырезывайте частые звездочки,
 По леву руку вырезывайте коня доброго, сивого,
 косматого».
 На утре было на утречке, на сходимом красном
 солнышке,
 Приходили к царю плотнички с золотой колыбелю.
 Уж и эта же ему колыбелюшка весьма да приглянулася.
 Младому царевичу Алексею Петровичу.

Царевича Алексея хотят казнить

Вы не каркайте, вороны, да над ясным над соколом
 Вы не смейтесь, люди, да над удалым молодцем,
 Над удалым молодцем да над Алексеем Петровичем
 Уж и гусли вы гуслицы!
 Не выигрывайте, гусельцы, молодцу на досадушку
 Когда было мне, молодцу, пора-времечко хорошее,
 Любил меня сударь-батюшка, взлелеяла родима
 матушка
 А теперь да отказалася, царски роды помешались,
 Что ударили во колокол, во колокол нерадостен:

У плахи белодубовой палачи все испужались,
По сенату все разбежались...
Один Ванька Игнашенок-вор,
Не боялся он, варвар, не опасился.
Он стаёт на запяточки ко глухой да ко повозочке,
Во глухой-то во повозочке удалой доброй молодец
Алексей Петрович-свет...
Без креста он сидит да без пояса,
Голова платком завязана...
Привезли повозочку на поле на Куликовое,
На степь да на Поташкину. ко плахе белодубовой,
Посылает Алексей Петрович челобитную
Ко родимому дядюшке ко Миките Романовичу.
Его дома не случилось, в терему не находилось,
Он ушел да во мыльну во парушу
Да помыться, да попариться.
Приходят челобитьице ко родимому ко дядюшку
Во мыльну теплу банюшку.
Он не помылся, да не попарился,
Он кладет да шелков веничек
На дубовую на лавочку,
Кладет да костромское мыльцо
На косящето окошечко,
Он берет да золоты ключи,
Он идет да во конюшну белокаменну,
Он имает да коня доброго,
Он седлает да седло черкасское,
И поскакал он ко плахе белодубовой,
Ко любезному племянничку к Алексею да Петровичу,
Воротил он своего племянничка
От казнения, от вешанья.
Приезжает он во свои палаты белокаменны,
Завел он пир-гуляньицо на весело.
А у его-то родимого батюшки,

У Петра-то да у Первого,
В дому-то печаль да кручинушка,
Призавешаны окошечки черным бархатом.
Он зовет к себе да требует
Любезного зятюшку да Микиту Романовича:
«Что, любезный зятюшко, пьешь на радости, на веселе,
А у меня-то тоска да кручинушка:
Нету сына милого Алексея да Петровича».
Отвечает Никита Романович:
«Пью я на веселе, на радости,
У меня-то в гостях родимый племянничек
Алексей да Петрович...»
Царь-государь весьма этому обрадовался,
Приказал он свои створчаты окошечки
Открыть для света для белого
Да призавесить алым бархатом.

Царя встречает Меншиков

Старики мои стародавние,
Из тумы-тумы прирожденные!
Ничего, старики, вы не ведаете.
А у нас во Москве не по-старому,
Не по-старому, не по-прежнему.
Называют-то Москву деревнею,
Государев дворец — конюшнею.
Не белая заря занималась,
Не красное солнце выкаталось,
То едет наш православный царь
Со князьми, со боярами
И со думными сенатóрами.

Сустречает царя князь Меншиков
Александр сударь Данилович.
«Здравствуй, батюшка наш православный царь!»
— «Здравствуй, князь ты сударь Данилович.
Что во нашей во Москве делается?»
— «Ой ты батюшка православный царь!
Во Москве не по-прежнему,
Не по-прежнему, не по-старому:
Называют там Москву деревнею,
Государев твой дворец — конюшнею».

Добрый молодец и Петр I

А ходил-гулял добрый молодец по чисту полю,
Искал себе поединщичков,
И находил во чистом поле —
Сидят шестьдесят удалых добрых молодцев
И поделают ёны золоту казну.
И приходит этот дородний добрый молодец,
Сам говорит таковы слова:
«Ай же вы удалы дородни добры молодцы!
Дайте мне-ка-ва золотой казны
Хоть малый жеребеечек!»
И проговорят все удалы добры молодцы:
«Голячок ты, удаленький молодец!
Не можешь нажить себе золотой казны.
А не дадим тебе малого жеребеечка,
А не дадим тебе и трех рублей,
А не дадим тебе и трех алтын!»
Показалось ему это слово
За досаду, за обиду за великую,

Ухватил черленый вяз
И ударил черленым вязом по сырой земле.
От того удара богатырского
Мать сыра земля сколыбалася,
А добры молодцы испугалися,
По чисту полю разбегалися,
И оставили ёны золоту казну.
Взял удалый добрый молодец золоту казну
И понес в каменну Москву.
Приходит в каменну Москву на царев кабак,
И купил-брал зелена вина,
Сам говорил таковы слова:
«А пейте, братцы, зелена вина,
Не пропить моей золотой казны —
Есть у меня золотой казны сорок тысячней».
И пригодилися служки монастырские,
И доносили его царскому величеству.
И приводят этого удалого добра молодца,
И стал царь его допрашивати:
«Скажи, скажи, удалый дородний добрый
молодец,
Был ли ты красть монастыря Румянцева,
И был ли ты нести золотой казны?»
Говорит удалый добрый молодец:
«Ай же ты царь Петр Алексиевич!
А не был я красть монастыря Румянцева,
И не был я нести золотой казны,
А ходил-гулял по чисту полю
И находил во чистом поле
Шестьдесят удалых добрых молодцев:
И поделают ёны золоту казну,
И золотой казны сорок тысячней.
И просил я у них золотой казны
Хотя малого жеребеечка,

А ёны говорят, удалые молодцы:
«Голячок ты, удаленький молодец!
Не можешь нажить себе золотой казны,
А не дадим тебе малого жеребеечка,
А не дадим тебе и трех рублей,
А не дадим тебе и трех алтын!»
Показалось мне это слово
За досаду, за обиду за великую,
Ухватил я черленый вяз
И ударил черленым вязом по сырой земле.
От того удара богатырского
Мать сыра земля сколыбалася,
А добры молодцы испугались,
По чисту полю разбегались,
И оставляли ёны золоту казну».
Проговорит еѳо царское величество:
«Ай же ты удалый дородний добрый молодец!
Ходи-гуляй по чисту полю
И стой за веру христианскую».

Петр I борется с драгуном

У дворца, дворца было государева,
У того крыльца у красоного,
Стоял тут раздвѳжной стул,
На стулу сидит православный царь,
Православный царь Петр Алексеевич,
Перед ним стоят князья-бѳяре.
Речь возговорил православный царь:
«Ой вы гой еси, князья-бѳяре!
Нет ли из вас охотничка

Со белым царем поборотися,
За проклад царя потешити?»
Все князья-бóяре испужалися,
По палатушкам разбежались.
Перед ним стоит молодой драгун,
Молодой драгун лет пятнадцати,
Речь возговорит он белу царю:
«Гой ты гой еси, православный царь,
Православный царь Петр Алексеевич!
Не прикажи ты меня казнить-вешать,
Прикажи мне слово молвити,
Слово молвити, речь возгóворити.
Я охотничек с тобой, со белым царем, поборотися,
За проклад царя потешити».
— «Когда поборешь ты меня, молодой драгун, милую
тебя,

А я поборю — казнить буду тебя».
Речь возговорил молодой драгун:
«Есть воля божья и твоя, царёва».
Подпоясывал православный царь шелков кушак,
Выходили они с молодым драгуном, сухваталися.
Речь возговорил ему молодой драгун,
Белу царю Петр Алексеевичу:
«Гой ты батюшка православный царь,
Православный царь Петр Алексеевич!
Да я тебя, православного царя, побороть хочу!»
Левою рукой молодой драгун побарывал,
Правой рукой молодой драгун подхватывал,
Не пущал царя на сыру землю.
Речь возговорил православный царь:
«Сполать тебе, драгун, боротися!»
Подходил к нему молодой драгун близехонько:
«Гой ты гой еси, батюшка православный царь,
Православный царь Петр Алексеевич!

Не погневайся на мое бороньце».
— «Благодарю тебя, молодой драгун, за бороньце!
Чем тебя, молодой драгун, дарить-жаловать:
Селами ли те, дерёвнями,
Али те золотой казной?»
— «Не надо мне ни селов, ни дёревнев,
Ни матушки золотой казны.
Дай ты мне безденежно
По царевым кабакам вино пить».

* * *

Как за реченькой за Волгою
Не камыш-трава в поле шатается,
Зашатался душа добрый молодец;
Он не сам собой, не своей охотою,
Он не охотушкой — большой неволюшкой.
Как неволюшка — наша жизнь боярская,
Жизнь боярская, служба государская,
Нашего царя белого Петра Первого.
Петр Первый же объявил солдащину,
Молодых ребят идут во солдаты брать.
У солдатушки нам идти не хочется,
А хоть и хочется — назад не ворочаться;
Хоть и вернемся — к сердцу не привернемся.

* * *

Не бела зоря занималася,
Не красно солнце выкаталось,
Выкаталось знамя царское,
Государево, царя белого,
Царя белого Петра Первого.
На значечке есть написано, напечатано
И про нас лишь добрых молодцев.
Из-под значечка идет добрый молодец.
Он не пьяной идет — сам шатается,
За ковыль-траву запинается,
Горючьми слезами заливається,
С отцом, с матерью прощается:
«Прости, батюшка, прости, матушка,
Прости ты, весь род и племя,
Вы простите, мои малые детушки,
Только не прости, моя молода жена!
Молода жена, пагуба моя:
Погубила мою буйную головушку,
От тебя пошел, от тебя пропал,
От тебя спознал чужу сторону,
Нужду крайнюю, службу царскую!»

* * *

Не во матушке было, было в Россиюшке,
Во Россиюшке было, было в каменной Москве,
У крыльца-то ли у дворца было государева,
Гребенской-ат казак уж он на часах стоит.

На часах-то стоит, сам он слезно плачет,
Во слезах-то ли он словечушко молвит:
«Вы подуйте-ка ли вы, уж ветры буйные,
Пошатните-ка ли вы горы высокие,
Пошатните-ка ли вы леса темные,
Разнесите-ка ли вы царскую могилушку,
Отверните-ка ли вы, уж вы гробовую доску,
Откройте-ка ли вы золотую парчу.
Ты встань, восстань, батюшка ты Грозный царь,
Грозный царь да ты Иван Васильевич!
Посмотри-ка, погляди на свою армеюшку,
Как стоит-то ли она всё не по-прежнему,
Все усы-то у ней, этой армеюшке, пообритые,
Больши бороды у ней, у этой армеюшке, пострижены».

* * *

Во славном городе во Санкт-Петербурге
Стояли палаты белокаменные.
Во тех во палатах белокаменных
Состроена тут кроватушка тесовая,
На кроватушке изголовьице точеное,
Точеное, позолоченое,
На изголовьице подушечки шелковые,
Шелковые и парчовые,
На подушках одеяло соболиное,
Того соболя сибирского,
Под одеялечком лежит удалый добрый молодец,
Удал добрый молодец, наш православный царь,
Православный царь Петр Алексеевич.
Перед ним стоят все князья-бояре,

Все старшие фельдмаршалы:
Возговрят все князья-бояре,
Все старшие фельдмаршалы:
«Тебе, видно, худо можется,
Худо можется, конец близится.
На кого ты свое царство приказываешь,
На кого ты свое государство отказываешь?
Кому у нас будет сенат судить,
Кому у нас владеть каменной Москвой,
Каменной Москвой, всей Россиею?»
Как не золотая трубонька вострубила,
Как не серебряная сиповочка возыграла,
А возговорил наш батюшка православный царь,
Православный царь Петр Алексеевич:
«Сенат судить вам, князьям-боярам,
Каменна Москва и Россия вся — моей государыне».
Услыхала государыня,
Из палат идет, сама вопит:
«О ты гой еси, мой мил-сердечный друг,
Православный царь Петр Алексеевич!
На кого ты свое царство приказываешь,
На кого ты свое государство отказываешь?»
Не золота трубонька вострубила,
Не серебряная сиповочка возыграла,
Ан возговорит наш православный царь,
Православный царь Петр Алексеевич:
«Сенат судить князьям-боярам,
Всем старшим фельдмаршалам;
Каменная Москва тебе, моя государыня,
Каменная Москва и Россия вся».

Вести о восстании на Дону

Ах служили мы на границе три годочка,
Нам ни весточки, ни грамотки с Дону нету,
И словесного челобитьяца нам не прислано.
На четвертом годочке перепала весточка,
Не полуночная звезда с небес упала,
А скорая почта прибегала
Ко походному нашему атаману,
Ко Иванушке Ивановичу Фролову:
«Уж ты здравствуй, походный наш атаман,
Уж ты здравствуй со походными старшинами,
Уж ты здравствуй со служащими казаками!
Как у нас-то на тихом Дону нездорово:
Как приехали к нам на тихий Дон всё рассыльщики,
Во рассыльщиках были два боярина;
Без указа-то они государева нас разоряют,
И они старых стариков всех ссылают,
Молодых-то малолеток берут во солдаты.
Оттого-то наш славный тихий Дон возмутился,
Возмутился славный тихий Дон вплоть до устьяца,
Как и до славного до города Черкасского».

Долгорукова ведут на казнь

По большой дорожке
Не купца ведут, не боярина,
Самого князя Долгорукого.
По бокам идут два полка солдат,
Два полка солдат, два тысячных.

Наперед идет сам грозной палач,
Позади идет боярыня,
Набелёна, нарумянена,
Она плачет — что река льется,
Слезы катются — что волна бьется.
«Ты не плачь, моя боярыня,
Набелёна, нарумянена!»
— «Уж как же мне не плакати,
Коль крестьянушек отписывают,
В золотой казне воли нету?
Только один золотой перстень мой».
— «Давай перстень палача дарить,
Чтобы придал скорую смерть».

* * *

У ж ты ягодка, ты смородинка,
Ты когда взошла, когда выросла?
Я весной взошла, летом выросла,
Зеленехунька позаломлена,
По три прутичка в пучки вязана,
По дороженьке поразбросана.
На том-то было дворе Шереметевом,
За столом-то сидят три генералушка,
Перед столом-то стоит красная девушка,
Красная девушка просит генералушков:
«Раскуйте моего батюшку, разверзните мою матушку!»
— «Не плачь, Прасковьюшка, не тужи, не кручинься.
Не можем мы, генералушки, расковать твоего
батеньку,
Не можем мы разверзнуть твоей матушки.

Ты пойдй к самому царю белому,
Подойди тихохонько, проси смирехунько, поклонись
низехунько».

Идет Прасковьюшка к самому царю белому.
На крыльце-то сидит православный царь.
Как возговорит речь Прасковьюшка
Своим громким голосом:
«Ты прости, православный царь,
Моего батеньку и мою маменьку,
Прикажи, царь, расковать моего батеньку,
Прикажи разверзнуть мою маменьку».
Как возговорит в ответ православный царь:
«Не прошу я, Прасковьюшка, твоего отца, матерю,
А сошлю я его под Сибирь-город, а ее на фабрику».

Казнь боярина

Голова ль ты моя, головушка,
Голова моя послуживая,
Послужила моя головушка
Ровно тридцать лет и три года,
Со добра коня не слезаючи,
Из стремян ног не вымаючи.
Ах не выслужила головушка
Ни корысти себе, ни радости,
Как ни слова себе доброго
И ни рангу себе высокого,
Только выслужила головушка
Два столбика высокие,
Перекладинку кленовую,
Еще петельку шелковую.
По Мясницкой славной улице,

За Мясницкими за воротами
Ведут князя-боярина.
Перед ним идут попы, дьяконы,
Во руках несут большу книгу,
А за ним идет солдат рота,
Наголо несут шпаги острые,
А по правую по сторонушку
Идет его грозной палач,
Во руках несет саблю острую,
А по левую по сторонушку
Тут идет его родна сестра,
Она плачет — что река льется,
Возрыдает — как ручьи текут.
Унимает ее родимой брат:
«Ты не плачь, не плачь, родна сестра,
Не слези свои очи ясные,
Не руди своего лица белого,
Не надсажай своего сердца ретивого.
Как чего же тебе хочется:
Иль поместий моих, иль вотчины,
Иль имения тебе богатства,
Или злата, или серебра,
Иль моего тебе здоровьица?»
— «Ах ты свет же мой любезной брат!
Ничего-то мне не хочется —
Ни поместий твоих, ни вотчин,
Ни имений твоих богатства,
Ни злата, ни серебра.
Уж как только мне, братец, хочется
Твоего, сударь, здоровьица». —
Да что взговорит родимой брат:
«И ты свет моя родна сестра!
Тебе плакать — не выплакать,
Молить бога — не вымолить,

У царя просить — не выпросить.
И так меня бог помиловал,
Государь-царь пожаловал,
Велел срубить буйну голову
По мои плеча могучие». —
Как ввели князя на сруб высок,
На его место показанно,
Он молился Спасову чудну образу,
Он на все стороны низко кланялся:
«Ах прости, прости, мир и народ божий,
Помолитесь за мои грехи,
За мои грехи тяжкие». —
Не успел народ лишь взозрिति,
Как отсекли буйну голову
По его плеча могучие.

* * *

Ох не три поля кручинушки изнасеяно,
Уродилось кручинушки три долинушки.
Что под славным под городом подо Гранским
Что расплачутся солдаты да со драгунами:
«Ох, ты служба да наша служба да государева,
Зачалася наша служба да бесконечная,
Что на наши на солдатские на головушки,
Что повывела на святой Роси добрых молодцев.
Ох что хвалится Лещинской-вор, похваляется,
Да что хочет побывать у нас на святой Роси,
Что во стольное во царство во Московское:
«Соберу я себе силы да, братцы, трех земель.
Еще первую силу земли прусские,
Еще другую сберу силу земли французские,

Еще третью силу да земли польские,
Еще-от Псков и Новгород во ногах стопчу,
Еще села и деревни да выжгу, вырублю.
Я и церкви и деревни да всё на дым спущу,
Ох, я девок и баб всех на блуд возьму!»
Не успел тут Лещинской-вор похвалится,
Светлорусская да сила облегла
Что со всех, братцы, с четырех да сторонешек,
Что да насилу тут Лещинской сам-третьей ушел,
Бегучи, сам Лещинский да заклинается:
«Что не дай, боже, бывать да на святой Роси,
Что да во сильном во царстве да во Московском,
Что не мне, братцы, Лещинскому, ни моим детям!»

* * *

Красно солнушко с светлым месяцем поразмолвилось,
Называет солнушко светлый месяц назывочкой:
«Назывочка-батюшка светлый месяц!
Изменяешь ты красному солнушку
И глядишь ты, назывочка, позднёшенько вечером,
Унимаешь ты у невольничка путь-дороженьку
С полону бежать князю Лещинскому». •
У Лещинского колясочка ровно жар горит,
Во колясочку заложоны кони во двенадцать пар,
На конях фолейторы все подкуплены.
Гонит погонь за князем Лещинским,
Гонит погонь во пятьсот жандар.
Прибежал Лещинский ко Дунай-реке,
На ту пору переправщиков не случилось.
«Ты позволь, Дунай-батюшка, переправиться!»
Попроша Дунай, князь Лещинский в реку бросился.

Краснощеков в плену

Приуныло, приумолкло войско донское,
Приужаснулась армеюшка царя белого
Без верного служителя государева,
Без Ивана Матвенча Краснощекова.
Взяли Краснощекова в полон шведы,
Повели доброго молодца к Левенгаупту,
Как и стал его Левенгаупт спрашивать:
«Ты скажи, скажи, доброй молодец, не утай ничего —
Ты чем служил царю белому, как ты жалован:
Сотником, полковником иль бригадирушкой?»
Речь возговорил Краснощеков Левенгаупту:
«Я служил царю белому ровно тридцать лет,
И не сотником, полковничком, бригадирушкой,
Я служил царю белому — рядовой казак».
— «Нет, неправду, разудалой, открываешь мне.
На тебе, младец, управушка не казачая,
На тебе-то управушка командирская.
Я хочу тебя, младца, просить просьбою:
Ты служил царю белому ровно тридцать лет,
Послужи ты царю шведскому хоть три года».
Как воскрикнул Краснощеков Левенгаупту:
«Ах, если бы была при мне сабля острая,
Послужил бы я над твоей буйной головушкой».

Краснощеков сражен пулей

Ах во тысяча семьсот сорок втором году
Под славным было городом под Гельцемфорсом,
Ах не лютая змея в поле извивалася,
Извивалася тут пуленка свинцовая.

Она не падала ни на землю, ни на воду,
Она падала во армию во московскую.
Полюбила-излюбила она казачий полк,
Ах убила она казачьего полковничка,
Ах того ли кавалера Краснощекова самого.
Перепаала скоро весточка в Санктпитебург,
Пишет государони сама грамотку:
«Ах вы гой еси, генералы и фельдмаршалы мои,
Ах вы сделайте добру молодцу дубовой гроб,
Постелите во гробницу черного бархату,
Проводите вы доброго молодца в Санктпитебург,
Погребите добра молодца в Успенском соборе».
Ах нет у добра молодца отца и матери,
Нет у добра молодца роду и племени,
Только есть у доброго молодца два сына.

Гибель Краснощекова

Что сказать ли вам, братцы, про диковинку,
Как про верного слугу про Краснощекова,
Отчего, братцы, ему скоро смерть солучилася?
Солучилася ему скоро смерть от изменщика.
Поимали же Краснощекова на черной грязи,
Он слезал ли, Краснощеков, со добра коня,
Вынимал ли Краснощеков саблю острую,
Он срубил ли со добра коня буйну голову,
Он срубивши голову, говорил ему:
«Не доставайся ты, мой доброй конь, злу татарину!».
Уж как взяли Краснощекова за белы руки,
Повели же Краснощекова к хану крымскому,
Уж как стали же Краснощекова крепко спрашивать:

«Ты скажи, скажи, Краснощеков, истину,
 Еще много ли у вас силы со фельдмаршалом?»
 — «Со фельдмаршалом у нас силы ей сметы нет».
 — «Еще много ли у вас силы с Краснощековым?»
 — «С Краснощековым у нас — что цветов в полях».
 — «Послужи же нам, Краснощеков, верой-правдою!»
 Ах что взговорит Краснощеков злым татаринам:
 «Послужу я вам, друзья мои, саблей острою
 Что над вашими ль над буйными головками!»
 Еще тут ли татаре осердились,
 Они стали над Краснощековым наругаться,
 Принялись у Краснощекова ноги резати,
 Они разными муками его мучили,
 А правды из него не вывели,
 Хоть с живого с него кожу содрали,
 Но души из него не выняли.

ПЕСНИ О СЕМИЛЕТНЕЙ ВОЙНЕ

1

Помощь австрийскому цесарю

Пишет князь-цесарин к государыне в Москву:
 «Ты россейская сударыня, ты пожалуй мне силы
 войской,
 Силы войской двадцать пять полков!»
 А сударыня с сенаторами думу думала,
 Она думала думу крепкую заединое.
 Набирала она силу войскую двадцать пять полков.
 Набравши она силушку, переправлять стала
 Через матушку реченьку через тихий Дон.

Переправимши свою силушку, в строй поставила.
В строй поставимши, государыня перекликала:
«Ох вы гой еси, князья со боярами!
Послужите вы верою-правдою князю-цесарину,
С белокаменной стеною — со пехотою,
Со свирепыми людьми — со гусарами,
Со прворными людьми — со калмыками!»

2

Русское войско выступает в поход

По московской по широкой по дороженьке
Не ковыль-трава, братцы, зашаталася,
Не алы цветы, братцы, развевались,
Зашаталася тут сильна армия,
Сильна армия царя белого,
Идучи, братцы, в землю прусскую,
На чужудальну на сторонушку,
На чужудальну незнакомую.
Раздувались знамены белые.
Наперед идут новокорпусны,
Всереде везут артиллерию,
Позади едет сильна конница,
Славна конница кирасирская.
Уж как все веселы идут,
Веселы идут, принапудрены.
Что один из них невесёл идет,
Невесёл идет, призадумавшись.
Что за ним идет красна девица,
Она плачет, как река льется,
Возрыдает, что ключи кипят.

Уж как взговорит удалый добрый молодец:
«Ты не плачь, не плачь, красна девица,
Не слези лица румяного,
Не вздыхай, моя разумная!
Не одной-то ведь тебе тошно,
И мне, молодцу, грустнехонько,
Что иду-то я на чужую сторону,
На чужудальну незнакомую,
Что на службу я государеву».

3

Прусский король похваляется захватить русскую землю

Что никто, братцы, не знает, не ведает,
Мы стоим на карауле государевом,
Смотрючи и гляючи в землю прущую,
Хвалится, похваляется прущий король:
«Святорусскую земелюшку всю насквозь пройду,
Уж я Ладанское озеро суднами загрузу,
Я Нов славный город мимоход возьму,
Я Кординский славный монастырь выжгу, выпленю,
Я во славную каменну Москву ночевать приду,
Благоверного государя во слуги возьму,
Благоверную государыню во рассылщики».
Перепалася скоро весточка в каменну Москву,
Ко славному ко воину к Шереметеву.
Среди ли самой ночи, ночи темная,
Ото сна князь Шереметев пробуждается,
Надевает сафьянны чеботы на босу ногу,
Надевает кунью шубу на одно плечо.

Выходил наш князь на красен крылец
И кричал князь Шереметев громким голосом:
«Ой вы гой еси, солдатушки, слуги верные,
Собирайтесь в поход идти скоро-наскоро!»
Со вечера солдатушкам приказ отдали,
Со полуночи солдатушки ружья чистили,
Ко белу свету солдатушки во поход пошли,
Во славную во землюшку во прущую.

4

Прусский король ведет армию

На заре было, вот на зореньке,
На восходе было красна солнышка,
На закате было светла месяца,
Медна пушечка в поле возбрякнула,
Артиллериюшка песню возгаркнула,
Песню возгаркнула, слезно восплакнула —
Во поход пошла в дальни стороны,
В дальни стороны, в немецки слободы,
Впереди идет сам прусской король,
Он идет, ведет свою армеюшку.

5

Осада Кистрина

Еще тысяча семьсот было в пятьдесят седьмом году,
Что у нашей было матушки государыни,
Соезжались генералы к графу Фермору,
Они думали крепкую думушку заединую:

«Еще как бы нам, генералам, во поход идтить,
Во поход идтить генералам в землю прусскую».
Что со вечера при пароле приказ отдан был,
Чтобы были все солдатушки во готовности,
У них ружья были чисты и кремни востры,
Палаши были припущены, штыки примкнуты.
Что завтра вам, солдатам, во поход идтить,
Во поход идтить солдатушкам в землю прусскую.
Что на Вислу наша армия собиралася,
Через Вислу да по дивизиям переправлялась.
Переправившись, наша армия во поход пошла,
Недалече отошедши, становилася.
Они лагеря разбивали в зеленых лугах,
Оне ждали-ожидали нова корпуса,
Не дождавши нова корпуса, во поход пошла.
Чернышев шел с кавалериею чрез Саксонию,
Князь Краснощекой с казаками шел Померанией,
Граф Фермор со пехотою шел землею польскою.
Не дошед они до Кистрина, становилися,
Они лагеря разбивали в зеленом бору.
Что со вечера гранодерам приказ отдан был,
Чтобы были гранодеры во готовности,
У них ружья были чисты и кремни востры,
Палаши были припущены, штыки примкнуты,
Что завтра вам, гранодерам, во поход идтить.
Со полуночи гранодеры под Кистрин пошли,
Они пушечки, мортиры на себе везли,
Канонеры с бомбандирами фитили несли.
Не дошед они до Кистрина, становилися,
Они шанцы-батареи испоставили,
Они пушечки-мортиры изнаставили,
Они ждали-ожидали графа Фёрмора.
Не дошедши, граф Фермор, он рукой махнул:
«Помози, боже, гранодерам с канонерами».

Они с третьего каркасу и Кистрин-город зажгли.
Что растужатся кистринские обыватели:
«Еще бог судить королю земли прусские —
Разорил ты наши квартиры обывательские».

6

Разгром нового корпуса

Травынька-муравынька, кавылочек!
Не одной-то тебе, травыньке,
В поле тошно:
И нам, солдатушкам, жить несладко!
Мы стояли во прусской земле,
На границе,
Под Кистрином-городочком, три годочка:
Нам ни весточки, ни грамотки с Руси нету;
На четвертым годочку весточка пала,
И за весточкой указы присылали,
Как у нас, братцы, на святой Руси
Нездорово:
Смутился-помешался весь тихой Дон.
Случилась батальица генеральна
На славным чистым поле Лебедяне.
Поступает прущою король очень крепко,
Разбивает наш молодецкой новой корпус
И со правого фланга да на левой.
Генералушки-бригадеришки испугались,
А полковники со майорами разбежались,
Из пушечек палили всё сержанты,
Свинец-порох развозили маркитанты.

7

Царица узнает о гибели нового корпуса

Ах да невесела наша государыня пребывала,
Она кручинное черное платьице надевала,
Она по белым палатушкам ходила-гуляла,
Младого своего князя она пробуждала:
«Ты вставай проснись, великий князь, пробудись.
Вечор ко мне курьерушки прибежали,
Нерадостные грамотки они подавали,
Что побил, порубил король прусской новый корпус.
Ах да мне жаль-то, жаль, государыне, новый корпус,
А жалчей-то, государыне, трех генералов.
Что как первого генералушку — Чернышёва,
А другого генералушку — Познышёва,
А третьего генералушку — Салтыкова!»

8

Чернышев в плену

Ты звезда, звезда восточная,
Высоко звезда восходила,
Выше светлого месяца,
По заявью красна солнышка.
Во земле было во прусския,
Во Кистрине, славном городе,
За Кистринскими воротами,
Во саду было во вишенье,

Во зеленом виноградъице,
Тут стояла светла свѣтлица,
Заключѣвна заключевница,
Со косящатым окошечком,
Со стекольчатой околѣнкой,
Со железной со решеточкой.
Что у этой светлой свѣтлицы,
Заключевой заключевницы,
Были двери всѣ железные,
Ободверины укладные,
А пробойцы-то булатные,
А замок был в полтора пуда,
Полтора пуда с четвертью.
Как во этой светлой свѣтлице,
Заключевой заключевнице,
Тут сидел да посидельщикек.
Он по свѣтлице погуливает,
Золоту трубку раскуривает,
Запеваает свою песенку,
Свою песенку любимую,
Свою песенку служивую:
«Ты талан ли мой, талан лихой,
Злая участь, горе горькое!
На роду мне господь писал
Одному горе измыкати».
Мимо этот сад и вишенье
Случилосѣ идти-ехати
Самому королю прусскому,
Королевскому величеству.
Как завидел посидельщикек
Из косящата окошечка
Во стекольчату околѣнку:
«Ах ты гой еси, прусскѣй король,
Королевское величество!

Ты умел меня в полон поймать,
Ты умел меня в тюрьму садить —
Прикажи меня поить, кормить,
Не прикажешь поить, кормить —
Прикажи меня на Русь пустить,
Не прикажешь ли на Русь пустить —
Прикажи меня скорей сказнить».
Остоялся сам прусско́й король,
Королевское величество:
«Ах ты гой еси, российский граф
Чернышев Захар Григорьевич!
Уж ты будешь ли по мне служить,
Коли будешь ты по мне служить,
Прикажу тебя поить, кормить,
Прикажу дать двойно́ жалованье».
Закричал тут российский граф
Чернышев Захар Григорьевич:
«Ах ты гой еси, прусско́й король,
Королевское величество!
Кабы был я на своей воле,
Я бы рад был тебе служить
На твоей бы буйной го́лове,
На твоей бы шее белыя».
Как спрогóворит прусско́й король,
Королевское величество:
«Посиди-ка ты во той тюрьме —
Наберешься ума-разума».
Закричал тут посидельщик
Чернышев Захар Григорьевич:
«Напишу я свою грамотку
Не пером, не чернилами,
А своими горячьми слезьми
Превеликой государыне.
Еще не́што наша матушка

Превелика государыня
На подмогу бы силы прибавила,
Артиллерии бы к нам подкатила!»
Еще прусской король
Не доехал до своего дворца —
Уж и пушечки запукали
Во славной Кистрин-город.
Обездолился прусской король,
Королевское величество,
Выпускал же он посидельщика,
Отвозил к царю белому,
Превеликой государыне,
Он просил замиреньица:
«Превелика государыня!
Помирися со мной, прусским королем!»
Говорит тут посидельщикек
Чернышев Захар Григорьевич:
«Превелика государыня!
Не мирися с прусским королем.
Мы возьмем его Кистрин-город,
Разобьем кистрински крепости».

9

Смерть Лопухина

Не пыль во поле пылит,
Не дубровушка шумит,
Король с армией валит.
При долине на лугу
Лопухин гулял в полку,
Курил трубку табаку.

Он не для того курил,
Чтобы пьяному быть;
Он для того курил,
Чтоб смелее подступить,
Таки речи говорит:
«Починайте-ка, робята,
Вы со правого крыла!»
Наши зачали палить —
Только сажика валит.
Они билися-рубилися
Четырнадцать часов.
На пятнадцатом часу
Стали силу разбирать.
Лопухин лежит убит,
Сам во грамотку глядит,
Таки речи говорит:
«Князь Потемкин-генерал
Всёе силу растерял,
Коё пропилил, промотал,
Коё в карты проиграл.
А котора оставалась,
И то по груди в руде;
А котора на горе,
По колена во траве;
А котора под горой,
Завалёна вся землей».
Караулы крепки,
Перемены редки,
Морозы студёны,
Камзолы зелёны.

10

Казачи Краснощекова снимают пруссские караулы

Что не пыль в поле пылит,
Пруцка армия валит.
Никуда конца не видно,
Пруцкой силы сметы нет.
Наперед идет Вензер
На своем храбром коне.
Как поближе подходил,
Генералам пригрозил:
«Уж я ли вас, генералушки,
В ногах всех потопчу,
В ногах всех потопчу,
В каменну Москву взойду».
Как и генералы говорили
На ответ слово ему:
«Не бывать тебе, злодею,
В каменной славной Москве,
Не видать тебе, собаке,
Золотых славных гербов».
Как начал Вензер палить —
Только дым столбом валит;
Каково есть красно солнышко,
Не видно во дыму.
Что не ясён сокол летал,
Краснощеков разъезжал.
Он и ездил по горе
На своем добром коне,
Он приехал, прискакал
Ко донским казакам,

Им словечко он сказал:
«Уж вы братцы, молодцы,
Вы донские казаки!
Вы без мерушки пейте,
Пейте зелена вина,
Вы без счета берите,
Берите государевой казны,
Только скрадите у Вензера
Его крепкий караул».
— «Не велика это страсть,
Караулы его красть».
Они ноченьку не спали,
Караулы Вензеровы скрали.

11

Краснощеков в гостях у прусского короля

Краснощеков у прутского (короля) загулял,
В белых каменных палатах побывал.
Они пили там, гуляли, прохлаждались,
За дубовым столом, за скатертью шелковой,
Они сами собой выхвалялись.
Как возговорил король Федор Федорович:
«Я всех в Москве знаю и князей, и бояр,
И всех сотников, всех полковников,
Одного только не знаю я донского казака,
Донского казака — Краснощекова сына.
Если б я его узнал, я б голову ему снял».
Краснощеков догадался, из палатей убирался,
Он вскричал-взгичал своим громким голосом:
«Уж вы слуги мои, слуги, вы донские казаки!

Вы пойдите приведите моего верного коня,
Моего верного коня, сизокрылого орла.
Краснощеков на-конь сел, песню королю отпел:
«Ты ворона, ты ворона, загуменная карга!
Не умела ты, ворона, ясна сокола ловить,
В руках его держать, сизы перышки щипать».

12

Краснощеков утешает своих казаков

Как из-за маленького-то лесочку
Чуть наносило, братцы, голосок,
Как не звериный голос, слышно, человеческий,
Человека-то, слышно, не простого,
Казака-то, слышно, да донского,
По прозванью казак да Краснощек.
Он по армии, казак, разъезжает,
Свою младость, казак, да украшает,
Молодых солдат, казак, увеселяет,
Молодых солдат, казак, увещевает:
«Не плачьте, не тужите,
Ай вы новобранцы!
Вам не пашенка, солдаты, вам пахать будет,
Вам не сenuшко, солдатушки, косить,
Будет к одним оружицам, солдатушки, привыкать».
— «Уж как, сударь, нам не плакать,
Наши дома-то отсюда удалились,
Отцы, матери, сударь, устарели,
Родны братьица поженились,
Родны сестрицы-то взамуж вышли,
Молоды жены-то овдовели,
Малы детушки да осиротеют».

13

Возвращение Краснощекова

Как по питерской было по дороженьке,
По московскою по широкою,
Тут шли-прошли солдаты.
Веселы полки, очень радостны,
А один-то полк не весёл идет,
Не весёл и не радошен:
Добрых коней в поводу ведут,
Краснощекова на руках несут.
Увидала его родна матушка:
«Ох ты дитяtko мое милое!
Ты зачем больно пьян напиваешься?»
— «Государыня моя родна матушка!
Я не сам-то пьян напиваюся,
Напил-то меня супостат прусскóй король
Тремя пойлами, тремя разными:
Первое пойлице — сабля острая,
Другое пойлице — ружье огненно,
Третье пойлице — каленá стрела».

14

Казачи возвращаются с похода

Прошли казачушки с моря Черного,
Со Черного со моря, со Каспицкого,
Со того ли со батальица со турецкого.
Утомленных своих коней в поводах ведут,
А кровавое цветно платице в тороках везут.

А булатными тупейцами подпираются.
Случилось идти мимо городу,
Мимо городу мимо Питеру,
Увидела милосердная государыня,
Призывает она молоденького полковничка:
«Ох ты гой еси, молоденький-млад
полковничек!

Молодѣхонек ты упиваешься!
Ты не отдал чести городу Питеру;
Не чаял ты в городе государыни?»
— «Ох ты гой еси, наша матушка
Белосветная государыня!
Напоил-то нас прутско́й король
Тремя пойлами, тремя розными:
Перво пойлицо — свинцом, порохом,
Друго пойлицо — саблями острыми,
Третье пойлицо — копьями острыми.»

15

Осада Берлина

Что победы наши головушки солдатские,
На горе наши головушки породилися,
Отцу, матери на жалобу на великую,
Молодым женам на слезы на горячие.
Что со вечера солдатушки думу думали,
Со полуночи солдатушки ружья чистили,
На белом-то свету солдатушки причащались,
На восходе красного солнышка на приступ пошли,
На приступ пошли солдатушки под Берлин-город.
Вочью кровью их ретиво сердце обливается,

Покатились из ясных очей горячи слезы —
Они билися, дралися день до вечера.
Что со вечера дрались, бились до полуночи,
Со полуночи дрались, бились до бела свету.
Не спасибо генералу Чернышевскому,
Не пиваючи, не едаючи, морит силу.
Поморил-то нашу силу государеву.
Не с крутых-то гор каменье покатилося,
Покатилися головушки солдатские,
Что солдатские головушки, молодецкие.

16

Взят Берлин

Что не белая береза к земле клонится,
Не шелковая во поле травушка застилается —
Расстилалась, сувивалася полынь-травушка,
Что горька-горька полынь-травушка,
Горчей в поле нет,
Что тяжка-тяжка служба царская,
Тягчей в свете нет.
Собирался наш прущкой король
С своей армией на круту гору,
Становился наш прущкой король под дубровую,
Под дубровую зеленою под высокою,
Он глядел-смотрел в свою сторону:
«Сторона ль ты моя, сторонушка Берлин-город,
Ты укрепа ль моя, укрепушка,
Ты укрепа моя крепкая!
Ты кому ж, моя укрепушка, достанешься?
Доставалась моя укрепушка царю белому,
Царю белому, енаралу Краснощекому».

Краснощекой-енарал он догадлив был,
Он ходил-гулял с купцом по торгу,
Закупал наш енаралушка сорок семь пушек,
Разбивал наш енарал стены каменны,
Через речку через быстрюю мосты вымостил,
Молодую королеву во полон брали.

17

Жалобы Екатерины II

Мимо рощи шла одиныхонька,
Одиныхонька, молодехонька,
Никого в роще не боялася,
Я ни вора, ни разбойничка,
Ни сера волка — зверя лютого.
Я боялася друга милого,
Своего мужа законного.
Что гуляет мой сердечный друг
В зеленом саду, в полусадничке,
Ни с князьми, мой друг, ни с боярами,
Ни с дворцовыми генералами,
Что гуляет мой сердечный друг
Со любимой своей фрейлиной
С Лизаветою Воронцовою.
Он и водит за праву руку,
Они думают крепку думушку,
Крепку думушку заединае.
Что не так у них дума сделалась,
Что хотят они меня срубить-сгубить,
Что на мне хотят жениться.

18

Румянцев ведет войско против турок

Возговорил наш-то батюшко Румянцев-генерал:
«Уж и чем-то нам, ребята, гостей потчевать?
Как у нашего царя припасено, собрано,
Пиво пьяно сварено и зеленое вино.
На закуску, на прикуску — всё сухие сухари.
Они в Туле напечены, в Москве высушены».
Наши начали палить, с турок головы валить,
А турецкие головки, ровно шапочки, летят.

19

Румянцев и Мурхан-паша

Как во среду славный праздничек,
Турки пьяны напивались,
Меж собою похвалялись.
Закричал-зазычал Мурхан-паша:
«Мы Рассею всю наскрозь пройдем,
Мы Румянцева во полон возьмем!»
Возговорил Румянцев-князь:
«Вы не бойтесь, ребятушки,
Мои храбрые казаченьки,
Мы всех турок перебьем,
А Мурхана с янычарами во полон возьмем».

Казачи снимают турецкие караулы

Еще кто у нас, робята, в каменной Москве бывал,
В каменной Москве бывал, про визиря кто слышал,
Про того ли про визиря, про турецкую войну?
Мы под городом стояли, много горя принимали,
Много горя принимали, стену каменную пробивали.
Мы стенок не проббили, только турка рассердили.
Турки из пушек запалили, наших дымом завалили:
Каково есть красно солнце — не видать его в дыму.
Князь Румянцев-генерал свою силу утверждал,
А Суворов подсказал ко донским казакам:
«Ой вы братцы молодцы, вы донские казаки,
Вы донские, гребенские, запорожские молодцы!
Сослужите такую службу, какую я вам велю,
Какую я вам велю и какую прикажу:
Вы пейте-ка без меры зеленое вино,
Берите без расчета государевой казны,—
Не можно ли, робята, караулы турецки снять?»
— «Не велика, сударь, страсть караулы турецки
скрасть».

Тихо ночью подъезжали, караулы турецки скрали.
Закидался-забросался сам турецкий визирь,
Черзень-реку перешел, во постелюшку слег:
«Не чаял своей силушки в погибели бывать,
А топеря моя силушка побитая лежит,
Вся побитая лежит, вся порубленная.
Побили, порубили все донские казаки,
Донские, гребенские, запорожцы молодцы».

21

Татарские мурзы узнают о победах русских

Что не белы то снежки
Во поле забелелися,
Забелелися белы шатрики
Во дикой степи, во густой траве.
Как один-то из них побелее всех,
На отшибе стоит во полугоре.
К тому шатру соезжались
Все мурзы крымские.
Вдруг поодаль их приезжает к шатру
Расланбей-мурза.
Он слезал с коня,
Ни к чему-то его не привязывал
И никому его не приказывал.
Входил он в большой шатер,
Всех-то князей и бояр прездравствовал:
«Я привез вам, Еразлай-бей-мурза, весточку,
Нерадостную нам:
Очаков-город атакован
Царем белым».

22

Воронцов и казаки

Из гор из высоких,
Не черные они тучи
Из гор подымались;

Не грозные ли громы
Они из туч они приударили,
Что не князь Воронцов по
своей армеюшке

Да он разъезжает,
Он своих-то, своих казаченьков,
Князь Воронцов, увещевает:
«Кзаки ли вы мои, казаченьки,
Кзаки вы, слуги верные!
Послужите вы, мои казаченьки,
Послужите царю белому,
Царю белому Петру Первому.
Вы поймите вы пашу того,
Пашу турецкого,
Вы свяжите ему руки белые,
Вы закуйте ему ноги резвые,
Приведите его к царю белому,
К царю белому Петру Первому».

23

Русская армия под Бендерами

Как у нас было за городом за Вендэрой,
Не две тученьки не две грозные они
выкатались —
Выкаталася сила-армия во чистое поле,
Во чистое поле, в широкое раздолье.
Выходил тут сам-ат батюшко граф Суворов,
Камышевой своей тросточкой он комендует:

«Становитесь вы, солдатушки, по правому
фланку,
Вы берите, ребята, и не робейте,
Своих белых рук не жалейте».

24

Взятие Измаила

Ночи темны, тучи грозны
По поднебесью плывут,
Наши стройные казаки
Под Измаил-город идут.
Идут, идут казаченьки
Своим тихим маршем,
Идут, идут, маршируют,
Меж собою говорят:
«Трудна служба нам, казакам,—
Под Измаил-город поход,
Да еще того раструднее
Под пушечки подбежать.
Под пушечки подбежали,
Закричали враз «ура».
Ура, ура, город взяли,
Потрясли мы стены, вал».

25

Каменский за Дунаем

За славной то было за речушкой быстрым Дунаем,
Собиралась там наша армеюшка.
Повелитель у ней был сам Каменский-граф.
У турецкой было армеюшки — паши-мурзы.
Пишет паша-мурза ко графу Каменскому:
«Прошу тебя, Каменский-граф, не прогневаться.
Ты зачем зашел-завел армию российскую?
Я солдат-драгун повырублю,
А донских-то казаков во полон возьму,
Со донскими казаками я служить пойду!»
А Каменский-то граф во ответ ему:
«Врешь ты, паша-мурза, облыгаешься,
Небылыми речьями забавляешься.
Не поймавши гуся серого, ты щипать стал;
Я твою-то братию повырублю,
А с тебя-то кожу сниму, соломою набью!»

26

Зоргин на поле боя

Не черным-то зачернелось,
Зачернелось турецкое чисто поле;
Не плугами поле, не сохами пораспахано,
А распахано поле конскими копытами;
Засеяно поле не всхожими семенами,
Засеяно казачьими головами,

Заволочено поле казачьими черными кудрями.
Как не доехавши поля, Зоргин-генералушка
Становился над казачьими головушками,
Становившись, он прослезился:
«Понапрасну эти буйные головушки пропадают,
Без верного-то служителя с Дону государева,
Без Ивана сына Матвеева Краснощекова!»

27

Взятие Хотина

Как мы Польшею идем,
Сами песенки поем.
Идем брать Хотин,
Промеж собой говорим:
«Ах ты славной наш Хотин,
Мы стоять в тебе хотим».
Становились во садах,
Во зеленых лугах.
Ровно месяц мы стояли,
Всё приказу ожидали.
Прозоровский-генерал
По корпусу разъезжал,
По корпусу разъезжал,
Всё приказы отдавал:
«Ах вы егари-стрельцы,
Гарнадеры-молодцы,
Гарнадеры-молодцы,
Бонбандиры-удальцы,
Вы стреляйте, не робейте,
Пуль-пороху не жалеите».

Только начали стрелять —
Турки прочь от нас бежать.
Бонбандиры осерчали
И мортиры заряжали,
Мортиры заряжали,
В шанцы бонбы бросали.
В шанцах бонбы разрывало —
Много турок погибало.
Мы до шанцев не дошли,
На штыках прямо пошли,
На штыках прямо пошли,
Во Хотин-город вошли.
Пришла в Хотин Москва,
А турок взяла тоска.
Не узнали турки мост,
Разбежались все (врозь).
Прозоровский-генерал,
Он в погоню догонял:
«Казачи-молодцы,
Вы гусары-удальцы,
Коли турок и руби,
В полон живых не бери!»
Караман-паша бежал,
Он в Бендеры поспешал,
В Бендеры поспешал,
Всем визирам объявлял:
«У нас силы было много,
Осталось очень мало,
Российской силы мало,
Но в поступочках удала:
Где один солдат бежит,
Тут пять-шесть турок лежит,
А где корпус-от бежал,
Тут и мост турок лежал».

28

Спиридов и матросы

Не цветами сине море покрывалось,
Не лазоревыми Средиземное украшалось,
Расцветало сине море кораблями,
Белыми полотняными парусами,
Разными российскими флагами.
Не ясен сокол по поднебесью летает,
Скиридов-генерал по кораблику гуляет,
Он российских матрозов утешает,
Утешает их, забавляет:
«Не тужите вы, дети, по своей отчизне,
Не вовсе мы на синем море погибнем,
Воротимся мы в Русь с победой,
Увидимся с отцами-матерями,
Со братьями и сестрами,
Со молодыми своими женами,
Со милыми детьми со родными».
Матрозы печаль забывают
И с радости еще пробыть там желают.

ПЕСНИ ОБ ОСАДЕ И ВЗЯТИИ ОЧАКОВА

1

Ох и что же вы, ребятушки, не пьете, не едите?
Вы не пьете, не едите и невесело сидите?
Ох и кто же бы нам, ребятушки,
Беседу взвеселил,

Всю беседу взвеселил, про походы рассказал,
Про походы рассказал, про очакоску пальбу?
Под Очаковым стояли — много нужды принимали,
Много нужды принимали, свинцу-пороху теряли,
Свинцу-пороху теряли — белы стены пробивали.
Белых стенок не пробили — только турок раздразили.
Князь Потемкин на горе, на своем добром коне,
На горе-то он стоит, гарнадерам говорит,
Канонерам он да повторяет —
Скорей пушки, ох, да заряжают:
«Ой вы егари-стрельцы, гарнадеры-молодцы,
Вы стреляйте, ох да не робейте,
Свинцу-пороху, ох да не жалейте,
Я велю вам подкрепить —
Велю с пушек залпом бить».
Ох не грозная ли туча синим облаком тумит,
Не турецкая-то армия к нам навстречу ведь бежит.

2

Перезяб-то я, передрог, добрый молодец,
В коротенькой одеже, в полушубочке,
Во сафьянных во сапожках, во портяночках,
Стоючи, братцы, под стеной белокаменной,
Гляючи, братцы, на город на Очаковский.
Как во славном во городе во Очакове
Крепко заперты вороточки, запечатаны,
Караульные солдатушки очень крепко спят,
Очень крепко спят, не проснутся,
К сраженьицу служивые не готовятся.
Ах вы братцы мои, вы товарищи,
Мы сразимся все по-российскому!

Как со поломя очи наши стали красные,
А на личиках служивые стали черные,
Со прикусочки уста наши прихватились,
С больших маршов резвы ноженьки спотыкалися!

3

Мы в лагерях стояли,
Всё дни красны провожали;
На учење мы ходили,
Ружью строго нас учили:
Скоро ружья заряжать
И плутонками стрелять.
Мы собой не дорожили,
Командиры нас хвалили,
Мы недолго там стояли,
Нам в поход идти сказали.
И дорогой не одной
Проходили мы деревни,
Многочастые селенья,
Перешли мы реку Буг,
Нам сказали славный слух:
Запорожцы к нам склонились,
На мелки суда садились.
К нам еще полки пришли
И в поход вместе пошли.
Горы, холмы проходили,
В степях лагерь становили,
Мы пришли к славну лиману,
К устью речки Березани.
Там мы лагерь становили,
Весь Очаков окружили.

Три недели мы стояли,
С флота пушки выгружали.
Мы там время не ронили,
Ближе к граду подходили...
Когда утрення заря —
У нас пушечна пальба,
В дыму головы нам ломит,
Стужа сердце переломит.
На покрытый льдом лиман
Флотом взята Березань.
С флота в город вобрались,
С нами турки не дрались.
Мы на том лишь утвердились,
На Очаков устремились.
День и ночь мы в шанцах были,
Осторожно всегда жили,
И палаток не снимали,
Зиму в лето поверстали,
Батарей оправляли,
С нами егеря стояли,
Нас в колонны становили,
Смело в шанцы заводили,
Кирки мы, лопатки подбিরали,
Свои шанцы прорывали,
Мелки пушки там выправляли,
И лестницы подымали,
И фашинник зажигали,
Страшны мины обходили,
Палисадники рубили...
Страшны мины мы взрывали,
Прах на воздух поднимали.
Ярославцы в крепость тут вскочили.

4

Как под славным под городом под Очаковом
Собиралась силушка-армия царя белого.
Они лагеря занимали в чистое поле,
А палатки разбирались по лиманту.
Они пушечки-манерочки становили,
Они шанцы-батареи покопали,
Предводителя графа Потемкина обжидали.
Предводитель граф Потемкин приказ отдал:
«Уж вы млады егори, надевайте бело вы платье,
Уж у нас завтра на праздник на Миколу
С турками штурм будет!»
Становились мы при мхах, при болотах,
Много голоду и холоду принимали,
Под Очаков-городочек подходили,
Белокаменные стены пробивали,
Барабанщики на белокаменну стену влезали,
Влезали и отбой отбивали,
Что Очаков-город взяли, взяли,
Закричали: «Ура! Ура!»
Ключи нам на золотом блюде выносили,
Нам от всех врат ключи выносили.
Слава, слава! Весь турецкий город взяли,
Что все турки под нашу властью стали,
Что Очаков-город взяли!

Земля турецкая

Не сизы орлы,
Ой да они только ко фельдма... маршалу,
Ко фельдмаршалу,
Ой да орлы к нему солеталися,
Солеталися.
Ой да генералушки,
Ай да они только ко фельдма... маршалу,
Ко фельдмаршалу,
Ай да князья к нему соезжались,
Соезжались.
Они думушку ду... думали,
Ее, думушку,
Ай да думали ее гадали,
Ай да гадали.
Ай турецкаю,
Ай да вот эту ее, земелюшку,
Да земелюшку,
Ай да они межевали,
Межевали.
А и пережежемши,
Ай да вот эту ее, земелюшку,
Ой да они ее не хвалили,
Ой не хвалили:
«Нехорошая
Ай да вот эта земелюшка,
От земелюшка,
Ай да вот земля она турецкая,
Да турецкая.
Первела
Ай да вот эта она, земелюшка,
Да земелюшка,

Ай да она лучшие наши головушки,
Да головушки.
Первела,
Ай да она лучшие наши казачие,
Да казачие.
Первела,
Ай да вот эта она, земелюшка,
Вот земелюшка,
Ай да она больше того солдатские,
Да солдатские».

Возвращение Суворова

Как на желтых песках на рассыпчатых
Тут строилась церковь славная,
Церковь славная, семиглавная,
На семой главе — крест серебряный,
Крест серебряный, весь повызлачен.
На кресте сидит мала пташечка,
Мала пташечка — млад ясен сокол.
Высоко сидел сокол, далеко глядел,
Далеко глядел в степь саратовску,
В степь саратовску, в землю шведскую,
В землю шведскую, в землю Турецкую.
По степе идут два полка казак.
Что первой-от полк весьма не радощен,
А второй-от полк весьма радощен —
В барабаны бьют, во трубы трубят,
Золотые знамена во чехлах несут.
Впереди-то идет сам Суворов-князь,
Идет-то, идет, сам шатается,

Со всея ли-то людьми распрощается,
На все стороны поклоняется.
Шли они мимо городу мимо Питеру,
Что помимо стенишки белокаменной,
Увидала-то его родима матушка
Из того ли из нова терема,
Из косящата его окошечка,
Сквозь немецкое его стеклышко.
«Ты дитя ли мое, чадо милое,
Ты почто так крепко упиваешься,
С зелена вина забываешься?»
— «Ты молчи, моя родимая матушка!
Ничего ты не знаешь, не ведаешь.
Что не сам-то я напиваюся —
Напоил меня злой прущкой король,
Напоил меня он свинцом, порохом,
Опохмелел он из медной пушечки».
Что Суворова ли князя на руках несут,
Добра коня в поводу везут,
Самоцветно платьице в тороках везут,
Понесли его тело на круту гору,
Положили его тело между трех дорог.

Румянцев и красная девица

Мы вечер в торгу торговали,
Свинцу, пороху закупами,
Медны пушечки заряжали,
В каменну стенишку стреляли,
Короля в глаза не видали.
Красну девицу в полон взяли.

Ко Румянцову подводили.
Граф Румянцов дивовался,
Красоте ее любовался:
Хороша девушка, румяна,
По-немецкому избрана —
На ней шубеечка голубая,
Душегреечка парчевая,
В косе ленточка золотая.
«Ты позволь с нами говорить,
Про мою силушку спросити,
Про свою армию сказати.
Ты поди, поди в России замуж
За любимого моего сына
За Ивановича Ивана,
За российского инарала».
— «Не хочу с вами говорить,
Я нейду, нейду в России замуж
За любимого твоего сына
За Ивана Ивановича,
За российского инарала».
Граф Румянцов рассердился,
Он без милости распалился,
Востру сабельку вынимает,
Красну девушку он страшает.
Красна девушка испужалась,
За Румянцовым погонялась:
«Уж ты батюшка граф Румянцов!
Ты позволь со мной говорить,
Про мою армию спросити,
Про свою силушку сказати.
Я иду, иду в Россию замуж
За любимого твоего сына,
За Ивановича Ивана,
За российского инарала».

Мы со вечера спать ложились,
Поутру мы рано вставали,
Ключевой водой умывались,
Шелковым платком утирались.
Начала девица писати,
Королю письмо отсылати:
«Приезжал ты, король, на свадьбу
Ко любимому своему сыну
Ко Ивановичу Ивану».

Шведский король требует возвращения городов

Ой да пищё, пищё-то, пищё король шведские,
Да государыне пищё самой:
«Ой да милосердная наша государыня!
Ну да замирился-ко мы с тобой.
Ой да ты отдай-ко мои города ты,
Которые прежде ты нам побрала:
Ой отдай Ригу ту, Ригу отдай, отдай Ревель,
Отдай Нарву ту крепкий городок.
Аль да распиши ты нам ли палатушки
В каменной Москвы постоять,
Ой да нашей конницы, нашим драгунам
В пирской в славной-то стоять улице,
Ой да нашим графам, графам офицерам,
Ино да по купеческим стоять по домам.
Ой да самому-то королю шведскому,
Ему в славном городе стоять в Кремле,
Ему в шелементёвом стоять во дому».
Ой да милосердная наша государынька
Убоялася она того,

Ой да ее скорые резвые ноженки
Подломилися стоячись,
Ой да белотельные царские рученки
Опустились они о бока.
Ой да как по правую царскую рученку
Стоит Румянцов-от енерал,
Ой да как по левую царскую рученку
Стоит Потемкин-от енерал.
Ой да как возговорит ли-то, промолвит
Ну да наш Румянцов-от енерал:
«Ой да милосердная наша государыня!
Да не убойся-ко ничего.
Ой да не бывать-то вору ему собаке
Ну да в каменной во славной Москвы.
Ой да не стоять-то вору собаке
Ну да по купеческим славным домам.
Ой да уж мы встретим короля шведского
Среди моря во губы.
Ой да в славной в ревельской было во губы
Стоит тридцать-то кораблей,
Ой да стоит тридцать у нас три кораблика,
Всё стопушечные.
Ой да мы столики ему поставим —
Черные ох мы корабли,
Ой да мы скатертки ему постелим —
Тонкие белые паруса,
Ой да уж мы кушанья ему составим —
Черные ох мы пушечки,
Ой да уж мы черны пушечки поставим,
Чугунные ох мы ядрышка,
Ой да мы силушку прибьем, прирубим,
Короля-то мы в полон возьмем».

ПЕСНИ О ПУГАЧЕВЕ

1

В тем сударыня простила,
Жить по-старому пустила.
Полтора года страдали,
Всё царя себе искали.
Нашли себе царя —
Донского казака
Емельяна Пугача
Сын Ивановича.
Он со силой собрался,
Под Гурьев поднялся.
Стрельба была несносна,
Стоять было невозможно.
Он видит, что не взять,—
Воротился взад.
С большой силой собрался,
Под Яик поднялся.
Под Яик подходил,
Батальицу сочинил.
Они зачали палить,
Силу-армию валить.
Из Яика-городка
Протекла кровью река,
Круты горы закачались,
Сыра земля затряслась,
Сыра земля затряслась,
Мелка рыба вниз пошла,
Мелка пташка со гнезда.

Мелка пташка со гнезда
Укрепила Пугача
Сын Ивановича.

2

О х ты батюшка Ленбурх-город!
Про тебя, Ленбурх, идет славушка,
Слава добрая, наречье хорошее,
Будто ты, Ленбурх, на красе стоишь,
На крутой горе,
На крутой горе, на желтым песке,
На желтым песке рассыпчатым,
На трех речушках да на устьицах:
Да первая речушка течет Самарушка,
Другая речушка — Яик-река,
Третья речушка — Урал-река.
По Урале-реке живут казаченьки,
По Яик-реке калмыченки,
По Самарушке живут татарушки.
По Уралу гулял генерал Пугач.
Как во матушке было во каменной Москве,
Молодой-то солдат на часах стоит,
На часах стоит, себе речи говорит:
«Не дают-то мне, доброму молодцу, волюшки
во Ленбурх сходить,
Во Ленбурх сходить, Пугача убить».

Граф и Панин испужался, руками сшибался:
«Вы берите, слуги верны, вора Пугачева,
Поведите, повезите в Нижний городочек,
В Нижнем объявите, в Москве покажите».
Все московски сенатóры не могут судити.

5

Как во славном городе Астрахане
Появился добрый молодец,
Добрый молодец Емельян Пугач.
Обряженный он в кафтанчик сто рублей,
Шеферочек на нем в пятьдесят рублей,
Шапочку набекрень держит,
Во правой ли руке тросточка серебряная,
На тросточке ленточка букетовая.
Хорошо он по городу погуливает,
А тросточкой упирается,
Ленточкой похваляется,
Со князьями, со боярами не кланяется,
К астраханскому губернатору и под лад не идет.
Астраханский губернатор призадумался.
Он увидел его из хрустального стекла,
Посылает за ним слуг верных
Допросить его словесным допросом.
Нагоняли его слуги верные,
Допрашивали его словесным допросом:
«Какого ты рода-племени?
Царь ли ты, или царский сын?»
— «Я не царь и не царский сынок,
А родом — Емеля Пугач.
Много я вешал господ и князей,
По Рассеи вешал я неправедных людей».

Оплошность казаков Агуреева

На Линии было, на Линеюшке,
На славной было на сторонушке,
Там построилась новая редуточка.
Во этой во редуточке стояла командушка,
Команда казацкая,
Во той во командушке
Приказным был Агуреев сын.
За неделюшку у Агуреева сердце не чуяло,
За другую стало сказывать,
Как за третью за неделюшку вещевать стало.
Наехали гости незваные, непрошенные,
Стали бить и палить во редуточку
И повыбили всю командушку казацкую.
Агуреев сын ходит-похаживает,
Свои белые ручушки поламливает,
Буйной головушкой покачивает:
«Вы сами, ребятушки, худо сделали —
Не поставили караула, сами спать легли!
Не бывать нам, ребятушки, на тихом Дону,
Не видеть нам, ребятушки, своих жен, детей.
Не слышать нам, ребятушки, звону колокольного».

Иван Краснощеков — млад ОХОТНИЧЕК

Между Кум-реки между Тереком,
Между тех-то было трех Кумских отноженок,
Там ходил-гулял удал добрый молодец,
Млад донской казак, млад охотничек.

За плечами он носил пищаль-турку, всё винтовочку,
Долгомерную, семипядную, восьмибляшную,
Вместо целика врезан у винтовочки бральянт-камень,
У винтовочки насечка позлаченная,
У винтовочки подсошечек кизилковый,
На винтовочке как написано, напечатано —
Что Иван-то сударь Краснощеков сын.
Он шел-то не стежкой, не дорожкой,
Всё тропинкою звериною,
Навстречу ему мать сера ланья со ланьятами.
Как раскидывает он подсошечек кизилковый,
Он прикладывается, благословляется:
«Ты позволь, мать сера ланья, по тебе

стрелять,

По тебе стрелять, по твоим деточкам!»
— «Ты меня убьешь — не шубу сошьешь,
Ланят побьешь — не опушишь;
Ты пойдй, пойдй, млад донской казак,
Млад донской казак, млад охотничек,
В зелены луга в заповедные,
Там ходит турчин со турчаночкою,
Он ублажает молодую турчаночку,
Забавляет в звончатные гусельки.
Ты турчина убьешь,
А турчаночку замуж возьмешь».

Князь Богоматов и донской казак

Да за славною за рекою за Кумою,
Под крутыми под Бештовыми под горами
Стояла там белокаменная дугеня.
Во дугени сидит млад черкесской князь Богоматов,

Перед ним стоит млад донской казак невольничек.
Да не так ли невольничек слезно плачет,
Ретивым сердцем невольничек въздыхает,
Он про батюшку тихий Дон вспоминает.
Богоматов-князь невольничка утешает:
«Ты не плачь, не плачь, молодой донской невольничек!
Отпущу я тебя, невольничка, на тихий Дон,
Поклонися ты, невольничек, всему войску Донскому,
А еще поклонись войсковому атаманушке».

Атаман Сехин

Что не белая заря занималася,
Не красное солнышко выкаталось,
Выходила она, наша армеюшка,
Со боярами большими, князем Гудовичем,
Да со храбрыми казаченьками:
Со донскими, гребенскими, со семейными.
Наперед-то идет добрый молодец,
Гребенской-от казак, атаман большой,
Что не сам-от Сехин-атаманушка.
А за ним-то идет Варяжский-князь,
Со полками идет со армейскими.
Ты куда идешь, направляешься?
И куда же ты, Варяжский-князь,
Через речушку Кубанушку ты переправляешься?
Понаделал-то ты заставушек не махоньких,
Понастроил шанцев-батареюшек много-множество.
Вдруг погодушка с гор Казбецких
В среду поутру она подымалася,
Подымалася, соходилася рать большая, сила неверная.

То не злые турушки с атакуйцами,
С атакуйцами, бжедухами, темергоевцами.
Не хотели они пустить вот нашу армеюшку...
«Уж я сам, атаман Сехин, наперед пойду,
Возьму вырублю рать поганую,
Самого-то Мустафу-пашу во полон возьму.
Уж вы други мои вы казаченьки,
Вы на славные мои станичники!
Вы постойте-ка, братцы, животом своим
За царицу ли за матушку, за Гудовича за князюшку,
За родимую за сторонушку, что за буйные головушки.

Два невольничка

Воздалече, воздалече в чистом поле
Пролегала не дорога — тропа малая,
Шли по ней два невольничка молодые,
Увидали два невольничка густой камыш,
Они просили камыш-траву ночлег себе:
«Прими ты нас, камыш, гостями себе,
Дозволь ты нам суконные онучи просушить,
Ременные бахилочки тут провялоти».
Легли тут добрые молодцы в камыш-траву.
Со вечера камыш-травушка приутихла,
Со полуночи камыш-травушка зашумела,
На заре камыш-травушка речь возговорила:
«Уставайте вы, невольнички молодые,
За вами есть черкесская зла погоня,
Росланбек-мурза с узденями недалёко».
Встрепенулись добры молодцы, в ход пустились,
Перед балкою они камышиной очутились.

Дошли вниз по ней молодцы до трясины,
 Схоронились в ней молодцы со всем телом.
 Росланбек-злодей до балки той доезжает,
 Не нашедши их — за Кубань-реку завертает.

Князь Иловайский проиграл Дон

Никто-то про то не знает, да никто не ведает,
 Отчего же наш славный тихий Дон возмущается.
 Воскутился-возмутился славный тихий Дон от трех
 генералушек:
 Как от первого генералушки — от Гудовича,
 Как от второго генералушки — князя от Черкасского,
 Как от третьего генералушки — князя Иловайского.
 Как вечер-то ночью Иловайский-князь во игры играл,
 Он не в карты играл и не в наперсточки, а во бильярд
 катал,
 Прокатал-прогулял Иловайский-сын пару вороных
 коней со колясочкой,
 Еще пропил-прокатал Иловайский-сын всё жите-
 бытье, всё свое именице,
 Еще пропил-прогулял Иловайский-сын весь наш
 славный тихий Дон.
 Как пропивши-промотавши, сел на лавочку он,
 Потупил свои очи ясные и призадумался,
 Он, призадумавшись, стал указы фальшивые писать и
 по войску рассылать:
 Старых стариков во Кубань-реку бросать,
 А девушек на фабричный двор брать,
 А молодых ребят во солдаты брить.

Жалобы солдат на Павла I

Уж ты батюшка светёл месяц,
Что же ходишь понизёшеньку,
Что ж ты светишь помалёхоньку,
Не по-старому, не по-прежнему?
В новом городе во Спленскому
Стоят верей точеные,
Всё точеные, раскрашóные,
Сдли верей стоит молодой солдат,
Молодой солдат, полковой сержант,
Он не так стоит, слезно плачется,
Он не так плачет, что река льется:
«Подымитесь, ветры буйные,
Разнесите все желты пески,
Распахнися, шелковá парча,
Разломися, гробовá доска,
Подымися, наша матушка,
Милосердная государыня
Катерина Алексеевна!
Без тебя нам жить похужело,
Всему царству почежёлело
При твоем сыну любезному,
Что при Павлу при Петровичу:
Он загнал силу во туретчину,
Поморил смертью голодную,
Познобил зимой холодную».

Павел I набирает рекрутов

Наш батюшка славный царь
Павел-государь
Во своей славной Россеюшке
Разъезживает,
У солдатушек-ребятушек
Расспрашивает:
«Хорошо ли вам, ребята,
Во Россеюшке стоять
И с турком воевать?»
— «Ах наш батюшка белый царь,
Павел-государь!
Как турецкая земля
Много горя нам дала,
Много слез пролила».
— «Вы не плачьте-ка, ребята,
Не тоскуйте, молодцы,
Мы в Россеюшку пойдем,
Мы некрутиков <наберем>».
Отбирали молодцов
От матушек, отцов,
От матушек от родных,
От жен своих молодых,
От детушек милых.
Как охотников ведут,
Веселу песню поют,
За ним девушки идут,
Во платки слезы льют;
Женатых ведут —
За ним жены идут,
Горючи слезы льют,
Милых детушек несут.

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ
XIX ВЕКА**

ПЕСНИ О РУССКО-ПЕРСИДСКОЙ ВОЙНЕ

1

Коронация Александра I и персидский шах

Ай да вот как не буйненькие
Ой они были в поле ветрики-ветры они подыма...
подымались.
Ой да вот да не тепленькие они с моря воздуха
Ай с моря в поле расстила... расстиались.
Ой да вот и не зелененькая
Ой она стала, скажем, лес-дубровушка,
Дубровушка разверта... разверталася.
Ой да вот и ни лазоревыми ой вот поля она светочками
Поля она украша... поля украшалася.
Ай да вот и как на тех же ну было, ну было, скажем,
на светиках
Русский царь он карну... ой царь карнуется.

Ай да ой посылает же он то ли ай да посоличков,
 Ай да он по, по всем он по всем землям.
 Ай да ой изо всех-то земель
 Ай да короли, князья они соезжали... ай соезжались.
 Ай да как один-та из них только да шах персидский
 Один не пожа... ай не пожаловал.
 Ой да вот и приезжали к нему, к нашему, ему Алек-
 сандру-царю
 Они все князья... ай князья-бояры.
 Ой да вот и со такими да они ой они, скажем, со
 подарками,
 Подарками даргоце... с даргоценными.
 Ой да вот и они просят да его, нашего его Александр-
 царя,
 Его было всё на пир ай на пир погулять.

2

Князь Цицианов под Эриванью

Ой в восемьсот толичка было
 Да было сорок втором, сорок во втором, во втором
 году,
 Как под славным было, под славным городом было
 Под Рива... да под Риванью.
 Ой там стоял да стоял, стоял-то там Синция...
 Синциянов-князь.
 Ой не один он там стоял,
 Да стоял со своим отря... со своим отрядом.
 Ой не достало там в него да во князя Синциянова
 Солдатам да провья... ой да провьянту.

Ой вызывал-то бы он да и князь наш Синциянов
 Майора Ризо... да Ризорова:
 «Поезжай же ты, поезжай, да майор же ты Ризоров,
 За провья... за провьянтом.
 Ай ну возьми же с собой, ой да ты, Ризоров, возьми
 Солдат тре... солдат трезвых».
 — «Да не надо же мне вот мне, князь Синциянов,
 Солдат тре... солдат трезвых!
 Вы дозвоьте мне узять солдат горьких пья... горьких
 пьяницов.
 Я со пьяницами, Синциянов-князь, со пьяницами
 Дело сде... дело сделаю».

3

Гудович и персидский шах

На заре то было всё на зорюшке,
 На белой заре на утренней,
 На закате было месяца ясного,
 На восходе было солнца красного,
 Проявились у нас вести новые,
 Вести новые, грузинские.
 Растворялись горы крутые,
 Круты горы Кавказские,
 Засверкали пики вострые,
 Пики вострые казацкие.
 Как пошли войска российские
 На того шаха персидского.
 Напередидет Гудович-граф,
 Он грозит шаху персидскому:
 «Ты <— — —>, ты персидский шах!»

Ты почто отрезал голову
Славному князю Цинцианову?
На кого ты, <— — —>, понадеялся?»
— «Я понадеялся на Грузию, на грузинских князей,
Больше всего на Александрюшку
на царевича».

4

Казачи под Ленкоранью

На заре то было, на заре на утренней,
Да на утренней,
На восходе было, было солнца красного,
Солнца красного.
Не белой-то ли кречет, белой кречет он кричал,
Да кречет кричал,
Есаул-то ли Попов по сотням он гулял,
По сотням гулял.
Он гулял-то гулял, есаулушка, погуливал,
Да погуливал,
Молодых-то своих казаченьков побуживал,
Да побуживал:
«Вы вставайте поутру, вставайте раненько,
Да раненько,
Умывайтесь, казаченьки, вы беленько,
Да белехонько,
Утирайтесь полой правой да шинельною,
Вы казаченьки,
Да молитесь богу, молитесь на восход
Красна солнца».

5

Предчувствие грузинского царевича Александра

Расскажу я вам, братцы, про нужду свою,
Потужите вы, братцы, обо мне,
Что приехали ко мне, Александрушке,
Из-за крутых гор узденья
И зовут меня, просят, Александрушку,
На веселый пир побывать;
А я сам знаю, Александрушка,
Про то ведаю, господа,
Что не пить меня зовут и не гулять,
Хотят-то с меня, Александрушки,
С живого кожу снять
И соломою напхать!

6

Набег грузинского царевича Александра с турецким отрядом на казачью станицу

Пообещался Александра в гости побывать.
Страй, рай, рататай, в гости побывать.
А мы, легкие донцы, туда побежали.
Страй, рай, рататай, туда побежали.
Где скотины много, много, там и девки хороши,
Страй, рай, рататай, там и девки хороши.
А скотину позабрали, девок запленили,
Страй, рай, рататай, девок запленили.

А мы турок провожали до самих же крутых гор,
Страй, рай, рататай, до самих же крутых гор,
А назад мы воротились, стали головы считать.
Страй, рай, рататай, стали головы считать.
Насчитали мы голов четыре десятка.
Страй, рай, рататай, четыре десятка.

ПЕСНИ О ВОЛНЕНИЯХ УРАЛЬСКИХ КАЗАКОВ

1

На заре то было, всё на зореньке,
Заре было утренней,
На восходе то было у казаченьков,
Было солнца красного,
Было солнца красного,
Среди торгу, всё базарушки,
Среди красной площади,
Среди красной площади
Собирались тут все казаченьки
Они во единый круг,
Они во единый круг.
В кругу стоит у казаченьков,
Стоит раздвиженный стул,
Стоит раздвиженный стул,
На стулу сидит у казаченьков,
Сидит сам Волконский-князь,
Сидит сам Волконский-князь,
Перед ним-то стоит у казаченьков,

Стоит сам Павлов-казак,
Стоит сам Павлов-казак,
Он стоит, стоит разудаленький,
Сам не тряхнется, не ворохнется,
Сам не тряхнется, не ворохнется,
И русы его кудерушки не шелохнутся.
Как не бьют его, и не ругают,
Его крепко спрашивают:
«Ты скажи, скажи, разудаленький,
Расскажи ты правду-истину,
Расскажи ты правду-истину,
Ты какого роду-племени,
Ты не царь ли какой,
Аль какой-нибудь сын княжеский?
Аль какой-нибудь сын княжеский?
Али прислан ты, добрый молодец,
Из иной земли, к подговору нас?
Аль пришел ты к нам ты послом каким?»
И добрый молодец разудаленький
Стал ответ держать перед допросчиком:
«Не тебе б меня, добра молодца,
Не тебе б меня здесь допрашивать,
И не мне бы, разудалому,
На твои речи ответ сказывать,
Правду-истину поведывать.
А спроси-ка нас сам батюшка,
Православный царь,
Я б сказал правду-истину!»

2

О х ты батюшка наш, наказный атаманушка,
Давид сын Мартемьянович,
Посмотри-ка, что там на море,
Да на море на Каспийском-то?
Не белым там забелелось,
Не черным там зачернелось,
Зачернелись на синем море
Все астраханские там лодочки:
Воровские рыболовщички,
В наши воды забираючись,
Нашу рыбу вылавливают,
И от воровских тайных выловов
Наш Урал-река стал пустехонек.
Помоги ты нам, атаманушка,
Заступись за нас, родной батюшка,
Не вели ходить злым разбойникам,
Не вели ловить нашу рыбушку!»
— «Ой вы братцы мои, вы казаченьки,
Что же вы, други мои, попужались?
Аль не знаете, как стеречь вора?
Эй вы, гурьевцы, лихи молодцы!
Вы садитесь-ка в легки лодочки,
Да возьмите-ка вы веселицы,
Догоните-ка астраханских рыболовщиков,
Накажите-ка их вы по-своему,
По-морскому, по-казацкому».

3

Не грозна туча из-за облака,
Туча поднималася,—
Приезжал к нам на быстрой Урал
К нам небывалый гость,
Небывалый гость — царь-наследничек.
Старики, братцы, старожилые к нему собиралися,
С лицом радушным старики, братцы, ему поклонялися:
«Ты заставь, заставь, царь-наследничек,
Нас жить по-старому,
Ты покинь-покинь, царь-наследничек,
Нас на быстрой реке».
Не золоченая тут трубочка,
Трубочка вострубила,—
Говорит же тут наследничек
Своим громким голосом:
«Вы подите-ка, послужите за горы кавказские,
Усмирите-ка злую вы орду, орду некорливую,
Некорливую орду — черкес со лезгинами».

4

Как во пятый было год,
Заточен был наш город;
Как Бизянов-генерал
По станицам пробегал,
По станицам пробегал,
Стариков всех собирал
И братьями называл:
«Старики, братцы-уралыцы,

Однокровец ведь я ваш,
Есть родня моя средь вас.
От царя прислан указ,
В год учить детей три раз».
Старики же отвечали,
Громким голосом кричали:
«Не желам принять ученья,
Лучше пойдем на мученье!»
Тут Бизянов-генерал
Рассерженный пробегал,
Во станицу прибежал,
Стариков он всех собрал,
Солдатами т-таковал
И в Уральский провожал,
Там по камерам сажал.
Из камеров выводили
И к подписке подводили:
«Не желам мы подписаться,
Все готовы заковаться».
Вот Бизянов-генерал
Заковать их приказал,
По этапу провожал.
Пошли они, зашумели
И железом загремели:
«Вы простите, родны, нас,
Не пишитесь здесь без нас.
Потеряете всех нас.
Ты прости, город Уральск
И Урал быстра река!»

ПЕСНИ ОБ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА

1

Прусский король тужит о гибели племянника

Разбессчастненькой король,
Король бесталанненькой
На свете родился,
Он на конинькем, король,
Разъезжает,
Ничего ж-то король не знает,
И только знает-то король
Про свою армешку —
Пошла под француза.
Что пришли-то, пришли
К королю газетушки
Да нерадошные,
За черною печатью.
Распечатал-то король
Свои газетушки,
Сам слезно заплакал:
«Мне не жаль-то, не жаль,
Королю, армешки,
Жалко-то мне
Одного сенатора,
А и что-то мне жалко
Своего племянничка,
Своего родного».

Что повесил-то король
Свою буйную головушку
К на правую сторонушку,
Пригупил-то король
Свои очи ясные:
«Уж ты девица моя,
Раскрасавица моя!
Подай же ты мне лист бумажки,
Перо со чернилом,
Напишу я во прусскую землю».

2

Русские войска под Гутштадтом

Под славным было городом под Гутштатом,
Протекала там речушка, речка слезовая,
А по речушке струя бежит, струя кровавая:
По-над речушкой сады цветут, сады зеленые,
В зеленом-то саду не кукушечка она куковала,
Жалко, жалобно она голосочек свой выносила,
Она всю-то нашу армеюшку прослезила...
«Ну вы стойте, наши козаченьки, стойте, не робейте,
Государева свинцу, пороху не жалейте.
Как заутро будет вам, казаченьки, награжденье:
Будет жаловать государь, жаловать крестами,
Еще жаловать своим царским знаменем».
Но молодые тут малолеточки не испужались,
По темным лесам они разъезжались.

3

Французский король пишет письмо Александрю I

Не в лужах-то вода полая разливалась —
Тридцать три кораблика во поход пошли
С дорогими со припасами — свинцом, порохом.
Французский король царю белому отсылается:
«Припаси-ка ты мне квартир, квартир ровно сорок
тысяч,

Самому мне, королю, белые палатушки».
На это наш православный царь призадумался,
Его царская персонушка переменялась.
Перед ним стоял генералушка сам Кутузов,
Уж он речь-то говорил, генералушка,
Словно как в трубу трубил:
«Не пужайся ты, наш батюшка православный царь!
А мы встретим злодея среди пути,
Среди пути на своей земли,
А мы столики поставим ему — пушки медные,
А мы скатерти ему постелим — вольны пули,
На закусочку поставим каленых картеч,
Угощать его будут канонерушки,
Провожать его будут все казачушки».

4

Как заплакала Россиюшка от француза.
«Ты не плачь, не плачь, Россиюшка,
Бог тебе поможет».

Собирался сударь Платов да со полками,
С военными полками да с казаками.
Из казаков выбирали да есаулы,
Есаулы были крепкие караулы,
На часах долго стояли да приустали,
Белые ручушки, резвы ножечки задрожали.
Тут спрговорит-спромолвил да князь Кутузов:
«Ай вы вставайте ж, мои деточки, утром
пораняе,
Вы умывайтесь, мои деточки, побелея,
Вы идите, мои деточки, в чистоё полё,
Вы стреляйте же, мои деточки, не робейте,
Вы своёго свинцу, пороху не жалейте,
Вы своёго же французика побеждайте».
Не осточная звезда в поле воссияла —
У Кутузова в руках сабля воссияла.

5

Похвалялись злы французы
Всю Россиюшку пройти.
Расстроились, расплакались
Наши сенаторы.
«Вы не плачьте, не тужите,
Нам Платов поможет!»
Едет силушка российска
Со четыре страны,
Генерал казачий Платов
Со правого флангу.
Он во левой ручке держит
Шелков поводочек,
А во правой ручке держит
Подзорную трубку.

Высматривал Платов
Французскую силу,
Наказывал-приказывал
Своим канонирам:
«Канониры, бомбадеры,
Слушайте приказу!
Пушки, ружья заряжайте,
Огня не скрывайте!»
Запалил же злой французик
Из пушек картечью,
Генерал казачий Платов
Из казачьих ружьев.
Увидал-то злой французик
Огонь росейский,
Увидавши огонечек,
Начал убегати.
Мы французика догнали,
Знамя отобрали.

6

Не пыль во поле пылит,
Не дубровушка шумит —
Француз с армией валит,
Генералам говорит:
«Генералы, генералы,
Я возьму вашу Москву,
Я со ваших со церквей
Кресты, главы пособью!»
Уж как стал француз палить,
Только дым-сажа валит,
Во том ли во чаду
Красна солнца не видать.

Граф Платов-генерал
 Разъезжает на коне,
 На своем добром коне,
 По крутой по горе;
 Подъезжает граф Платов
 Ко силушке своей,
 Ко донским казакам:
 «Ох вы братцы молодцы,
 Вы донские казаки!
 Нельзя ли вам, ребята,
 Караулы крепки скрасть?»
 — «Не велика эта страсть —
 Караулы крепки скрасть».
 Караулы покрадали,
 За Дунай-реку метали.
 Граф Платов-генерал
 Усю силушку побил,
 Он которую побил,
 Которую потопил,
 Остальную его силушку
 Он у плен забрал,
 Во Сибирь-город сослал.

7

Ай да и хвалится ханцуз он выхваля... ой да
выхваляется,
 Ой да сам да на Тихий Дон итить он вот и убира... ой
убирается.

«Вот да я матушку вашу да Рассею
 Всю я да наскрозь ее да пройду,
 Вот да я селы все ваши да деревни
 Пожаром их да пожгу.

Вот да я матушку вашу да Москву
 Ой да на ногах ее да снесу,
 Ай да во Черкасский вот во славный город
 Зимовать хранцуз да пойду,
 Вот я-то стану, стану на квартиру
 К Иловойскому.
 Ай сенаторушек своих да поставлю
 Вот по богатым али господам,
 Ай да я чернь свою да поставлю
 Вот да по всему го... да по всему городу,
 Ай да я добрых коней своих я расставлю
 Всё по божьим вот я по церквам».
 Вот да во ту пору али в этот час
 Али генералом вот наш Платов был.
 Ай да повыслу(ша)вши да похвалы ой все хранцу...
 Ой все хранцузские,
 Вот бы он списал их же похвалы ой на ука...
 Да на указушки,
 Ой да со указушков да похвалы он на газе...
 Да на газетушки,
 Ой да посылает эти вон да газеты вон к самому
 Вот да царю.

8

Русские войска получают приказ готовиться к сражению

Как на горке, на горе
 Да утром рано, на заре
 Не серебряна цеповочка
 Там возыгрывала,

Не серебряна цеповочка
Там возыгрывала.
Что не золотая трубынька
Там вострубила рано,
Что не золотая трубынька
Там востру... там вострубила рано.
Что не взговорил-промолвил
Граф Жуковский-генерал,
Что не взговорил-промолвил
Граф Жуковский-генерал:
«Господа вы сенаторушки,
Со полков... со полковничками,
Вы отдайте приказ строгий
По всей армии своей,
Чтобы ружья были новы,
Новы нарезны,
Во замках были, ребятушки,
Во замках кремни остры.
Как завтра к нам, ребятушки,
Король в гости хотел быть.
Уж как есть у нас, ребятушки,
Чем встретить и дарить,
Его встретить и дарить,
Есть чем потчевати,
Уж как есть у нас, ребятушки,
Есть крупа, есть мука,
Уж как есть у нас, ребятушки,
Аржаные сухари.
На заводах печены, ребятушки,
В Москве высушены».

Платов во время битвы

От своих чистых сердец
Совьем Платову венец,
На головушку наденем,
Сами песни запоем,
Сами песни запоем —
Как мы в армии живем.
Мы в армейюшке бывали,
Провианты получали,
Провианты получали,
Ни в чем горя не знали.
У нас много пуль, картечь,
Нам некуда беречь.
Наши начали палить,
Только дым столбом валит —
Каково есть красно солнышко,
Не видать во дыму,
Во солдатским пылу.
Не ясён сокол летает —
Казак Платов разъезжает,
Он по горке, по горе,
Сам на вóроном коне.
Он проехал, проскакал,
Три словечушка сказал:
«Ой еси, воины-казáки,
Разудалы молодцы!
Вы пейте-ка без мерушки
Зеленое вино,
Получайте-ка без расчёту
Государевой казны!»

Как не пыль в поле пылит —
 Француз с армией валит,
 Генералушкам грозит:
 «Уж и я вас, генералы,
 Во ногах всех вотопчу,
 В каменнú Москву взойду,
 Стену каменну пробью,
 Стену каменну пробью,
 Караулы все сменю —
 Караулы крепки,
 Перемены редки —
 Свои новы постановлю!»

10

Наш батюшка казак Платов вооружался,
 Под Москвою со полками собирался.
 Набирает казак Платов ясаулов,
 Посылает ясаулов под француза.
 Ясаулы-то француза порубили,
 А французского майора в полон взяли,
 Повели этого майора ко фельдмаршалу,
 Ко тому ко фельдмаршалу ко Кутузову.
 Стал его Кутузов выпрашивать:
 «Ты скажи-скажи, майорик, ты скажи,
французский,
 Уж и много ль у тебя силы во Париже?»
 — «У меня силы в Париже сорок тысяч,
 У самого Наполеёна сметы нету».
 Как ударил его Кутузов его в щеку:
 «И ты врешь ли всё, майорик, лицемеришь!
 Я угрозу ваших французских не боюсь,

До самого Наполеёна доберуся,
Доберуся, доберуся, я с ним порублюся». —
Не краснó солнце в чистóм поле воссияло —
Воссияла у Кутузова вострая сабля
Над твоей ли над французской головою.

11

Француз зажигает Москву

О х ты горе мое,
Ты великое,
Тоска-печаль
Несносная.
Находила на нас
Туча грозная,
Туча грозная
Французская!
Как в двенадцать часов
У полуночи
Француз, наш враг,
В Москву зашел,
Москву зажег.
Москва землю
Вздрынула.
Из окон стекла
Повылетали;
Из домов жители
Повыбегали.
Ой купцы-братцы,
Вы товарищи,
Вы отстойте мои
Три лавочки.

В одной лавке —
Дорогой товар,
В другой лавке —
Весовой жемчуг.
В третьей лавке —
Казны счету нет,
На меня, молодца,
Давно смерти нет.

12

Генерал продал Москву

На гороньке было, на горе,
На высокой было, на крутой,
Тут строилась нова слобода,
По прозваньицу матушка Москва.
Всем губернкам Москва красота,
Серым камешком Москва устлана,
Серым камешком, камнем скипером.
Размосковский был злой генерал,
Три суточки запил, загулял,
Он запродал матушку Москву,
За три бочечки злата-серебра,
За четвертую — зелена вина.
Распечатали — мелкóй желтóй песок.
Сподымался с полдён вихорек,
Разносил он по полю желтóй песок.

13

Французы в Москве

Был на горке, на горе,
Видел нову каменну Москву.
Москва славна разорёна до конца,
Разорил Москву
Неприятель-вор француз.
Не один разорил —
Со всей армией,
Со всей армией,
С конной гвардией
Разорил Москву.
Заряжал француз
Ружья светленькие,
Ружья светленькие,
Пушки медненькие,
Он стрелял-палил
В каменну славу Москву.
Потряслася мать-сырая земля.

14

Кутузов допрашивает французского майора

Что не красное-то солнце воссияло —
Воссияла у Кутузова острая сабля.
Выезжает князь Кутузов в чисто поле,

Он берет с собою силу да гранадеров,
Гранадеров и есаулов.
Гранадеры и есаулы да не сробели,
Что французского майора в полон взяли,
Повели они майора ко фельдмаршалу,
Ко тому же князю да ко Кутузову,
Ко Михайлу его да к Ларионовичу.
Начинает князь Кутузов его спрашивать:
«Ты скажи-скажи, майорик, сущую правду:
У вас много ль во Париже стоит силы?»
— «Стоит силы во Париже сорок тысяч,
По приступу генеральскому сметы нету».
Как на это князь Кутузов да рассердился,
Как ударил он майора да по роже,
Он по роже да во правую щеку:
«Уж ты врешь, ты врешь, майорик, врешь-плутуешь,
Меня, Кутузова-князя, всё проводишь,
Всё проводишь меня да ты стращаешь:
Уж я силы-то вашей да не боюсь,
За генеральские приступы я примуся».

15

Заводилася война
Среди бела дня.
А что начато палить,
Только дым столбом валит.
Каково есть красно солнышко,
Не видно во дыму,
Только видно во дыму:
Не ясен сокол летит —
Добрый молодец гуляет

Он по крутой по горе,
Сам на вороном коне.
По казакам проскакал,
Два словечика сказал:
«Вы казаки, вы казаки
Военные мои,
Удалые молодцы!
Без размерушки пейте
Зеленого вина,
Посмелее поступайте
Со французом воевать!»
— «Уж мы рады воевать,
Слезны капли проливать!»
Не пыль в поле пылит,
Не дубровушка шумит —
Француз с армией валит.
Он валит-таки, валит,
Сам подваливает,
Сам подваливает,
Речь выговаривает:
«Еще много генералов
Всех в ногах стопчу,
Всея матушку Россеюшку
В полон себе возьму,
В каменну Москву зайду».
Генералы испугались,
Платком слезы утирали,
В поворот слово сказали:
«Не бывать тебе, злодею,
В нашей каменной Москве,
Не видать тебе, злодею,
Белокаменных церквей,
Не стрелять тебе, злодею,
Золотых наших крестов».

На лужку было, лужку,
Стоит армия в кружку,
Лопухов ездит в полку,
Курил трубку табаку.
Для чего не курить,
Зелена вина, вина не пить!
Свинца, пороху довольно,
Сила во поле стоит.
Уж мы билися, рубилися
Четырнадцать часов;
С пяти на десять пробило —
Стали силу разбирать,
Стали силу разбирать,
Стали полковничков считать.
Не нашли таких убитых
Полковничков до семи,
Генералов до восьми,
Мелкой солдатской силы
Сосчитать мы не могли:
Которы на горе —
По колен стоят в руде,
Которы под горой —
Тех засыпало землей.
Один такой лежит,
Таку речь говорит:
«Вы подайте-ко, ребятушки,
Чернилицу с пером,
Чернилицу с пером,
Лист бумаги со гербом,
Напишу я таку просьбу
Государю самому,
Государю самому,
Императору-царю:
Еще наш-от генерал

Много силы издержал.
Уж он пропил, промотал,
Досталь в карты проиграл,
Ин удары раздавал».

16

Собиралась наша сила-армия
В поход под француза,
Занимала себе лагерь
Да среди во чистого поля,
Покопали шанцы, батареи
Славно себе для запаса.
Батарейные командирушки
Славно квартируют,
Бомбардиры с гренадерами
Славно маршируют.
Случилась перепалушка
Со правого фланга,
Убили нашего полковничка
В грудь пулею свинчатую.
Упал наш полковничек
С конечка на сыру землю,
Закричал молодой полковничек:
«Стойте, дети, не робейте,
Свинцу, пороху не жалеите,
Свинцу, пороху достанет,
А нас, молодцов, не станет!»

17

Русские войска разбивают французов

Что во городе во Морше читали указы:
Пишет, пишет злой французик Росеюшку взять.
Расплакались, разрыдались наши сенаторы.
«Вы не плачьте, не рыдайте, авось бог поможет!»
Мы поутру рано вставали в поход с полуночи,
Уж мы ночью с полуночи коней оседлали,
Оседлавши своих коней, под город Варшаву
В чисто поле выезжали, во фронт становились.
Глядел-смотрел злой французик в подзорную трубку,
В подзорную трубку в росейскую силу.
Валит сила по всем сторонам по всем четырем,
Генерал казак Денисов по правому флангу,
Приказывал-наказывал своим бомбардерам:
«Вы женжурь, бомбардеры, слушайте приказу —
Пушки, ружья заряжайте, сабли вынимайте,
Без мого ли приказанья огня не открывайте».
Не успел сказать он речи, вдарил француз в плечи,
Застрелил его вор французик из пушки картечью.
Как росейский огонь горячий начал нагонять,
Солдатушки-ребятушки пошли в мостовую.
К быстрой речке подходили — перевозу нету:
Эта реченька Мяснушка — стоит вор французик.
Мы на лодках перъезжали, француза нагоняли,
Француза нагоняли, знамена отбирали,
Француза нагоняли, знамена отбирали,
Отобравши знамена, в полон его взяли.

18

Солдаты освобождают Смоленск

Как повыше было Смоленска-города,
Что пониже было села Красного,
Что под рощею под зеленою,
Под березою кудрявою,
На большом зеленом лугу,
Стоял тут лагерь русской армии,
Русской армии, гвардейских солдат.
Призадумавшись сидят, на Смоленск-город

глядят:

Овладели славным городом неприятельски полки,
Уж досталось всё святое неприятельским рукам:
«Как бы, братцы, нам приняться, Смоленск-город
свободить,

Смоленск-город свободить, неприятеля побить?»

Вдруг послышалась тревога
У палатки командирской,
Все солдаты встrepенулися,
Ружья взявши, в ряды становилися.
Как и вышел перед войско Волконский-князь,
Волконский-князь, командир этих солдат,
Уж и взговорит солдатам Волконский-князь:
«Ох вы храбрые солдаты, государю верные,
Государю верные, командиру послушные!
Мы пойдем-ко к неприятелям гостить,
К неприятелям гостить, Смоленск-город свободить!»
Как пошли-то солдатушки Смоленск-город освобождать,
Смоленск-город освобождать, французов выгонять.
Ко Смоленску приступили, они ружья зарядили,
Они ружья зарядили, в неприятеля палили,

Много били, истребили, остальных-то полонили,
Полонивши, их топили во Берёзоньке-реке,
Потопивши, отдыхали на зеленом на лугу,
На зеленом лугу песни пели во кругу.

19

Платов в гостях у француза

Святорусская земля,
Много славы про тебя,
Много славы про тебя,
Про Платова-казака.
У Платова-казака
Небритая борода,
Нестрижены волоса.
Платов голову остриг
И бородушку обрил,
У француза в гостях был.
Француз его не узнал,
За купчину почитал,
На улочку выбегал,
За оградою встречал,
За белые руки брал,
В нову горницу вводил,
За дубовый стол садил,
За дубовый стол садил,
Чаем, кофеем поил,
На серебряном подносе
Сладкой водкой подносил.
«Выпей рюмку, выпей две,
Всю ты правду скажи мне.

Уж я всех же в Москве знаю
Генералов и господ,
Одного только не знаю
Я Платова-казака.
Кто бы, кто бы мне сказал,
Тому б много злата дал,
И в полон бы его взял,
И с живого кожу снял».
Выпил рюмку, выпил две,
Зашумело в голове:
«А начто злато терять,
Можно так его узнать:
Он со личика беленок,
Ростом, корпусом с меня,
Русы волосы его —
Как у брата моего».
У француза дочь Орина
Что догадлива была,
Из палаты выходила,
С купцом речь говорила:
«Ах ты купчик, мой голубчик,
Ты удалый молодец!
Ты подай мне свой портрет».
Портрет Платов вынимал,
На белые руки клал,
Из палаты вон бежал,
Зычным голосом кричал:
«Уж вы гой еси, ребята,
Вы донские казаки!
Вы подайте мне коня,
Как ясного сокола».
На коня Платов садился,
Как соколик ясный взвился,
Под окошки подбегал,

Таковы слова сказал:
«Ты ворона, ты ворона,
Подгуменная карга!
Не умела ты, ворона,
Сокола в руках держать,
Что ясного сокола —
Платова-казака».

20

Француз похваляется Парижем

Разорёна путь-дорожка от Можая до Москвы.
Разорил-те путь-дорожку, неприятель вор-француз,
Разоривши путь-дорожку, во свою землю пошел,
Во свою землю пошел, ко Парижу подошел.
Не дошедши до Парижа, стал на месте, постоял,
Стал на месте, постоял, сам головкой покачал,
Покачавши головой, стал он речи говорить,
Стал он речи говорить, стал Париж-город хвалить:
«Ты Париж ли, Парижок, Париж — славный городок!»
Не хвалися, вор-француз, своим славным Парижом:
Как у нас ли во России есть получше города.
Есть получше, пославнее, есть покраше, почестнее,
Есть получше, есть покраше — распрекрасна жизнь
Москва.

Распрекрасная Москва — всему свету голова,
Всему свету голова — все земельки забрала,
Распрекрасная Москва в путь-дорожку широка,
В путь-дорожку широка, диким камнем выстлана,
Диким камнем выстлана, желтым песком всыпана,
Что приют-город Москва — всей России честь-хвала».

21

Александр I обвиняет Наполеона

Уж вы горы мои, горы крутые,
Из-под вас бегут реки быстрые,
Пронеслися с Дону вести новые,
Как идут-то к нам полки казачии,
Наперед едет много князей-бояр,
А вперед-то их едет Александра-царь,
Обнажил свой меч, на плече несет;
Он журит-бранит короля французского:
«Ты зачем зашел не в свою землю,
Ты завел с собой много армии,
Ты побил-порубил моих пятьсот рядовых солдат?
А с ними ты, шельма, убил мого старшого
майорушку!»

22

Русские войска преследуют французов

Похвалялся (вор) француз
Всю Россию разорить:
«Разорёмши Россиюшку,
К быстрой речке подойду!»
Подошедши к быстрой речке,
Стал хвалиться табуном:
«Запружу я речку Берёзу
Своим польским табуном,

Запружомши речку Берёзу,
Словно по мосту пройду,
Сам на отстань прочь пройду,
К государю подойду.
Государь ты князь,
Главный император наш,
Александра белый царь!»
Во Смоленском городи
Стояли по колен в крови.
Сухарёв нам, хлеба выдавали,
Платья всякого спускали:
«Надевайте, русские солдаты,
Цветно платье на себя!»
Да не полно ль вам, солдаты,
Во неверной земле жить,
Не пора ли вам, солдаты,
Во Россию выходить?
Мы снегами шли в колено,
Показалось три версты;
По полену дров нашли.
Находили по полену дров —
Со всей радостью берем,
Огонечек разведем,
Нову моду заведем:
Из соломы строить дом,
Утешенье было в нем.

23

На границе мы стояли,
Мы не думали ни о чем,
Сколько думали-гадали
Снарядиться да хорошо,

Снарядиться, приубраться,
Разгуляться молодцам.
Мы не долго разгулялись,
Засылали, засылали приказы в поход.
Скоро идти — мы ни день, ни ночь не спали.
Маршем шли мы, до речки доходили в походе,
Перевозы снимали.
Разбессчастный перевозчик,
Нас встретили враги среди белого дня,
Вечером позднешенько
Француз берег занимал.
Поутру рано-ранешенько
С нами баталию открывал.
Мы из пушек-то палили,
Ровно туча с громом шла,
Из оружий-то стреляли,
Будто градом сыпало.
Много раненых, убитых
По колен в крови стоят,
Уходила вся баталия,
Стали тела разбирать,
Не нашли таких генералов ровно трех,
Полковников до пяти,
Как солдатов, пехоты
Сметы дати не могли.

24

Обещался наш французик,
Вор-французик,
Рассеюшку взять,
Всю Рассеюшку взять.

В Москве постоять.
Заплакали наши сенаторы
Свои очи ясны,
Генерал наш казак Платов
Не очень печалит:
«Вы не плачьте, сенаторы,
Авось бог поможет,
Поутру рано вставайте,
Жандариков разбуджайте,
Вы жандаров разбуджайте,
Коней оседлайте.
Коней скоро оседлайте,
В поле выезжайте,
Глядеть, смотреть, выглядывать
Неверную силу».
Вот валит сила российска
Со всех сторон, со всех четырех.
Генерал наш казак Платов
Со правого фланту,
Глядит, смотрит, выглядает
В подзорную трубку:
Еще много ль у собаки
Неверные силы?
«Солдатушки, ребятушки,
Слушайте мово наказу,
А вы ружья заряжайте,
Сабли вынимайте,
А без моего приказу
Огню не открывайте».
И ударил в них
Вор-французик
Из пушки картечью,
Генерал наш казак Платов
Из солдатских ружей.

Покажись наш российский огонь жарок —
Француз утекати,
Генерал наш казак Платов
В погонь за ним гнати.
Тут течет речка Веснувка,
Перевозу на ней нету.
Уральские казачушки,
Ступай мостовую,
Солдатушки-ребятушки,
Давай скоро лодки.
Мы в лодках передем,
Злодея догоним,
Злодея догоним,
В полон его вóзьмем.
Мы злодея догоняли,
В полон его взяли,
И конницу, и пехоту
За собой погнали.
Расплакалась-растужилась
Неверная сила:
«Говорили мы своему злодею:
Полно с Москвой воевати,
Силушки теряти,
Три месяца мы у нее стояли,
А Москвы не видали.
Питербурх город столичный,
Мы его узнали,
Потому его узнали —
Чèрез него нас гнали,
В Сибирь отправляли».

25

Наполеон получает известие о разгроме армии

У ж ты пьешь, ты гуляешь, Наполеонушка,
Ничего не знаешь.
Не скорой-то курьер во глуху-то полночь
Курьер прибегал,
С нерадостной вестынькой
Его поздравлял:
«Разбили твою армеюшку, Наполеонушка,
Злые, храбрые казаченьки,
Твоих главных думчих сенаторов
В полон взяли,
Твоего родимого племянничка, Наполеонушка,
Его изрубили».
Как восплакнул же наш Наполеонушка
Горькими слезами,
Во слезах, во горючих слово вымолвил:
«Не жаль мне, не жаль
Своего родного племянничка,
Жаль мне сенаторов!»
Как вскричал-то, возгаркнул
Своим громким голосом:
«Писаря ли вы мои, писаря
Мои молодые,
Напишите вы царю грамоту
Поскорее,
Мы пошлем же к царю
Генералушку посмелее».

Сражение двух армий

Ай не две-та тучушки грозные
Вместе сходи... они сходилися —
Ой две армеюшки они превеликие,
Вместе они съезжа... они съезжались.
Ой они билися только все рубилися,
Они трое су... они трое суток.
Ай как французская она всё российскую
Войску она призоби... она призобидела.
Ой как и тут-то бы вот наш Александра-царь
Ой смутной ко́нем бе... смутной ко́нем бегаёт.
Ой как журит-бранит вот наш православной царь
Свово благоде... свово благодетеля,
Ой как того-то бы того повелителя,
Всё графа Куту... всё графа Кутузова:
«Ай отчего же ты, с чего не успел послать
С Дону полки дон... с Дону полки донские?»
Ой не успел же тут вот наш православный царь,
Он тут слова мо... он тут слова молвити,
Ой как со правой-то, со правой сторонушки
Бегут они полки до... бегут полки донские.
Эх впереди-то бы, впереди казаченек
Бежит генерал... бежит генерал Платов.
Эх обнажил-то он свою саблю вострую,
Несет наголо... ее наголо несёт,
Ой обнажимши он свою саблю вострую;
«Ох приклоняйтя вот вы, мои казаченьки,
Свои пики во... свои пики вострые,
Ах приклоняйтя вы свои пики длинные
Коням на черну... коням на черну гриву!»

Эх приклонемши свои пики длинные,
Сами вперед ки... сами вперед кинулись,
Ай закричали ли то они, загичали,
Сами ох на ура... сами на ура пошли.
Ах они билися, билися, рубилися
Со утра было до ве... с утра ну до вечера,
Ой тут российская армия французскую
Она призоби... очень призобидела.
Ой как и тут-то бы вот наш Александра-царь
Весел ко́нем бе... весел ко́нем бегаает,
Ой поздравляет вот наш православный царь
Наша войска до... наша войска донская,
Эх да и чем жа я вас, донских казаченьков,
Чем вас буду жа... чем вас буду жаловать?
Ах я пожалую вот бы казаков донских
Всех вас кавале... всех вас кавалерами».
Ой как и тут-то бы, тут-то бы наш граф Платов
Царю речь возго... царю речь возговорил:
«Ох ты не жалуй нас, своих казаков донских,
Всех нас кавале... всех нас кавалерами.
Ох как и некого из нас, казаков донских,
Некого-то в караул... будет в караул послать!»

27

Вы кусты мои, кусточки,
Вы ракитовы кусты,
Вы скажите-ка, кусточки,
Всеё правду про сынка:
Где сыночек пьет, гуляет,
Где надежа мой пребыл?

Пребывает мой надежа
В чужой дальней стороне,
Во матушке во Москве,
У француза на войне.
Уж мы билися-рубился
Разосенню темну ночь,
Разосенни ночи темны долги,
Близ четырнадцать часов.
Как во первом часу ночи
Сабли, ружья гремели,
Во втором часу ноченьки
С плеч головки летели,
Как во третьем часу ночи
Кроволитье протекло.
Протекло же это кроволитье,
Словно полая вода,
Заливало же это кроволитье
Все губернии, города.
Выходили ж царь с царицей
На прекрасное крыльцо,
Они крестились и молились,
Чтоб это кроволитье унесло.

28

Русская армия готовится вступить в Париж

Под славным было городом Парижем,
Собиралось российское славное войско.
Они лагеря занимали в чистом поле,
Шанцы и батареи там порыли,
Пушечки и мортирушки там становили.

Константин-то наш по армии разъезживает,
Он пехоту и кавалерию рассчитывает:
«Надевайте вы, солдатушки, платье бело,
Поутру вам, милые, будет дело!
Когда бог нам поможет Париж взять,
Отпущу я вас, любезные, в него погуляти!»

29

Убит полковник Беляков

Не черные, братцы, тучи поднимались —
Появлялись казаченьки царя белого, Петра Первого,
Наперед идет Атаманский полк, он весь радощен:
В барабаны бьют в полку по-новому,
В трубы трубят по-веселому,
Царско знамечко несут распущенное;
У знамя косыночка вьется до сырой земли.
Позади идет Беляков полк весь нерадощен:
В трубы трубят по-кручинному,
Царско знамечко несут во черном чехле.
Наперед едет Беляков на добром коне;
Под Беляковым сивый добрый конь идет спотыкается,
А сам Беляков с луки на луку всё качается.
Взговорил Беляков своим громким голосом:
«Ой ли, еси, казаченьки моего полка, моей первой
сотенки!

Не попомните-ка Беляковой спеси-гордости:
Вы сымите-ка скорее Белякова со добра коня,
Вы ведите-ка Белякова на синее море,
Вы обмойте-ка с Белякова мою горячу кровь,
Схороните-ка Белякова промеж трех дорог:
Между петербургской, московской и славно-киевской».

30

Девушка в плену у французов

Не спалось девке, не дремалось,
Ничего во сне не видалось,
Только виделось — сон несчастный:
Как буйны ветры подымались,
Со хором верхá сорывали
Что по самые по окошки,
По хрустальные по стекольцы.
Не спалось девке, не дремалось,
Ничего во сне не видалось,
Только виделось девке,
Как француз Москву разоряет,
Красну девицу в полон взяли,
Генералушку подарили.
Красная девица слезно плачет,
Генерал девку унимает,
Шелковѣм платком утирает:
«Ты не плачь, не плачь, красна́ деви́ца!
Я куплю тебе три подарка».
— «Не хочу твоих трех подарков,
Ты пусти, пусти во Россюю —
С родом-племеном повидаться,
С отцом с матерью распроститься».

31

Разбессчастненький-бесталанненький
Француз зародился,
Он со вечера рано спать ложился,
Долго почивать.
«Ничего ж ли-то я, французик ли,
Ничего не знаю:
Что побили его, его армию
Донские казаки;
Что мне жаль-то, мне жаль свою армию,
Есть еще жалчея —
Что вот сняли мому, мому родному,
Да родному братцу,
Что вот сняли ему, сняли йму головку,
Да головку.
Что мене ль-то, мене, всё французика,
В полон мене взяли.
Посадили мене, всё французика,
В темную темницу.
Что вот тошно ли мне, всё французику,
В темнице сидети.
Если б знал-то бы, знал я, французик ли,
Я б того не делал».

ПЕСНИ ОБ АРАКЧЕЕВЕ

1

Бежит речка по песку, по песку, из Питера во Москву,
Из Питера во Москву,
Ой да не сама речка зашла, да зашла, неволюшка
да занесла,

Неволюшка да занесла.

Ох вот по этой по реке, ой по реке, много плыли, плыли
кораблей,

Много плыли, плыли кораблей,

Они плыли, перплывали ровно триста кораблей,

Ровно триста кораблей.

Как на кажным на корабличке по пяти сот молодцов,
По пяти сот молодцов,

По пяти сот молодцов, ох да пловцов-песельничков,
Пловцов-песельничков.

Хорошо пловцы плывут, веселó песни поют,

Весело песни поют,

Весело песни поют, разговоры говорят,

Разговоры говорят,

Разговоры говорят, всё Ракчеева бранят,

Всё Ракчеева бранят:

«Вор Ракчеев да он дворянин, расканальская сукин
сын,

Расканальская сукин сын!

Всю Расею разорил, все дороженьки да он порыл,

Он порыл,

Все дорожки он порыл, лесом-садом он засадил,

Он засадил,

Лесом-садом засадил, солдат гладом поморил,

Солдат гладом поморил,
Солдат гладом поморил, наша жалованья утаил,
Наша жалованья утаил —
Хлебовая, харчевая, третья денежная,
Третья денежная.
Он на наши ведь на денежки он построил в Москве дом,
Он построил в Москве дом:
Он не низок, не высок, да трехэтажной вышины,
Трехэтажной вышины;
Раздиковинны палаты белы каменные,
Белы каменные,
Ой да белы каменные, стены раменные,
Стены раменные,
Стены раменные, ох да верхи бархатные,
Верхи бархатные,
Из хрусталу потолок да позолоченной конек».

2

Как за теми за рядами,
Всё за лавочками
Тут и шли-прошли солдаты,
Заслуженные господа.
У них ружья за плечами,
Штыки примкнутые.
Наперед идет Андрюшка,
Андрей — гру́зинский палач.
Позади ведут Василья,
Васю Демидова.
Как возговорит Василий
Андрюшке-палачу:
«Ах ты братец мой Андрюшка,

Андрей — гру́зинский палач,
Ты послушай, брат Андрюшка,
Моих глупых речей:
Уж вешай меня скоро,
Ты скорым меня скоро,
Не повесишь меня скоро —
Сам туда же угодишь!»
Испугался вор-собака
Он Васильевых речей,
Он со этого испугу
На рессорны дрожки сел,
Он поехал вор-собака
На Гражданску улицу,
Он заехал вор-собака
Ко Васильевой жене,
Он разрезал вор-собака
Белу грудь у ней.

3

Загоняли нас, добрых молодцев, в Великое село,
Становили добрых молодцев в шеренгу всех,
Снимали с нас, добрых молодцев, шелковы волосы,
Нам бороды выбривали и шинели надевали.
Мы с манежи выходили ко цареву кабаку,
У царева кабака закричали все: «Ура».

Семеновцы в крепости

У нас было на святой Руси,
На святой Руси в славном Питере,
В Петропавловской славной крепости,
Что засажены были добры молодцы,
Добры молодцы всё семеновцы.
Молодой-то солдат на часах стоит,
На часах-то стоит, думу думает.
Он и бьет штыком об сыру землю:
«Ох ты матушка сырая земля!
Расступись-ка на все четыре стороны,
Поднимитесь с гор, буйны ветры,
Разнесите вы желты пески.
Ты откройся, гробова доска,
Распахнися, золота парча,
Ты восстань, проснись, наша матушка
Катерина свет Алексеевна,
Ты выдь-ка на свой на парадный двор,
Посмотри-ка на свой на любимый полк,
На любимый полк на Семеновский.
У нас нынече в полку не по-старому,
Не по-старому, всё по-новому:
Начальнички у нас новые,
Всё новые, бестолковые,
Разбили наш полк по всей армии,
По всей армии, oprичь гвардии,
По тем полкам по армейским,
Оставшихся нас сослали на Линию».

Смерть Александра I

Выезжает Александр наш свою армию смотреть,
 Обещался Александр наш к Рождеству домой прибыть.
 Все празднички на проходе — Александра дома нет.
 «Пойду выду на ту башню, которая выше всех,
 Погляжу я в ту сторонку, в коей Александр наш был».
 По питерской по дорожке пыль столбом (она) стоит,
 Пыль столбом (она) стоит, молодой курьер бежит.
 «Я пойду спрошу (курьера): „Ты куда, курьер,
 бежишь?
 Ты скажи-ка нам (курьер) про Александрю-царя“».
 — «Вы скидайте алы шали, надевайте черной траур,
 Всю правдушку вам скажу про Александрю-царя:
 Наш Александр-император в Таганроге жизнь
 скончал,
 (Что) двенадцать генералов на главах царя несут,
 Вот не двое ли армейских воронá коня ведут,
 Не четыре ли гвардейских со знаменами идут».

Константин и лейб-гвардейцы

На Царицыном лугу
 Стоит гвардия в кругу,
 То-то любо, любо да люли,
 Держат ружья на руку.
 Стоит гвардия в кругу.
 Стоит гвардия в кругу,
 Держат ружья на руку,
 То-то любо, любо да люли,

Держат ружья на руку.
Держат ружья на руку,
Государя к себе ждут,
То-то любо, любо да люли,
Государя к себе ждут.
Государь к ним не бывал,
Константин к ним приезжал,
То-то любо, любо да люли,
Константин к нам приезжал
«Вы здоровы, мои дети,
Лейб-гвардейцы, егеря.
То-то любо, любо да люли,
Константин к ним приезжал.
Надоело вам, наверно,
По казармам ночевать?
То-то любо, любо да люли,
По казармам ночевать?
Не отправиться ль, ребята,
С моим братом воевать?
То-то любо, любо да люли,
С моим братом воевать.
С моим братом воевать,
Себе землю забирать?
То-то любо, да люли,
Себе землю забирать?»
За такие слова брат
Константина слал в Кронштадт.
То-то любо, да люли,
Константина слал в Кронштадт.
И гвардейцы-егеря
Ненавидели царя,
То-то любо, любо да люли,
Ненавидели царя.

Константин и Анна

При городе, при кунпанье,
При новом славном большом базаре
Стоит новая палата,
Да из себя она больно прекрасна,
Для людей она ужожа.
Во той новой во палате
Живет пан-сударь с паньей,
Косенькин наш князь со Анной,
Со королевишной, со паньей.
Косенькин ее не злюбают,
На кровать спать не пушает,
Ой на кровать спать не пушает,
Одеяльца не дает,
Со кроватушки толкает.
Косенькин — князь премудреной,
А Анна-то его еще мудрее:
«Пойду к царю я Олександрю:
Ой ли царь ты наш великой,
Ты великая надежа,
Рассуди нас с Косенькином —
Косенькин меня не злюбают,
На кровать спать не пушает,
Одеяльца не дает
И со кроватушки толкает».
Скоро царь слово промолвил:
«Ой вы слуги, мои слуги,
Запрягайте пару коней,
Пару коней вороную
Во карету золотую».
Скоро письмецо писала,

С поштальёном отправляла
Она ко князю Косенькину:
«Прощай, князь Косенькин,
Я покорилась в свою землю!»

Царя требуют в сенат

Время страшное подходит —
Пошел турок воёвать
Да с англичанином скумился:
«Да нам нельзя Россия взять».
Да не в показанное время
Да царя требует сенот.
Да царь недолго снаряжался,
Да на ямских он отъезжал,
Никому он не сказался,
Да только брату весть он дал:
«Ты сряжайся, брат, скоряе,
Да попроведаёшь меня,
Предает скорую смёртку —
Да похоронишь, брат, меня».
Ишша брат его идет же
Да на руках книгу несет,
Книга страшна во пророках,
Да нищо брат домой придет.
Брат немного время мешкал,
Да он за им в сугону гнал,
Ко сеноту приезджал же
Да часовым честь отдавал:
«Уж вы здравствуйте, ребята,
Да часовые вы стражи!»

Не видали ле, ребята,
Да не прошел ле сенотóр?»
Друг на друга поглядели
Да все сказали «не видать».
Как един солдат-провор же
Да черным глазиком провел,
Черным глазиком провел
Да часовых всех прирубал.
Часовых всех прирубал
Да двои двери вышибал,
Ко третьím дверям подходит —
Да на коленях брат стоит,
Перед им полковник ходит,
Да по прозванью офицер,
Носит саблю на весу:
«Да и царю голову снесу».
Ишша столько царю жизни,
Да покуль сабля не звилась.
«Ты ставай, брат, со коленей
Да из сеноту вон пойдём,
Из сеноту вон пойдём же,
Да мы сенотичёк зажгём.
Нам не дóроги сеноты
Да сенотóрские судьи».

ПЕСНИ О РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1828—1829 ГОДОВ

1

Турецкий султан пишет письмо

Пишет, пишет султан турецкий
К нашему белому царю:
«У разор я тебя разорю,
Во Москву стоять взойду,
Поставлю своих солдат
По всей каменной Москве,
Штапов-офицеров по купеческим домам,
Сам стану, султан турецкий,
В Миколаевском славном дворце!»
Как растужит наш Николай Павлыч,
Сам гуляет по Москве,
Говорит он своим сенаторам:
«Вы подумайте, братцы, со мной,
Пишет султан турецкий,
Хочет землю у нас отобрать,
Обещается султан турецкий
Во Москву итить стоять».
Обозвался граф Пашкеев,
За дубовым сидя столом:
«Не тужите, наш император,
Вы не думайте ни об чем:
Набирайте силы много,
Мы пойдем с туркой воевать,
Мы усех турок побьем,

Во полон их заберем,
Во Россеюшку возьмем,
По полкам их разберем,
По хватерам разведем!»

2

Турки похваляются разбить русские войска

Поле ты, поленько, да поле,
Э-ох, поле чистое, турецкое.
А-ох когда... ой когда тебя, поле, пройдем,
Мы когда тебя, поле, пройдем.
А-эх когда чистое прокатимся,
Когда чистое прокатимся.
Эх все пути наши дорожечки,
Все пути наши дорожечки,
И-эх все места наши прекрасные,
Все места наши прекрасные.
Э-эх все лужка наши зеленые,
Все лужка наши зеленые.
Э-эх по лужочкам речки быстрые,
По лужочкам речки быстрые.
Ох да речки быстрые, островистые.
Речки быстрые, островистые.
Эх на тех речках, на тех быстрых,
На тех речках, на тех быстрых,
Эх поле чистое, турецкое,
Поле чистое, турецкое.
Эх на том поле, на том широком,
На том поле, на том широком

Мы сойдемся с неприятелем,
Мы сойдемся с неприятелем.
Со такой ордой с неверной ли,
Со такой ордой с неверной ли,
Ох со турецким славным корпусом,
Со турецким славным корпусом.
Злые турки да собиралися,
Злые турки собиралися.
Э-эх на несчастный день, на среду ту,
На несчастный день, на среду ту
Ох злые турки напивалися,
Злые турки напивалися.
Э-эх во хмелюшках похвалялися,
Во хмелюшках похвалялися:
«Э-эх мы Россию всю насквозь пройдем,
Мы Россию всю насквозь пройдем.
Э-эх царя белого мы в плен возьмем,
Царя белого мы в плен возьмем».
Э-ох тут солдаты испужалися,
Тут солдаты испужалися.
Эх по лесочкам разбежалися,
По лесочкам разбежалися.
Эх по кусточкам да рассовалися,
По кусточкам рассовалися.
Эх говорил тут граф Баскеев нам,
Говорил тут граф Баскеев нам:
«Эй не дробейте вы, ребятушка,
Не дробейте вы, ребятушка,
Эй молоды наши солдатушки.
Молоды наши солдатушки,
Э-ох у нас пушки-ти направлены,
У нас пушки-ти направлены,
Э-ох черни порохи насыпаны,
Черни порохи насыпаны,

Э-эх литы ядрышки закачены,
 Литы ядрышки закачены.
 Эх мы начнем турка палить-валить,
 Мы начнем турка палить-валить.
 Э-эх выше леса дым столбом будет валить,
 Выше леса дым столбом будет валить,
 Э-ох мы покроем всю турецкую землю».

3

Гибель полка Тацына

На ровной площади, на большой поляне
 Стоял там Второй Тацын полк,
 Стоял три неделюшки,
 На четвертой-то на неделюшке приказ они получили —
 Да идтить-то полку Тацыну под Шумной город.
 Не пошел-то молодой полковничек большой дорогой,
 Он пошел, молодой полковничек, крутыми горами,
 Он крутыми-то горами, большими лесами.
 Среди-то было пути, среди дороженьки несчастье
 случилось:
 Как не черные-то вороны из лесов солетались —
 Турки храбрые из-за крутых гор на Тацына напали.
 Тут-то мои малолеточки дюжа перепугались,
 По темным-то лесам они разбежались.
 Кричит-то, кричит младой полковничек своим громким
 голосом:
 «Уж вы стойте, мои малолеточки, стойте, не робейте,
 Государева свинцу, пороха не жалейте!»
 Пробил-то бы, пробил молодой полковничек две
 заставы,
 На третей-то на заставе сам головушку сложил.

4

Взятие Варны

Трудно жить сироте
На чужой стороне.
Всё немило, всё постыло,
Нет веселия ни в чем.
Трудно жить без родных,
Всегда плачем мы об них;
Где поплачем, где потужим,
Тяжелехонько вздохнем.
Вспомнишь край свой родной,
Сам залъешься слезой.
Там ты волең, всем доволен,
Горя ни о чем не знал.
А теперь всё испытал,
Как я в Турцию попал.
В чистом поле — горе, страх
Каждый день и каждый час.
День намокнешь и дрожишь,
Ночь от страха не спишь;
Чуть заслышат наши уши,
Встрепенешься и стоишь.
Что ни свет, ни луна,
В чистом поле тишина;
Окликает, озирает
Стража стражу завсегда.
Мы под Варною стояли,
Себе смерти ожидали.
Здесь дерутся, там несутся
С страшной бомбой батарей,
Черно море шумит,

С кораблей огонь палит,
Стены рушит, турок душит,
В горах пламенем горит.
Кто бежит без руки,
Кто остался без ноги,
Кто извихан, кто исколот,
А кто плавает в крови.
Турки вопят: «Алла!»
Наши гаркнули: «Ура!»
Воздух стонет, каждый молит:
«Боже, жизнь мне сохрани!»
Вот окончился бой.
Из-под Варны пошли,
Мы дорогу домой
Во Россеюшку нашли.

5

Солдаты Паскевича в походе

Уж вы горы мои, горы турецкие,
Уж вы горы, вы крутые мои горы!
Вы позвольте, мои горы, под собою ночь ночевать,
Под собою ночь ночевать и ту всю не спать,
Всю ночь не спать — порохи, заряды получать.
«Стойте вы, турки, не стреляйте,
Вы заряды свои не теряйте!
Мелкого ружья да я не боюсь,
До Бильбурта я доберуся,
В Ирзарюме расположуся!»

6

Полк Падурова в походе

Уж ты степь ли наша, степь, степь наша широкая!
Широко-долго, степь, ты протянулася.
Пролегала во степи больша дороженька,
По этой дороженьке никто не прохаживал,
Никто следику не прокладывал,
Тут шел-то, прошел Падуров с полком.
Как за ним-то идет полк казаченьков,
Впереди-то идут brave хорунжушки,
За хорунжушками молодые уряднички,
За урядничками идет полк казаченьков.
Как у нас-то в полку несчастье случилось —
Как убили у нас brave хорунжушку.
Как хорунжушки шашками возбрякнули,
А молодые уряднички песенку возгаркнули,
А полк-казаченьки слезнехонько восплакнули.
Не в чистом поле снежки забелелися,
Не алы цветы заалелися —
Забелелось тело белое,
Заалелася кровь алая.

7

Русская армия под Браиловом

Под славным было городом под Браиловым,
На ровной было на широкой площади,
Собирались там стрельцы-бойцы,
(Стрельцы-бойцы), все добрые молодцы.

Они бились и рубились с теми они со злодеями,
 С теми турками они с неверными,
 Несчастье у нас в армейюшке, беда она сочинилась,
 Безвременьице над нашей армейюшкой, беда она
несносная:
 Убивали у нас из армейюшки молодого хорунжего,
 Попадала пуля ему, доброму молодцу, в ретивое
сердце,
 А коня-то доброго его грива прострелена,
 Кровь течет по его груди, сбегает она по копытоткам.

ПЕСНИ О СОБЫТИЯХ НА КАВКАЗЕ

1

Набег кабардинцев на крепость Марьевскую

Не сизые орлы ко ясному соколу солетались,
 Узденя-то князья ко Мисостову сыну соезжались.
 Выезжали-то они узденя-князья на высокий курган,
 Свои шапочки-кабардиночки все долой поскидывали.
 Как садились-то мои узденя-князья на черные стулья
юхтовые,
 Надевали узденя-князья панцири трехколечные
 С налокотниками позлащенными.
 Они думали думу крепкую ее заединую:
 «Во которую во сторонушку на удар пойдем?»
 — «Как пойдем-ка мы, братцы, узденя-князья,
 Под Бел-город мы!

Как пойдем-то и возьмем, узденя-князя,
Силу Марьевскую,
Возьмем-то ее, братцы, без свинцу, без пороху,
Без пушек без мартелушек,
Командирушек, бомбардирушек мы всех повырубим,
А пушечки-мартелушки во полон возьмем».

2

Сражение у Ханкалинского ущелья

Светила заря поздно вечером;
Посвети-ка ты, заря, пока взойдет
Батюшка светел месяц,
Чтобы видно было мне, молодцу,
Идти мне из неволюшки;
Из неволюшки идти,
С чужой дальней сторонушки —
С Большой Чечни, с большой Атаги.
Атагинцы-собаки собиралися с ханкалинцами,
Ханкалинцы-собаки собиралися с алдадинцами;
Не лучшее местечко выбирали,
Порыли себе шанцы глубокие,
Поделали себе завалушки высокие,
Не хотели пустить силу-армеюшку.
«Уж я сам-то, майор Зачетов,
Наперед пойду, братцы;
Свою острую шашечку наголо понесу,
И разобьем мы силу неверную,
Ту силу чеченскую».

3

Смерть полковника Власова

Как не травушка, не муравушка
К сырой земле клонится —
Царя белого армеюшка
Стоит, богу молится.
Помолившись богу, она поклонилась,
Поклонившись, на удар пошла.
Как и билися, и рубилися целый день до вечера,
И темную ноченьку до белой зари.
Да и много же там побито!
И убили полковничка Власова,
Да и там же с ним убили
Урядничка Дикова.

4

Оборона Зирян

Вспомним, вспомним мы, ребята,
Как стояли в Зирянах
И не раз Хаджи-Мурата
Мы пугали на горах.
Вот тогда случилось дело,
И куда нехорошо,
Как татарское всё племя
Возмутилось заодно.
Дружно, дружно налегали
На Аварский наш отряд,

Пули, ядра осыпали,
А картечи — ровно град.
Вот нам пули все знакомы
И картечи нипочем,
Наши храбрые солдаты
Встретят нехристя штыком.
Как проклятый басурманин
Хотел шутку подшутить —
В Зирянах стоять заставил,
Вздумал гладом поморить.
Мы рогатую скотину
Всю вконец перевели,
Стали есть мы лошадину —
И варили, и пекли.
Вместо соли мы солили
Из патрона порошком,
Сено в трубочках курили,
Распростились с табачком.
Обносились, оборвались,
С плеч свалилось всё долой —
Тут-то мы хлопот набрались,
Чтоб управиться с зимой.
Мы рогожи одевали
Вместо бурок и плащей,
Ноги в кожи зашивали
После съеденных коней.
Так кавказские солдаты
Ходят об руку с нуждой,
Завсегда горем богаты —
Его носят за спиной.

5

Смерть генерала Пассека

Князь Воронцов наш похвалялся,
Хотел штурмом горы взять!
Мы штурмом горы проходили,
Разнесли врагам поклон!
Из-за гор, ворот индейских,
Шамиль с войском выходил,
Востро шашки наострил;
Навостримши Шамиль шашки,
Воронцова в гости ждал,
Воронцов идет с отрядом,
С генералом Пассеком.
Генерал наш храбрый Пассек
Наперед кричит: «Ура!»
Как и тут вдруг уязвила
Чеченска пуля белу грудь,
Как со этого удара
Пассек на землю упал;
Он, упавши-то, валялся,
А сам речи говорил:
«Ой вы братцы, мои братцы,
Вы донские казаки!
Чечню бейте, не робейте:
С вами бог и Воронцов.
Тело мое не покиньте
На чеченской стороне!»

6

Генерал Слепцов ранен

Ой да ты заря,
То ли заря,
Да ясная наша зорюшка,
Ой да полуношная звезда
Она высоко взошла.
Ой да освети, да ты освети,
Освети нам штаб-квартирушку.
Как у нас во полку
Несчастье да случилось:
Генерал Слепцов
Крепко раненый.
Перед ним стоят
Суньжанцы, младцы казаченьки,
Состоят они, слезно плачут.
Ой да вы не плачьте,
Суньжанцы, младцы казаченьки,
Не плачьте вы,
Да вы не тужите,
Ой да поручаю я вас,
Суньжанцы, младцы казаченьки,
Всё майору Предимирову.

Солдаты Бакланова идут на приступ

Выше гор, выше гор и мечетей
Идет сотня казаков-усачей.
Вперед идет командир молодой,
Ведет бравых казаков за собой:
«Со мной, братцы, не робей,
На завалы поживей!
Скорым шагом на завал —
К крясту, первый кто вперед прибяжал!»
Чударочков впереди усачей,
Шашку в зубы — и в воду вскочил.
Вспомним, братцы, как громили Мечуки
Мы с Куринской высоты, высоты!
Смотрим, братцы, как быстро речка течет,
Полк Бакланов нам дорожку просечет.
Это, братцы, пустяки, пустяки,
Мы поднимем здешних горцов на штыки.
Как увидим мы значки у татар,
Приготовим им баклановский удар.

ПЕСНИ О СОБЫТИЯХ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

1

Циолковский на Эмбе

Лежала путь-дороженька
По гóрам, по долáм,
До славной вплоть до речки,
До речки до Еньбы.
Никто по той дорожке,
Никто не проезжал,
А шел-прошел по тропке
Один казачий полк.
А впереди пред ратью
Несут все знамена,
За знаменами едет
Полковник-молодец.
Выходит наш полковник
На гору высоко,
Глядел-смотрел полковник
В подзорную трубу,
Но ничего полковник
Тут в поле не видал,
А видел наш полковник
Одну речку Еньбу,
А вдоль по той по речке
Растет камыш-трава.
Со вечера та травка
Чего-то поднялась,
К полуночи камышик
Опять поприутих.

Вот так и наш полковник
С зарею поднялся,
Лишь выглянуло солнце,
В поход он собрался.
Попросим-ко, ребята,
Полковника-отца,
Попросим его дружно
Нам сделать здесь привал.
«Позволь, позволь, полковник,
Нам здесь поотдохнуть,
Еще позволь, полковник,
Нам коней накормить,
Еще позволь, полковник,
Нам коней расседлать,
Казачие нам седла
Позволь здесь обсушить».

2

Мимо лесику, мимо бору сырого
Пролежала путь-дороженька,
Никто по ней не прохаживал
И никто по ней не проезживал,
Только шел-прошел один полк казаков.
Наперед у них ехал злой полковничек,
Злой полковничек ехал, князь Стрелковский.
«Прикажи ты нам здесь ночевати».
Князь Стрелковский на то рассердился,
И поехал он на крутые горы,
И берет во правую рученьку подзорную трубоньку.
И поглядывал на чисто поле далекохонько;
Как во трубоньку ничего ему не видно,

Только и видно ему — быстрая речка,
Как по речушке растет камыш-травка.
Как со вечера травка притихает,
Ко полуночи травка зашумела,
Ко белой-то заре травка завевала.

3

Поход к Сырдарье

Пришел, братцы, новый год,
Мы идем все во поход.
Мы апреля дождались,
На поход мы поднялись.
Утром рано, чуть рассвет,
Трубач зорю протрубит —
Мы с постелей поднялись,
В путь-дорожку собрались.
Послы ноченьки не спали,
Их в походе провожали.
Мы песчаные мары
Проходили и в жары,
На утренней на заре
Подходили к Сырдарье.
На Дарье-речке стояли,
Легки лодки припасали,
Легки лодки припасали,
Посланничков переправляли.
Переправивши послов
До хивинских городов,
Проводили мы, простились
На родину возвратились.

Набег кочевников на Екатерининский форпост

Как на той ли Горькой линии,
В Екатерининской славной крепости
Случилось вдруг несчастье-безвременница —
Простонала же мать сыра земля
Тяжелехонько да и грустнехонько.
Из-за гор то было, гор высоких,
Из-за колочка из-за зеленого
Возмывала же туча черная —
Злы киргизушки кенисаринские.
Они сделали удар на Екатерининский форштадт,
Они выжгли его, народ вырезали,
Во полон-то брали добрых молодцов,
Добрых молодцов, всё застрельщиков;
Во-вторых-то брали красных девушек,
Посадили они их на добрых коней,
Повезли они их на Дарью-реку,
На Дарью-реку к самому паше.
Там над молодцами дивовалися,
А над девушками надругались.

5

Дуниковский отдает приказ идти
за Дарью-реку

Соберемся мы, казаченьки, во единый круг,
Станем мы на зеленый луг,
Станем думу думати заедино:
Кому из нас, казаченьки, атаманом быть?
Мы выберем атаманушку — Иванушку,
По прозванью полковника Дуниковского.
Со вечера Дуниковский приказ отдал всем:
«Чтобы были казаченьки во готовности,
Во готовности, во исправности;
Чтобы были у вас ружья чисты,
Ружья чисты, кремни востры.
А завтра нам, ребята, во поход идти
За тое ли за матушку за Дарью-реку,
Ко тому ли басурманину Кенисарову».

ПЕСНИ О ВОСТОЧНОЙ ВОЙНЕ

1

Издаlechа, издаlechа, из чиста поля
Лежала-пролегала дороженька торная.
Что никто по той дороженьке не прохаживал,
Никто следичку по широкой не прокладывал,
Только шли-прошли казаки с моря синего,
Со такою со добычей шли со промыслу.

Становилися казаченьки в Улутавские луга,
Что во те же во кустички во тарновье,
Расседлали добрых коней, потреножили,
Потреножили добрых коней, в поле пустили.
Уж как сами казаченьки глупо сделали —
Не поставили караулу, сами спать легли,
Не почаили из Ултаву грозной высылки.
Подглядел-то, подсмотрел молодой шельма киргиз,
Он кидался, он бросался во все стороны
Ко тому же ли ко султану к азиатскому:
«Уж ты злой еси, наш батюшка азиатской земли хан!
Не прикажи ты казнить, прикажи речь говорить.
Еще дай ты мне силы-армии много множество,
Много множество силы-армии — сорок тысяч человек,
Сорок тысяч человек на пятьсот казаков».
Они билися-рубилися день до вечера,
Разосенную темну ноченьку до белу свету,
Недостало у казаченек свинцу, пороху.

2

Поход под Кукан-город

Не белая заря, заря занималася,
Красное солнышко из-за гор выкаталось,
Получили мы приказ на второй эшелон —
Идти под Кукан-город.
Получивши, все богу молились
И друг с другом распростились,
А потом на ура пошли,
На ура-то пошли с главной батареешки.

Вдруг несчастье у нас случилось —
Убивали-то у нас храброго война
Прапорщика Гурьева:
Попадала ему свинцова пуля
Во белую грудь, в самое ретиво сердце,
Пал-то он на сыру землю.

3

Солдаты под Севастополем

Распроклятый француз-англичанин,
Возмутил ты чалму на нас.
Наипаче он налегает
На стрелковый третий баталион.
Пули, ядра нам знакомы,
Картечь, бомбы нипочем.
Заряжайте ружья поскорее,
Французов встретим мы в штыки.
Пули, ядра полетели,
Точно с неба сильный град.
Заставил он все пути-дорожки,
Хотел с голоду нас заморить.
Мы рогатую его скотинку
В чистом поле всю перевели,
Мы резать ее не щадили,
Мы варили, жарили, пекли.
Вместо соли посолили
Из патронов мелким порохом,
С горя трубочки закурили
И распростились с родной стороной:
«Ты прощай, родная сторонка,
Одесса славный городок.

Наши матери, наши родные
Остаются вечно горевать,
Наши батюшки родные
Остаются вечно работать,
Наши жены, жены молодые
Остаются в доме ни при чем,
Наши деточки малолетние
Остаются вечно сиротать».

4

Казакк полукчакот прикккз иди нн сркжение

Сильно буря прошумела,
Взволновалася в море вода,
Меж народу пролетело:
Нам весной иди скоро в поход,
Ружья чисты нарезные,
Шашки вострые иметь.
Под начальством Горчакова
Нам и лестно было служить,
Хотя слова два-три скажет —
Мы пойдем на смерть.
Мы французов не боимся,
Мы летим туда стрелой.
Как под кустиком под ракиковым
Казак голову свою сложил.
Вот пронзила его сердце
Свинцова пуля, насквозь прошла.
Что никто к тому телу
Не прикоснется никогда.

Прилетели к тому телу
Три сизые голубки:
Как первая голубка —
Родна маменька была,
Как вторая-то голубка —
Родна сестрица была,
А как третья-то голубка —
Молода его жена.
Мать-то его плачет —
Как река льется,
Сестра его плачет —
С гор весной ручьи идут,
Жена его плачет —
Роса утренняя,
Солнце обогреет —
Роса утренняя долой.
Вы вороны, вороны,
Загуменные карги,
Разнесите мое тело
По чистому полю врозь.

5

А ой да ты корми... кормилец ты наш,
Ей ты наш славный тихий Дон,
Ты наш славный тихий Дон!
А ой да как быва... бывалыча, Дон,
Ей, бывало, быстер бежишь,
Бывало, быстер бежишь,
Ай и да как тепе... теперича, Дон,
Ей ты наш славный тихий Дон,
Теперя смутен ты стал.

А ой да помути... помутился, Дон,
Ей весь ты сверху донизу,
Весь ты сверху донизу,
А ой да как от са... от самого, Дон,
Ей от самого озера, озера Иванова
А ой да ну до са... до самого, Дон,
Ей до самого города, города Черкасского.
А ой да помути... помутили Дон
Ей его три земелицы,
Его три земелицы:
А ой да как одна, ну одна земля —
Ей да земелюшка, земелька турецкая;
А вот и как друга... другая земля французская,
Ей ну земелюшка она;
Ай вот и ну как тре... третья земля —
Ей земля агличанская,
Земля агличанская.

6

Нахимов ведет эскадру

Шла эскадра шхун в Россию к нам.
Не дошедши она синя моря,
Набегает на нас сильный шторм.
Набегает на нас сильный шторм,
Снасти рвет, мачты у нас ломает,
Ремни с треском рвутся от бортов,
Ремни с треском рвутся от бортов.
Тридцать парусов у нас сорвало,
Руль отшибло у нас, братцы, прочь,
Руль отшибло у нас, братцы, прочь.

Нас качало, молодец, бросало
Ровнёхонько, братцы, восемь ден,
Ровнёхонько, братцы, восемь ден.
Ничего в волнах было не видно,
Кроме судна, братцы, своего,
Кроме судна, братцы, своего.
Наше судно было очень чудно —
Адмиральский славный наш фрегат,
Адмиральский славный наш фрегат.
Так матросики стоят, бедняжки,
Побледнели, братцы, все дрожат,
Побледнели, братцы, все дрожат.
Вы не плачьте, добрые молодцы,
Не печальте славный наш поход,
Не печальте славный наш поход.
С нами бог и сам Нахимов с нами,
Он не даст нам, братцы, потонуть,
Он не даст нам, братцы, потонуть,
Не погибнем, братцы, среди моря —
На фрегате храбрый адмирал,
На фрегате храбрый адмирал,
Сам Нахимов управлял эскадрой,
И не страшен был нам ураган.

ПЕСНИ О РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1877—1878 ГОДОВ

1

Как решил султан турецкий
С нами шутку пошутить,
Он собрал господ пашей-начальников,

Стал им речи говорить,
Раз, два, три,
Стал им речи говорить:
«Господа паши-начальнички мои!
Я султан, султан турецкий,
Всему царству голова,
Я задумал думу крепку
И хочу вам рассказать:
В семьдесят седьмом году
Хочу с русским воевать,
Раз, два, три,
Хочу с русским воевать.
У меня войска немало,
Есть прекрасны крепостя́,
Дунай-речка не малая,
Там есть горы и леса.
Пойдем с войском к Дунаю,
Будем место занимать,
Мы построим батареи,
Будем русского встречать,
Раз, два, три,
Будем русского встречать.
Чрез Дунай пойдем в Россию,
Мы к Одессе подойдем,
После полночи на зорьке
Вот Одессу мы возьмем.
Пускай русские не знают,
Что в Одессе мы стоим,
Пройдем Каменку и Киев,
Где наш дед шапку забыл,
Раз, два, три,
Где наш дед шапку забыл!»
Солнце греет, месяц светит,
Заря алая встает,

Не туман с моря поднялся
И не сильный дождик льет —
Растревожились солдаты,
Барабан тревогу бьет.
Войско русское поднялось,
На врага в поход идет,
Раз, два, три,
На врага в поход идет.

2

Штурм Карса

Приказал Бакланов палатки снимать,
Верно нам, ребята, в поход выступать.
Поход недалеко, под город под Карс.
Во городе Карсе ни пыль, ни кура,
Молния блистает, сильный гром гремит.
Верно, гренадеры с турком сразились.
Линейные казаки по флангам стоят,
Шашками блискают, подраться хотят.
Мы пробили стену, пошли на ура,
Били, рубили, крепко ранили,
Назад возвращались, слезно плакали.
Наши друзья, братья ранены лежат,
Руки, ноги нету, все смерти хотят.

3

Песня севастопольских стрелков

Что ж это мелькает, братцы, меж кустов,
Словно пропадает?
Цепь проворная, стрелки, вперед,
Ружья заряжайте!
Цепь проворная, стрелки, вперед,
Ружья заряжайте!
Без дорожки, братцы, без пути мы
Всюду проберемся,
Ай без дорожки, братцы, без пути мы
Всюду проберемся.
Где река, где река, плыви смелей,
Выйдем, отругнемся.
Ай где река, где река, плыви смелей,
Выйдем, отругнемся.
Взвод стрелков, взвод стрелков, всегда вперед,
Сотня, врассыпную!
Ай взвод стрелков, взвод стрелков, всегда вперед,
Сотня, врассыпную!
Протрубил, протрубил сигнальный рог,
Батальон сомкнулся,
Ай протрубил, протрубил сигнальный рог,
Батальон сомкнулся.
Кто прилег, кто прилег в большой траве,
Кто за куст пригнулся,
Ай кто прилег, кто прилег в большой траве,
Кто за куст пригнулся.
Кто первый, кто первый на вал пойдет,
Тому честь и слава,
Ай кто первый, кто первый на вал пойдет,

Тому честь и слава.
Ай севастопольцы-друзья, вперед,
Равнение направо!
Ай севастопольцы-друзья, вперед,
Равнение направо!

4

Под Плевной

Не туман с моря поднялся,
Три дня кряду сильный дождик шел —
Князь великий перправлялся,
Через Дунай с войском он шел.
Он и шел с крестом, молитвой,
Чтобы турок победить,
Чтобы турок победить,
Всех болгар освободить.
Три мы ночи шли в походе,
Притуманилось у нас в глазах.
Государь нам дал свободу
На три часа погулять.
Мы гуляли эти три часа,
Про нас знали только небеса.
Вдруг в войсках огонь открылся
И ударил военный сильный гром,
Город дымом весь покрыло,
Три часа не виден город был.
Заплакала наша Плевна,
Зарыдали все ее места,
Запропала турецкая слава
И не будет боле никогда.

ПРИМЕЧАНИЯ

Отбор и расположение текстов в настоящем издании осуществлены в соответствии с принципами, принятыми в кн.: Русская историческая песня. Л., 1987 (Библиотека поэта. Большая серия). Так же как и в этом издании, тексты подвергнуты некоторой унификации, преимущественно со стороны фонетической. Пунктуация в основном современная. Тексты печатаются без купюр, за исключением не принятых в печати выражений (они опускаются, на что указывают угловые скобки и тире внутри них). Круглые скобки принадлежат источникам, в угловых даны дополнения и конъектуры составителя. В разделе Примечания после названия песни указывается в сокращенном виде источник ее публикации (см. Список условных сокращений). Трудные для понимания или устаревшие слова поясняются в Словаре местных, архаических и малоупотребительных слов.

Список условных сокращений

- Акимова — Фольклор Саратовской области. Кн. 1./Сост. Т. М. Акимовой. Под ред. А. П. Скафтымова. Саратов, 1946.
- Астахова, Былины — Былины Севера. Т. II. Прионежье, Пинега и Поморье/Подг. текста и коммент. А. М. Астаховой. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1951.
- Баранов — Песни оренбургских казаков с напевами в 3-х выпусках/Собрал и положил на ноты Ф. Н. Баранов. Оренбург, 1913.
- Бирюков — Фольклор Урала, вып. 1: Исторические сказы и

- песни / Собрал и составил В. П. Бирюков. Под общ. ред. И. Н. Розанова. Челябинск, 1949.
- Гильфердинг — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. I—III. Изд. 4-е. М.; Л., 1949—1951.
- Григорьев — Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. I, М., 1904; Т. II. Прага, 1939; Т. III. Спб., 1910.
- Гуляев — Былины и песни Южной Сибири. Собрание С. И. Гуляева / Под ред. В. И. Чичерова. Новосибирск, 1952.
- Догадин — Догадин А. А. Былины и песни астраханских казаков. Вып. I. Астрахань, 1911.
- Железнов — Железнов И. И. Уральцы: Очерки быта уральских казаков. Т. II и III. Изд. 3-е. Спб., 1910.
- Железновы — Песни уральских казаков / Записали Александр и Владимир Железновы. Спб., 1899.
- Записки РГО — журнал «Записки Русского географического общества».
- Записки Терского общ. — журнал «Записки Терского общества любителей казачьей старины». Владикавказ.
- Иваницкий — Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные Н. А. Иваницким в Вологодской губ. / Подг. текстов, вступ. статья и примеч. Н. В. Новикова. Вологда, 1960.
- Известия АН — «Известия Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук».
- Исторические песни XIII—XVI веков — Исторические песни XIII—XVI веков / Изд. подг. Б. Н. Путилов, Б. М. Добровольский, М.; Л., 1960.
- Исторические песни XVII века — Исторические песни XVII века / Изд. подг. О. Б. Алексеева, Б. М. Добровольский, Л. И. Емельянов, В. В. Коргузалов, А. Н. Лозанова, Б. Н. Путилов, Л. С. Шептаев. М.; Л., 1966.
- Исторические песни XVIII века — Исторические песни XVIII века / Изд. подг. О. Б. Алексеева и Л. И. Емельянов. Л., 1971.
- Исторические песни XIX века — Исторические песни XIX века / Изд. подг. Л. В. Домановский, О. Б. Алексеева, Э. С. Литвин. Л., 1973.
- Казачий сборник — Казачий сборник. Вып. I. Новочеркасск, 1887.

- Киреевский — Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. VI—X. М., 1864, 1868, 1870, 1872, 1874.
- Киреевский. Новая серия — Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия / Под ред. М. Н. Сперанского. Вып. II, ч. 2 (Песни необрядовые). М., 1929.
- Кирша Данилов — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым/Изд. подг. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М.; Л., 1958 («Лит. памятники»).
- Кирша Данилов, 1804 — «Древние русские стихотворения». М., 1804.
- Кирша Данилов, 1818 — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1818.
- Корнилович — Русская старина. Карманная книжка для любителей отечественного на 1825 год. Изданная А. Корниловичем. Спб., 1825.
- Крестьянская война — Крестьянская война под предводительством Степана Разина/Сборник документов: Т. 1, 2. М., 1954.
- Листопадов — Листопадов А. Песни донских казаков/Под общ. ред. Г. Сердюченко. Т. I. М., 1949.
- ЛН — «Литературное наследство».
- Лопатин — Прокунин — Лопатин Н. М. и Прокунин В. П. Русские народные лирические песни/Под ред. и с вступ. статьей В. Беляева. М., 1956.
- Макаренко — Макаренко А. Сибирские песенные старины/«Живая старина». Вып. II. 1907.
- Марков — Марков А. В. Беломорские былины. М., 1901.
- Миц — Савушкина — Сказки и песни Вологодской области/Сост. С. М. Миц и Н. И. Савушкина. Под ред. Э. В. Померанцевой и С. В. Викулова. Вологда, 1955.
- Мякутин — Песни оренбургских казаков. Собрал сотник А. И. Мякутин. Т. I, II. Оренбург, 1904, 1905.
- Мякушин — Сборник уральских казачьих песен. Собрал и издал Н. Г. Мякушин. Спб., 1890.
- Народные исторические песни — Народные исторические песни/Вступ. статья, подг. текста и примеч. Б. Н. Путилова. М.; Л., 1962 (Б-ка поэта. БС).
- ОЗ — журнал «Отечественные записки».
- Панкратов — Гребенцы в песнях/Собрал Ф. С. Панкратов. Владикавказ, 1895.
- Пассек — Пассек Т. П. Из дальних лет. Т. I. Спб., 1881.
- Песни Печоры — Песни Печоры: Памятники русского фоль-

- клора/Изд. подг. Н. П. Колпакова, Ф. В. Соколов, Б. М. Добровольский. М.; Л., 1963.
- Пивоваров — Донские казачьи песни/Собрал и издал А. Пивоваров. Новочеркасск, 1885.
- Позднеев — Позднеев А. В. Песня о Полтавской битве//Уч. зап. Моск. заочн. пед. инст-та. Вып. 20, 1968. С. 3—24.
- Потанин — Потанин Г. Н. Юго-западная часть Томской губернии в этнографическом отношении. Этнографический сборник Имп. русского геогр. общ-ва. Вып. VI. Спб., 1864.
- Пыпин — Пыпин А. Н. Дела о песнях в XVIII веке/Известия АН. 1900. Т. V, кн. 2. С. 554—562.
- Путилов — Исторические песни на Тереке/Подг. текстов, статья и примеч. Б. Н. Путилова. Грозный, 1948.
- Путилов, 1946 — Песни гребенских казаков/Подг. текстов, вступ. статья и примеч. Б. Н. Путилова. Грозный, 1946.
- РС — журнал «Русская старина».
- Русский фольклор — Русский фольклор. Материалы и исследования. Т. I—XXIII, М.; Л., 1956 — издание продолжается.
- Рыбников — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым/Под ред. А. Е. Грузинского. Т. I—III, М., 1909—1910.
- Савельев — Сборник донских народных песен/Сост. А. Савельев. Спб., 1866.
- Сахаров — Сахаров И. П. Песни русского народа. Ч. 4. Спб., 1838.
- Секретов — Песни исторические (из сборника В. П. Секретова)//Донские обл. вед., 1875, 3/4 сентября.
- Сборник материалов — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 1—40. Тифлис, 1880—1895.
- Соколов — Соколов М. Е. Исторические песни Саратовской губернии//Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Вып. XXIV. Саратов, 1908.
- Соколов, 1896 — Соколов М. Е. Былины, исторические, военные, разбойничьи и воровские песни, записанные в Саратовской губ. Петровск, 1896.
- Соловьев — Соловьев С. М. История России с древнейших времен: В 15-ти книгах. М., 1956—1966.
- Стахович — Собрание русских народных песен. Текст и мелодии собрал и музыку аранжировал Мих. Стахович. Тетради III и IV. М., 1854.

- Трутовский — Трутовский В. Собрание русских простых песен с нотами/Под ред. и с вступ. статьей В. Беляева. М., 1953.
- Тумилевич, 1947 — Песни казаков-некрасовцев/Запись песен, вступ. статья и сведения о сказителях Ф. В. Тумилевича. Под общ. ред. П. Г. Богатырева. Ростов-на-Дону, 1947.
- Тумилевич — Фольклор Дона. Сб. 2/Сост. Ф. В. Тумилевич и М. А. Полторацкая. Ростов-на-Дону, 1941.
- Уральский фольклор — Уральский фольклор/Под ред. М. Г. Китайника. Свердловск, 1949.
- Чеканинский — Чеканинский И. Енисейские старины и исторические песни. Этнографическое обозрение. 1915. Кн. 1, 2.
- Чичеров — В. И. Чичеров. Русские исторические песни// Исторические песни. Л., 1956 (Б-ка поэта, МС).
- Чтения — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Моск. ун-те. Кн. 3. М., 1859.
- Чулков — Сочинения М. Д. Чулкова. Т. I. Собрание разных песен. Ч. I—III. 1770—1773. Спб., 1913.
- Шейн — Русские народные песни, собранные П. В. Шейном: Песни былевые. Изд. Общества истории и древностей российских при Моск. ун-те. М., 1877.
- Якушкин — Якушкин П. И. Народные русские песни. Спб., 1860.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ XIV—XVI ВЕКОВ

Щелкан. Кирша Данилов, 1818. См. об этой песне вступ. ст., с. 7. *В дальнюю землю литовскую* — эпическое обозначение «иной земли» (в былинах и исторических песнях). *Любимых шуринов, Двух удалых Борисовичев.* Здесь братья Борисовичи — эпическое обобщение: это широко известные в фольклоре «поединщички», неизменно одерживающие победу в борьбе с сильным и наглым врагом.

Взятие Казани. См. об этом цикле вступ. ст., с. 14.

1. Киреевский, VI.

2. Шейн. *Злы татарове по городу похаживают, Похваляются да выхваляются.* «Казанская история» повествует: «И начали они радоваться и веселиться: разыгрывали представления, пели нечестивые песни, размахивая руками, скакали,

плясали, играя на гусях своих и в прегубницы ударяя, поднимая громкий шум и грохот и воссылая ругательства, и насмешки, и укору русским людям, называя их погаными свиноядцами» (Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. М., 1985. С. 513).

3. Кирша Данилов, 1818. *Семион-царь* — казанский царь Едигер. После взятия Казани был привезен в Москву и крещен под именем Симеона. *Прозритель* — здесь: мудрый, прозорливый. Книжное выражение, как и другое: *великий князь московский*, — подтверждающее знакомство «автора» текста с книжной традицией. *Булат-река* — река Булак. *Царица Елена*. Речь, скорее всего, идет о казанской царице Сююнбек, которая еще в 1551 г. была выдана казанцами московскому царю, привезена в Москву и там крещена. *Вынял... очи косицами* — т. е. ослепил (вынул глаза вместе с висками. Здесь: косицы — виски). Царь Едигер (Симеон) казнен не был. Здесь, вероятно, имеется в виду судьба крымского царевича Кошкака, фаворита царицы Сююнбек, правившего в Казани в 1551 г. и казненного в Москве.

Кострюк. В песнях о Кострюке отразились народные впечатления, связанные с женитьбой Ивана Грозного на дочери кабардинского князя Темрюка (1561). С новой царицей в Москву приехали два ее брата — Михаил и Мамстрюк. Хотя имя героя песни — Кострюк — явно восходит к имени второго брата царицы, прототипом неудачливого борца был несомненно Михаил. При московском дворе он прожил десять лет, был в большой немилости у царя и в конце концов был казнен (1571). В песне действуют реальные исторические лица — Грозный, Мария Темрюковна, Никита Романович, но сам сюжет вымышлен.

1. Кирша Данилов, 1804. *Лесы брянские* — вероятно, брянские (искаж.). *Никита Романович* — брат первой жены Грозного Анастасии Романовны, умершей в 1560 г. *Середь Урья Повольского* — вероятно, речь идет о г. Юрьевец Поволжский.

2. Киреевский, VI. *Литовская земля* — см. с. 395.

3. Рыбников, II. *Молодушек станицами* — здесь: вереницами, рядами. *Ширинками* — здесь: шеренгами. *Михаила Архангела* — Кремлевский собор. *Креста Благовещенска, Ивана Великого* — креста на кремлевской колокольне, в просторечии называемой Иваном Великим.

Набег крымского хана. Известия АН. Прибавления. 1852, т. I; из песен, записанных для Ричарда Джемса в 1619—1620 гг. *Дивей-мурза* был взят русскими в плен и отправлен в Новгород в качестве пленника.

Иван Грозный под Серпуховом. Известия АН. Прибавления. 1852, т. I; из песен, записанных для Ричарда Джемса в 1619—1620 гг. Сюжет песни вымышлен. Упоминание *Краснощекова*, героя песен XVIII в. — анахронизм, так же как и упоминание *генералов* и *фельдмаршалов*. *Шахмат* — искаж., вероятно, бахмат (см. Словарь).

Смерть Михайлы Черкашенина. Кирша Данилов, 1818. Песня связана с событиями второй половины XVI в.: по поручению Ивана Грозного атаман донских казаков *Михаил Черкашенин* провожал до «донских зимовищ» посла И. П. Новосильцева, направлявшегося в Крым. Черкашенин погиб во время обороны Пскова от Стефана Батория в 1581—1582 гг. (Подробнее о песне см.: Исторические песни XIII—XVI веков. С. 668—669.)

Оборона Пскова от Стефана Батория. Денница. М., 1834. Песня связана с событиями Ливонской войны 1581—1582 гг.: героической обороной *Пскова* от армии Стефана Батория (1579 г.). В ней говорится о *Семене Константиновиче Карамышеве*. Вероятно, речь идет о реальном лице: в 1612 г. во время осады Волока Ламского королем Сигизмундом III обороной руководил воевода Иван Константинович Карамышев (см. с. 406). *Король* — Стефан Баторий. *На первый на город на Полотский. На другой-то на город Велики Луки, На третий — на батюшку на Опсков-град.* Стефан Баторий захватил Полоцк в 1579 г., Великие Луки — в 1580 г., летом 1581 г. он начал осаду Пскова. *Хотенóвич* — возможно, что здесь подразумевается литовский гетман Ходкевич, участвовавший в осаде Волока Ламского.

Гнев Ивана Грозного на сына. Рыбников, П. В определении исторической основы сюжета мнения исследователей существенно расходятся. Одни — их большинство — считают, что в песне отразилось, хотя и весьма своеобразно, действительное историческое событие — убийство Иваном Грозным своего старшего сына Ивана (1581). Другие же, исходя из

того, что во всех без исключения вариантах песни никакого убийства, собственно, не происходит, полагают, что песня возникла на совсем иной фактической основе и, по-видимому, — значительно раньше упомянутого события, которое она, таким образом, как бы предвосхитила, «угадав» его вероятность в самой логике характера Ивана Грозного. *Тут была измена великая*. Имеются в виду события 1570 г. — карательный поход Ивана Грозного против Новгорода. *Никита Романович* — см. с. 396. *Федор Иванович* — второй сын Ивана IV, впоследствии царь (1584—1598). *Малюта Стенька-вор Скурлатов сын*. Речь идет о начальнике царских телохранителей, опричнике Григории Лукьяновиче Скуратове-Бельском (по прозвищу Малюта, ум. 1573). В его образе песни олицетворяют все жестокости времен опричнины. *Настасья Романовна* — Анастасия Романовна, первая жена Ивана Грозного, из рода Захарьиных-Юрьиных (впоследствии — Романовых); венчалась с царем в 1547 г. Отличалась добротой и милосердием.

Смерть царицы. Марков. Принято считать, что песня связана с именем первой жены Грозного Анастасии Романовны; здесь отразились привычные представления о ее доброте и сдерживающем влиянии на царя. *На пяту* (о двери) — т. е. настежь открытая.

Иван Грозный молится по сыне. Догадин. *Ивану Великому* — см. с. 396.

Правеж. Киреевский, VI. Песня связана с именем Ивана Грозного. Центральный герой — персонаж вымышленный. В основе сюжета лежит факт *правежа* — так в древнерусском праве называлось взыскание с ответчика в пользу истца, сопровождавшееся физическим наказанием. В случае, если ответчик не мог заплатить долга, его выводили, ставили перед зданием Приказа (в Кремле) и били батогами по ногам — так ежедневно, в течение определенного времени. *За бесчестие заплатите ему*. Согласно древнерусскому праву за «бесчестье» (здесь: физическое наказание) выплачивалось вознаграждение, сумма которого зависела от положения лица в обществе и его должности. В данном случае царь нарушает обычное установление, поскольку это право не касалось лиц «низкого» происхождения.

Терские казаки и Иван Грозный. Путилов. По мнению собирателя, в основе песни лежат определенные события: «создание Гребенского и Терского казачьего войска, которому предшествовал период оживленных связей казаков, живших на Тереке, с Москвой» (Исторические песни XIII—XVI веков. С. 670). *Гребенские казаки* — старейшие русские поселенцы на Тереке. *Подарю вас... Тереком со притоками.* Возможно, что в песне отразилось событие 1585 г., когда Иван Грозный якобы пожаловал гребенским казакам терские земли.

Смерть Ивана Грозного. Известия АН. Прибавления. 1854, т. III. *У Ивана было у Великого* — см. с. 396. *У собора у Успенского* — имеется в виду кремлевский собор.

Песни о Ермаке. Цикл песен о Ермаке объединяет песни самого разного характера и самого разного происхождения. Это и песни о действительных подвигах и походах Ермака Тимофеевича, знаменитого атамана удалой волжской вольницы, покорителя Сибири. Это и безымянные «разбойные» песни той же волжской и донской голытьбы («голутовенных людей»). Это, наконец, и более поздний фольклор, связанный с именем других народных героев — например, Степана Разина. Историческая основа этих песен весьма слаба.

1. Догадин.

2. Сборник материалов. Вып. 39, отд. II. *Чернославские* — черноставские (искаж.), с Черноставского острова на Каспии.

3. Киреевский, VI. Возможно, песня является поэтическим откликом на первые выступления кабальных людей, предшествовавшие крестьянской войне начала XVII в. *Никите сын Иванычу* — возможно, вместо: Никите Романовичу (см. с. 396).

4. Исторические песни XIII—XVI веков. Песня соотносится с событиями Смутного времени.

5. Корнилович. Сюжет песни вымышленный. *Корабли... не орлены* — корабли, на которых не было царского герба. *Мы убили посланничка всё царского.* Развитие этого мотива см. в песне «Казаки убивают царского посла».

6. Кирша Данилов. Возможно, что в песне объединились два самостоятельных сюжета: о нападении казаков на турецкие корабли и взятии в плен дочери мурзы и о столкновении с Карамышевым (см. с. 406).

7. Кирша Данилов. *До Троицева дни*. Праздник Троицы отмечается церковью на 49-й день после Пасхи, в воскресенье. *До Петрова дни*. Петров день отмечается церковью 29 июня. *С Покрова до зимнего Николина дня*. Праздник Покрова отмечается церковью 1 октября, Николы зимнего — 6 декабря.

8. Листопадов.

9. Народные исторические песни.

10. Исторические песни XIII—XVI веков.

11. Кирша Данилов.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ XVII ВЕКА

Смерть царевича Дмитрия. Киреевский, VII. В песне отразились события начала Смутного времени: загадочная смерть царевича Дмитрия (1591) и смерть Бориса Годунова (1605).

Борис Годунов. Киреевский, VII.

Плач Ксении Годуновой. Известия АН. Прибавления, 1852, т. I; из песен, записанных для Ричарда Джемса в 1619 — 1620 гг. Во время захвата Москвы Лжедмитрием I на глазах царевны были убиты ее мать и брат Федор. Красавица Ксения была насильно сделана наложницей самозванца, а затем пострижена в монахини.

Гришка Отрепьев. Кирша Данилов; 1804. В основе песни — события кратковременного царствования Лжедмитрия I (Отрепьева Григория Богдановича). В ней действуют исторические лица: *Марина*, ее отец Юрий Мнишек (воевода Сандомирский), инокиня Марфа (в песне — *царица Марфа Матвеевна*); седьмая жена Ивана IV, Мария Федоровна Нагая, мать царевича Дмитрия, убитого в Угличе. Действие происходит в Москве. *Вешней праздник Николин день*. Николин день (летний) приходится на 9 мая. *В четверг у расстриги свадьба была*. Свадьба Лжедмитрия происходила 8—9 мая 1606 г. Большинство исторических источников называет пятницу как день свадьбы (церковь запрещала жениться в этот день недели). *Красной крылец* — дворцовое парадное крыль-

цо в Кремле. *Софеи премудрыя*. Такого собора в Кремле нет. *Ивана Великого* — см. с. 396.

«Ино что у нас в Москве учинилося...» Об М. В. Скопине-Шуйском см. вступ. ст., с. 23. Известия АН. Прибавления. 1852, т. I; из песен, записанных для Ричарда Джемса в 1619—1620 гг. *Мстиславской князь*. Вероятно, речь идет о Федоре Ивановиче Мстиславском (ум. 1622), который после свержения Василия Шуйского стал во главе боярского правительства (семибоярщины). *Воротынской*. После свержения В. Шуйского воевода Иван Михайлович Воротынский (ум. в 1534 г.), входивший в боярское правительство, претендовал на престол. *Свецкие немцы* — шведы. *Побежали немцы в Новгород*. Летом 1610 г. шведы захватили почти всю новгородскую землю и через год вошли в Новгород.

«Как бы во сто двадцать седьмом году...» Кирша Данилов, 1818. *Во сто двадцать седьмом году, В седьмом году восьмой тысячи*. Речь идет о событиях 1609 г. (в песне названа другая дата: 1619 г.; по старому летосчислению — 7127 г.). *Литва* — здесь: поляки. *Он поход чинил ко Нову-городу*. Скопин был направлен в Новгород для переговоров со шведами (*Свицкой землей*) об оказании ими военной помощи России против польских интервентов. *Карлус* — Карл IX. *Я закладываю три города русские*. Правительство В. Шуйского уступило Швеции, за военную помощь, город Корелу и отказалось от притязаний на Ливонию. *Митрофан Фунтосов*. Имеется в виду Яков Понтус Делагарди, начальник вспомогательного шведского отряда. *У того ли было князя Воротынского*. Смерть Скопина-Шуйского была неожиданной и загадочной: 23 апреля 1610 г. на крестинах у князя И. М. Воротынского он внезапно заболел и через две недели умер. В народе пошла молва, что Скопин был отравлен своим дядей Дмитрием Шуйским, завидовавшим его славе. Как на непосредственную отравительницу указывали на жену Дмитрия Шуйского Екатерину, дочь Малюты Скуратова (см. с. 398). Говорили о причастности к отравлению самого царя — В. Шуйского (см.: «Повесть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского»//Русская историческая библиотека. Т. XIII, Спб., 1909. С. 672—683).

Василий Шуйский. Киреевский, VII. В песне отразилось своеобразное отношение народных масс к «боярскому» царю Василию IV *Шуйскому* (1552—1612). Известно, что Шуйский не был популярен ни в среде бояр, ни в народе. Однако в песне симпатии народа оказываются на стороне царя. Вероятно, это объясняется тем, что он был низложен боярством, что он — жертва, «хороший» царь, погубленный «злыми» боярами. *На высокой колокольне.* Имеется в виду Иван Великий (см. с. 396). *Во Сибирь его послали.* Шуйский по низложению был увезен в Польшу, где и умер в плену в 1612 г. *Петрушку-самозванца.* Анахронизм. Лжепетр (Илейка), выдававший себя за сына царя Федора, выступил еще при Лжедмитрии, но был разгромлен войсками Шуйского и убит.

Ляпунов и Гужмунд. Киреевский, VII. Прокофий *Ляпунов* — один из вождей первого ополчения, принимавший участие в движении Болотникова, но затем перешедший на сторону Шуйского и пожалованный за это в думные дворяне. Он встал во главе народного ополчения во время польской интервенции, но постоянный социальный антагонизм внутри самого ополчения мешал единству действий и в конце концов привел к открытому бунту казаков, результатом которого явилось убийство Ляпунова. *Гужмунд* — польский король Сигизмунд III (в летописи Жигимонт).

Минин и Пожарский. Киреевский, VII. Организация нижегородского ополчения связана с именем *Козьмы* Минина — земского старосты, обратившегося к посадку с призывом освободить Московское государство от польских и литовских разорителей. Командование ополчением было предложено воеводе князю Дмитрию Михайловичу *Пожарскому*, отличавшемуся политической честностью и большими воинскими способностями. С самого начала борьбы с польской интервенцией Д. М. Пожарский руководил русскими отрядами. В 1611 г. он возглавил передовой отряд первого ополчения и во время московского восстания против поляков был тяжело ранен. После освобождения Москвы и разгрома поляков состоялся земский собор (в январе-феврале 1613 г.), на котором происходили выборы царя. В числе возможных претендентов на престол назывался и князь Пожарский (см.: Лопаткин В. Земские соборы древней Руси. Спб., 1885. С. 125—126). Однако выборы находились в руках представителей влиятельного бо-

ярства, дворянства и духовенства, которых более устраивала кандидатура Михаила Романова.

Царь Михаил Федорович. Киреевский, VII. 21 февраля 1613 г. на Земском соборе в качестве претендента на престол был назван представитель рода крупных землевладельцев Михаил Федорович Романов (1596—1645). *Переставился во полночи Василий-царь*. См. с. 402. В. Шуйский был низложен в 1610 г., а умер он два года спустя в польском плену.

Поп Емеля. Киреевский, VII. Песня возникла и, по-видимому, бытовала главным образом в районах, охваченных в период Смуты народными волнениями. В ней ощутимо отрицательно-пренебрежительное отношение к самозванцу и его жене, что дает основание полагать, что песня получила распространение уже после переворота 1606 г. и свержения Лжедмитрия. Возможно, что песенный образ *попа Емели* связан с конкретным историческим лицом — попом Еремеем Покровским из подмосковного с. Кудинова, главарем одного из отрядов, участвовавших в общей борьбе с иностранной интервенцией начала XVII в. (подробнее см.: Исторические песни XVII века. С. 342—343).

Поход царя Михаила Федоровича на Астрахань. Киреевский, VII. Историческая основа песни — разгром приверженцев Заруцкого в Астрахани (1614 г.); правда, царь Михаил Федорович в освобождении города не участвовал. *Злодеи буруцкие* — вероятно: Заруцкие (искаж.).

Возвращение Филарета. Известия АН. Прибавления. 1852, т. I; из песен, записанных для Ричарда Джемса в 1619—1620 гг. В песне отразился реальный факт: торжественный въезд в Москву отца царя *Михаила Федоровича* (см. выше) митрополита Филарета, выкупленного в 1619 г. из польского плена. Въезд происходил 14 июня 1619 г. *Вывез много князей-бояр*. Филарет был возвращен в Москву вместе с другими русскими пленниками по размену. *Вывез государева боярина Князя Михаила Борисовича Шеина*. М. Б. Шеин был в числе обмененных русских. *Дядюшка Иван Микитич боярин*. У Филарета в Москве был брат И. Н. Романов.

Песни об Азове. См. об этом цикле вступ. ст., с. 18.

1. Мякутин. Т. I.

2. Киреевский, VIII. В песне, вероятнее всего, отразился факт взятия Азова донскими казаками в 1637 г. *Иван Заморянин* — видимо, лицо вымышленное.

3. Киреевский, VIII. *Чаган* — приток Яика.

4. Корнилович. По мнению В. Ф. Миллера, *Сенька Маюцков* — это Левка Маницкий, перебежавший к Азовскому паше незадолго перед осадой Азова Петром I и расстрелянный впоследствии в Черкасске (Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности. Т. III, М., 1924. С. 324). *Не поставили б они башенки на усть речки Каланчи* и т. д. Турки, владевшие Азовом, запирали все выходы в Азовское море из Дона и из его притоков: на берегах ставили башни, а устья рек перегораживали тяжелыми цепями. Применялась также и особая сигнализация — «струны» (веревки), соединенные с колоколами. *Каланча, Роговая* — притоки в устье Дона.

5. Известия АН. Прибавления. 1852, т. I.

Гибель С. Р. Пожарского. Кирша Данилов. Князь *Семен Романович Пожарский* весной 1659 г. участвовал в осаде Конотопа, занятого тогда татарами и союзными с ними польскими войсками. Польский воевода Выговский, укрыв в засаде значительное войско, напал на осаждавших Конотоп русских, перебил много людей и угнал лошадей, а затем начал отступление, чтобы вызвать погоню и причинить осаждающим наибольший урон. Русская конница во главе с Пожарским пустилась преследовать неприятеля. Когда на второй день погони отряды Пожарского переправились за болотную речку Сосновку, поджидавшее их вражеское войско бросилось в атаку. В жестоком бою Пожарский был взят в плен и отвезен на допрос. Московский толмач Фролов, который был очевидцем смерти воеводы в стане татар, сообщал, что хан приказал умертвить князя за то, что он неоднократно воевал с крымцами. Другой исторический источник говорит о смелых, презрительных ответах Пожарского на допросе, за которые он и заплатил жизнью (см.: Корсакова В. Пожарский С. Р. // Русский биографический словарь. Т. Плавильщиков-Примо. Спб., 1905).

Русское войско под Смоленском. Русский фольклор. Т. III. Возможно, в песне отразились события 1632—1634 гг.:

неудачная для России война за *Смоленск*. У горы *Покровской* в 1633 г. шли кровопролитные сражения. Князь *Илья* Милославский (в песне: *Мирославской*) к этой войне отношения не имел: он был воеводой во время войны 1654 г. *Яков Люпопостович* — вероятно, искаженное имя шведского полководца Якова Понтуса Деллагарди, обычное в песнях о Скопине (см. с. 401). *Схóня* — вероятно, сходни.

Царь и бояре решают судьбу Смоленска. Гильфердинг. Т. II. *Смоленск*, испытавший многократные посягательства со стороны Литвы и Польши, был захвачен поляками в 1611 г. после почти двухлетней осады. Москва неоднократно пыталась отвоевать город, и, в частности, в войне с Польшей 1632—1634 гг., когда русская армия во главе с воеводой М. Б. Шеиным (см. с. 403) более года стояла под стенами Смоленска. Осада, отнявшая много сил и средств, окончилась неудачей. Только в 1654 г. Смоленск был освобожден и в результате переговоров с Польшей сначала возвращен на тринадцать с половиной лет, а затем навсегда вошел в состав Московского государства. В песне отразились чрезвычайно важные и продолжительные переговоры о возвращении Смоленска. Хотя земского собора в Смоленске в действительности не было, но самим изображением его в песне выражено отношение народа к борьбе за город и к возвращению его в состав русской земли. Упоминание о литовском и шведском королях отражает намерения Швеции и Литвы использовать в своих целях войны Москвы с Польшей. Финал песни — приказ царя казнить бояр, наставивших на сдачу Смоленска, — в какой-то мере представляет отклик на факт осуждения и казни полководцев Шеина и Измайлова, сдавших в 1634 г. полякам армию под Смоленском. Имена князей Хованских и бояр Милославских оставили след и в истории русско-польских событий 1658—1667 гг., и в истории Смоленска. У *Архангелы Михайлы*, у *Ивана у Великого в соборе* — см. с. 396. *Полочка* — сиповочка (искаж.; см. Словарь).

Поход под Ригу. Кирша Данилов. Осада *Риги* — исторический факт периода войны со Швецией (1656 г.). Царь *Алексей Михайлович* принимал непосредственное участие в войне. Опорными пунктами наступления были с юга Смоленск, Витебск, Полоцк, а с востока — Новгород, Псков, Дерпт (Тарту). Вначале наступательные действия разверты-

вались успешно: были взяты города Кокенгаузен (Кокнес), Динабург (Даугавпилс). 21 августа началась осада Риги, вскоре были заняты предместья, но город получал подкрепление с моря, а у русских войск не было флота. Осада затянулась до глубокой осени; из-за осеннего бездорожья осложнялось снабжение армии. 23 октября 1656 г. русские войска вынуждены были снять осаду.

Соловецкое восстание. Исторические песни XVII века. Соловецкое восстание началось в 1668 г. Непосредственным поводом к нему послужил приказ патриарха Никона ввести новый порядок богослужения и принять новые, исправленные по греческим образцам богослужебные книги. Братия монастыря отказалась подчиниться приказу, объявив нововведения «латинской ересью», и не пустила в монастырь патриарших послов. В ответ на это из Москвы был прислан стряпчий Волохов с отрядом стрельцов. Началась осада монастыря, продолжавшаяся более семи лет. Только в 1676 г. в результате измены одного монаха, указавшего потайной вход в монастырь, воеводе Ивану Мещеринову удалось овладеть монастырем. В песне отразилась вся сложность соловецкого восстания, и характерно, что бытовала она, главным образом, в раскольничьей среде. Здесь упомянуты основатели монастыря — старцы *Зосима* и *Савватий*.

Рождение царевича Петра. Кирша Данилов.

Убийство Карамышева. Трутовский. Царский воевода Иван *Карамышев* был послан в 1630 г. к казакам с грамотой, в которой им предлагалось выступить против Польши под началом турецких пашей. Не желая воевать под водительством своих врагов и заподозрив Карамышева в том, что он намеревается силой заставить их заключить союз с турками, казаки схватили воеводу, избили и утопили в Дону. Москва была вынуждена оставить это преступление безнаказанным. Однако казаки, понимая, что убийство царского посла может привести к серьезным последствиям, всячески стремились изобразить дело так, будто Карамышев вел себя с ними непочтительно, чем нарушил и царскую волю. Эта версия и отразилась в песнях цикла.

Песни о Разине. См. об этом цикле вступ. ст., с. 26.

1. Чулков. Ч. I. Песни цикла отражают тот резкий антагонизм, который характеризовал взаимоотношения между «голутвенным» казачеством и «домовитой» казачьей верхушкой и который был постоянным, незатухающим очагом классовой борьбы на Дону в XVII—XVIII вв. С подобных столкновений в казачьем «круге» начинались обычно все социально-политические движения «голутвенного» казачества, в том числе и разинское движение. Насколько близко передают песни характер и самую обстановку этих столкновений, можно судить по некоторым документальным свидетельствам того времени. «А в кругу де он, Стенька, всем вслух говорил: — Атаманы де молотцы, куда мы пойдем отсюда, на море ли по Волге или к иному царю служить? И в кругу старшина сказали ему, Стеньке, и всем казакам, что они иному царю служити не хотят, а пойдем де мы все на Волгу на бояр и воевод. И Стенька де, взяв саблю наголо, говорил им всем, что он на великого государя идти и руки поднять не хочет, лутче де ево тою саблею голову отсеките или в воду посадите. И казаки донские, которые тут же были в кругу, говорили ему... что де бояря не велят нам ходить на море и на Волгу, и от того мы стали наги и голодни. И ныне де пойдем на бояр и воевод на Волгу за то, что де бояря и воеводы нас голодом морят... И Стенька де Разин им сказал, что добро, пойдем завтрее по Волге» (Крестьянская война. Т. I. С. 253). *Во Черкасском городе.* Черкасск — центр Донского казачьего войска.

2. Исторические песни XVII века. В начале 1670 г. на Дон приехал царский дьяк Евдокимов с тайным поручением к войсковому атаману Корниле Яковлеву поднять казаков против Разина и выдать его Москве. «А воровских шатостных людей за крепким атаманским постереганием и старшин всего войска бережением здержите и от указа нашего государского и от истинного своего послушания не отступите» (Крестьянская война. Т. I. С. 193). Разин, явившись в круг, спросил Евдокимова, кто его прислал — царь или бояре. На слова Евдокимова, что он послан царем и имеет на руках царскую грамоту, Разин ответил, что Евдокимов лжет и что грамота его — поддельная. По приказу Разина дьяк был схвачен и убит. *Есаул гребенской* — помощник атамана.

3. Догадин. В песне отразились некоторые обстоятельства, связанные с походом разинцев на Яик летом 1667 г., в частности, взятие Яицкого городка. «А приходили де те во-

ровские казаки, атаман Стенька Разин, а с ним человек с 40 воровских казаков, к городovým воротам и просились в Яицкой городок к церкви помолитца. А голова де Иван Яцын тех воровских казаков, атамана Стеньку Разина, а с ним казаков человек с 40, в город пустил» (Крестьянская война. Т. 1. С. 138).

4. Чулков. Ч. III. Один из традиционных мотивов казачьих песен, который, однако, может быть связан с реальными событиями — с тяжелой зимовкой разинцев после персидского похода на островах *Каспийского моря* (1668—1669).

5. Чулков. Ч. III. Хотя чисто «разинских» реалий в песне нет, включение ее в разинский цикл все же вполне оправданно: именно из Астрахани высылались против Разина стрельцы в 1667—1669 гг. Нет, однако, и оснований утверждать, что в песне отразился конкретный исторический факт — гибель разинского есаула Сергея Кривого. Вероятнее всего, перед нами одна из традиционных «удалых» песен, вовлеченных позднее в орбиту разинского фольклора.

6. Народные исторические песни. Слава «заговоренного», непобедимого воина, которому помогают сверхъестественные силы, спутствовала Разину еще при жизни. Одной из причин этого была поразительная легкость многих его побед, а также то огромное, поистине магическое воздействие, которое оказывали на народ его возвания. Крупнейшие волжские города сдавались ему без единого выстрела, многочисленные отряды царских войск переходили на его сторону по первому его слову. В ряду легенд о Разине следует рассматривать и романтический эпизод с девкой-астраханкой, эпизод, который, впрочем, проник в разинский фольклор, по-видимому, в сравнительно поздние времена, когда образ Разина уже утратил исторические черты и стал восприниматься как обобщенный образ удалого разбойника типа атамана Кудеяра.

7. Трутовский. *Черноярский городочек* — Черный Яр на Волге, где Разин разбил стрелецкий отряд князя Львова. *Со великого раскату воеводу долой сбросил*. С раската казаки сбросили астраханского воеводу И. С. Прозоровского.

8. Киреевский, VII. См. об этой песне вступ. ст., с. 30

9. Чулков. Ч. III. С. Т. *Разин* был казнен 6 июня 1671 г. на Болоте, за Москвой-рекой.

Песни разинцев. См. об этом цикле вступ. ст., с. 27.

1. Народные исторические песни.
2. Шейн.
3. Киреевский, VII.
4. Исторические песни XVII века.
5. Железновы.
6. Мякушин.
7. Соколов.
8. Русский фольклор, III.
9. Чулков. Ч. III.
10. Чулков. Ч. I.

Расправа с губернатором. Чулков. Ч. III.

Казачи убивают князя Репнина. Кирша Данилов, 1818. Песня не соотносится с реальным историческим фактом. В Астрахани был воевода Борис (а не Данила) *Репнин*, но об убийстве его казаками никаких сведений нет. *Коловинские острова*. На Кулалинском острове разинцами был устроен городок.

Князь Голицын возвращается в Москву. Исторические песни XVIII века. *К Казанскому собору*. Церковь Казанской божьей матери стояла напротив Кремля. В песне отразился эпизод из истории крымских походов, предпринятых правительством Софьи в 1686 и 1689 гг. Возглавлявший поход фаворит царевны князь Василий Васильевич Голицын (1643—1714) вынужден был с позором возвратиться в Москву.

Атаман Фрол Минаев жалуется Петру I. Кирша Данилов, 1818. В рукописи текст поврежден, и отмеченные отточиями места не прочитаны. Казачий атаман *Фрол Минаевич Минаев* с 1680 по 1700 г. участвовал в крымском и азовских походах. В песне отразились мотивы жалоб на тяжесть этих непопулярных походов. *Люттик* — турецкий форт близ Азова. *Во Черкасском... городке*. См. с. 407. *Гребенские... казаки*. См. с. 399. *От Васьки от Голицына*. См. предыдущее примеч.

Песни о восстании стрельцов. Песни представлены различными сюжетами, связанными с воспоминаниями о жестоком подавлении известного стрельцкого

восстания 1698 г. Стрельцы, недовольные политикой Петра I и подстрекаемые Софьей, заключенной в монастырь, воспользовались поездкой царя за границу и подняли бунт. Он был подавлен, многие его участники казнены.

1. Киреевский, VIII. *Петр Федорович* — ошибочно, вместо: Алексеевич. *Красён крылец* — см. с. 400.

2. Киреевский, VIII.

3. Киреевский, VIII.

4. Чулков. Ч. II.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ XVIII ВЕКА

Песни о Северной войне. Один из наиболее крупных песенных циклов XVIII века. Сюжетный его состав весьма сложен и многообразен. Примечательной его особенностью является то, что значительное место в нем занимает солдатская песня с ее лирическим складом, с ее широкой «географией» сражений и походов, в которых принимал участие русский солдат.

1. Макаренко.

2. Соколов, 1896.

3. Киреевский, VIII. Сюжет характерен для солдатских песен о тяжести походов. Возможность отнесения его к песням, связанным с Северной войной, основывается на упоминании цели похода (*земля шведская, граница государева* и т. д.), а также на употреблении имени известного полководца петровского времени, генерал-фельдмаршала Б. П. Шереметева (1652—1719) как военного начальника.

4. Киреевский, VIII. В песне речь идет о народных представлениях, связанных с событиями Северной войны: шведский король растерян от неожиданного появления русских войск; изображение сражения трагично; подчеркнуто количество павших (*реки кровавые*). *Большой барин*. Возможно, речь идет о Б. П. Шереметева.

5. Чулков. Ч. III. В основе песни — один из наиболее ярких эпизодов Северной войны: осада и взятие шведской крепости Нотебург (Орешек) в сентябре 1702 г. Небольшая, но хорошо укрепленная крепость оказывала серьезное сопротивление и сдалась после длительной осады и «по жестоком и чрезвычайном, трудном и кровавом приступе» — так писал

Петр I, лично руководивший осадой Орешка (Соловьев. Кн. 8. С. 467). Царь переименовал *Орешек* в *Шлиссельбург*.

6. Чулков. Ч. II. Сюжет порожден исторической обстановкой XVIII в.: в нем отразилось народное представление о взаимоотношениях Петра I и казаков, охраняющих от шведов русскую землю. *Шлюшин* — Шлиссельбург. *Казаки... гребенские* — см. с. 399.

7. Чулков, Ч. II. Сюжет традиционен; крепость Шлиссельбург (в песне — *Слюсельбург*) была взята при помощи подкопа и взрыва. *Преображенские и семеновские* — солдаты одноименных регулярных петровских полков.

8. Чулков. Ч. II. В песне отразились впечатления от тягот Северной войны. *Накануне было светлого воскресенья* — т. е. накануне праздника Пасхи. *Успенский собор* — в Кремле. *Как быть-то мне, боярину, убиту... под Полтавой*. Б. П. Шереметев умер в Москве в 1719 г.

9. Иваницкий. В основе сюжета — распространенный мотив жалобы на тяготы царской службы.

10. Позднеев. По всей вероятности, сюжет сложился под воздействием слухов, особенно распространившихся перед Полтавской битвой, о намерении Карла XII овладеть Полтавой и Москвой, о «росписи» им московских квартир для своего войска. Слух о намерениях шведского короля, в свое время поразивший народное воображение, отразился и в других песнях, связанных с событиями русско-шведской войны. *Он приступом Платаву взять не может*. Из исторических источников известно, что шведы произвели десять приступов, но не смогли овладеть Полтавой.

11. Позднеев. Сюжет песни, очевидно, связан с событиями русско-шведской войны. В эпизоде погони за шведским королем преломились, вероятно, впечатления Полтавской битвы, когда русские войска во главе с Александром Даниловичем Меншиковым (в песне — более популярный герой — Б. П. Шереметев — см. с. 410) преследовали остатки шведского войска и в том числе Карла XII. Детали военного снаряжения русских полков (*оружье долгомерно, пушки-галанки* и т. п.) соответствуют петровскому времени.

12. Кирша Данилов. В сюжете отразились некоторые конкретные факты Северной войны: участие самого Петра I в осаде Юрьева и Орешка (см. с. 410), сражение при *Красной Мызе*, которое произошло на подступах к Шлиссельбургу в 1702 г., присутствие в составе русских войск донских казаков,

выступление войск Б. П. Шереметева (см. с. 410) именно из Пскова и др. *Казаков... гребецких* — см. с. 399.

13. Григорьев. В основе сюжета — одно из событий Северной войны: осада и взятие русскими войсками шведской крепости Рига. Для ее штурма были посланы значительные силы русских, в том числе и войска Б. П. Шереметева (о нем см. с. 410), однако взять крепость удалось лишь в результате длительной осады (1709 — июль 1710) и усиленной бомбардировки. Песенные тексты с этим сюжетом не содержат каких-либо конкретных исторических деталей: хотя в них используются ставшие обычными для песен Петровской эпохи такие реалии, как сенаторы, Преображенский и Семеновский полки, гренадерские роты и т. д. *Стали проздравляти императора-царя*. Анахронизм: Петр I принял титул императора только в 1721 г.

14. Чулков. Ч. I. Отдельные реалии (Петр I едет за границу или возвращается оттуда, сам сидит у руля и т. п.) говорят о вполне конкретной исторической обстановке, отразившейся в песне. *Морю по Хвалынскому* — Каспийскому. *Стекольный* — Стокгольм.

15. ОЗ. 1858, № 1. Сюжет навеян, по всей вероятности, слухами о пребывании Петра I за границей. Поездка царя инкогнито в чужие страны явилась темой многочисленных слухов и легенд. Песня испытала их несомненное воздействие (ср. легенду о пребывании Петра I в плену у девицы, управляющей Стекольным царством, — Соловьев. Кн. 8. С. 100). Высказывалось предположение, что в данной песне отразились смутные реминисценции легенды о каком-то покушении на жизнь царя в шведской земле.

КазакИ допрашивают Долгорукова. Панкратов. Имя Долгорукого в этой и следующей песне не поддается уточнению. Песенный образ основан на народном представлении о князе-притеснителе.

Солдаты судят Долгорукова. Озаровская О. Э. Бабушкины старины. Пгр., 1916. *Среди-то было Китаю да славного города*. Речь идет о Китай-городе в Москве. *Семи... верхов*. Здесь: верхи — вершки (вершок — 4,4 см.).

Корабельщики бранят князя Гагарина. Киреевский, VIII. Основа сюжета — реальные впечатления от казни (в 1721 г.) сибирского губернатора Матвея Петровича Гагарина, отличавшегося беспримерным казнокрадством и взяточничеством. Московский дворец Гагарина на Тверской улице выделялся из всех княжеских домов того времени своей исключительной роскошью. Однако упоминание о казни имеется лишь в некоторых текстах. Другая редакция сюжета содержит один основной мотив: обличение князя (Меншикова, Голицына) в хищениях.

Казакі бранят Меншикова. Чулков. Ч. I. *Снарядные* — снаряженные. Александр Данилович Меншиков (1673—1729) — крупный военачальник, светлейший князь, с 1727 г. генералиссимус, ближайший сподвижник Петра I. Он отличался склонностью к взяточничеству и разного рода злоупотреблениям. *Сдунинаю воспевать* — смысл выражения неясен.

Загорелась Москва от больших господ. Народные исторические песни. Князя Гагарина и Шереметевы в XVIII в. были знатнейшими и богатейшими представителями московского барства.

Царь казнит Долгорукова. Народные исторические песни. Возможно, что в песне соединились воспоминания о казни колесованного в 1739 г. фаворита Петра II князя Ивана Алексеяевича Долгорукова и об опале замешанного в деле царевича Алексея князя Василия Владимировича Долгорукова (1667—1746). Последний был привезен в Москву, но, благодаря заступничеству сенатора князя Якова Федоровича Долгорукова, казнен не был, а только сослан (в 1718 г.).

Молодцев отправляют на Ладожский канал. Чулков. Ч. I. В песне отразились впечатления участников сооружения Ладожского канала, строительство которого началось в 1718 г.

Пострижение царицы. Народная поэзия Горьковской области, вып. 1. Горький, 1960. В основу сюжета лег запечатлевшийся в народном сознании факт насильного пострижения Петром I первой жены Евдокии Федоровны Лопухиной. В 1698 г. царица Евдокия была заточена в *Покровский монастырь* в Суздале, а в 1699 г. тайно пострижена. Бытование

сюжета в XVIII в. зафиксировано историческими документами, которые свидетельствуют, что исполнение песни воспринималось как попытка опорочить царскую фамилию и влекло за собой суровое наказание. *Во тли* — в тот ли (искаж.).

Песни об Игнати Некрасове. Цикл связан с восстанием К. А. Булавина 1707—1708 гг., начавшемся на Дону. Поводом явились действия полковника Ю. В. Долгорукова, потребовавшего выдать 3000 беглых крепостных крестьян. Казаки, возглавляемые К. Булавиным, не подчинились приказу и перебили отряд Долгорукова; погиб и он сам. Правительство бросило на подавление восстания крупные силы, возглавляемые братом убитого Долгорукова, и восстание было разгромлено. Народная поэзия связала все эти события с именем одного из сподвижников Булавина — Кондратия Некрасова. Такой выбор не случаен. Дело в том, что после разгрома восстания Некрасов увел на Кубань (тогда это были турецкие владения) 2000 казаков, основав там своеобразную казачью «республику» со своими законами (эти законы сохраняли силу у нескольких поколений казаков-эмигрантов в Турции).

1. Железнов. *До города Черкасского* — см. с. 407. *Красен крылец* — см. с. 400.

2. Сахаров.

3. Тумилевич, 1947.

4. Мякутин. *Матушка-Катеринушка* — Екатерина II. При ней продолжалась эмиграция в Турцию.

5. Тумилевич, 1947. *Стремины* — стремнины (искаж.).

6. Тумилевич.

7. Тумилевич, 1947.

Поединок казака с турком при Петре I. Исторические песни XVIII века. В песне отражен традиционный мотив поединка, приуроченный к событиям петровского времени; песня содержит также некоторые характерные детали сетования казаков на притеснения и насильственные перемены в их быте.

Поход Бековича-Черкасского на Хиву. Казачий сборник. В 1716 г. по распоряжению Петра I на завоевание Хивинского ханства был отправлен из Астрахани через Гурьев отряд князя Александра Бековича-Черкасского, состоявший, в частности, из яйцких и гребенских (см. с. 399) казаков.

Петр I и князь Ганджерин. Исторические песни XVIII века. Песня, по предположению Б. Н. Путилова, восходит к XVI в.: сходный мотив содержится в песне об Иване Грозном и Гагарине. В Кабарде было черкесское племя Биберты: связь сюжета с черкесами также была характерна для времен Грозного (Путилов. С. 120—121). *Городом Бебердом* — название вымышленное, очевидна его связь с наименованием черкесского племени.

Нападение горцев на калмыков. Панкратов. По мнению Б. Н. Путилова, сюжет может быть соотнесен с разными событиями XVIII в.; главное в них — столкновение горцев и калмыков в 1717 г. во время переговоров Петра I с калмыцким ханом. В распоряжении хана в то время находился русский казачий отряд (Путилов, 1948. С. 122). *Вояси* — гой еси (искаж.).

Краснощекоев под Дербентом. Исторические песни XVIII века. Песня, по-видимому, основана на впечатлениях от похода Петра I в 1722 г. в принадлежавшие тогда Персии земли на западном берегу Каспийского моря. В походе участвовало около 20 тысяч русских казаков, не считая других войск. Донскими казаками командовал бригадир Донского казачьего войска *Иван Матвеевич Краснощекоев* (ум. 1742).

Шереметев набирает солдат для армии. Сказки, песни, частушки Вологодского края//Народное устно-поэтическое творчество Вологодского края. Вологда, 1965. Тема вербовки солдат характерна для Петровской эпохи. Набором солдат ведали многие петровские генералы; в данном случае песня прикреплена к Б. П. Шереметеву (см. о нем с. 410).

Петр I возвращается из церкви. Астахова, Былины. Традиционный сюжет, в основе которого — изображение торжественного царского выезда. В данном случае он прикреплен к Петру I.

Царь и солдаты в кружале. Листопадов. Сюжет песни может быть соотнесен с народными толками и слухами о Петре I, о его путешествии инкогнито.

Молодец на правеже. Известия АН. Прибавления. 1852. Т. 1. Сюжет раннего происхождения. Известны варианты, связанные с именем Ивана Грозного (см. с. 398). *Мужики-кашилы.* — Смысл слова «кашилы» неясен.

Рождение царевича Алексея. Шейн.

Царевича Алексея хотят казнить. Шейн. В песне использован сюжет ранней исторической песни о гневе Ивана Грозного на сына с введением в него имени Петра I и *царевича Алексея* и в то же время с сохранением имени *Никиты Романовича* (см. с. 396).

Царя встречает Меншиков. Исторические песни XVIII века. По предположению Б. Н. Путилова, в песне отражено падение роли Москвы в связи с основанием Петербурга (Путилов. С. 116).

Добрый молодец и Петр I. Рыбников. Т. II. Песня передает народные представления о «добром» царе и прикреплена к Петру I. *Хоть малый жеребечек.* Здесь: хоть малую часть.

Петр I борется с драгуном. Киреевский, VIII. Традиционный сюжет, прикрепленный к Петру I; выражает народное представление о «демократическом» царе (отразившееся также в преданиях и сказках о Петре I).

«Как за реченькой за Волгою...». Шейн. Сюжет соотносится с петровским временем, организацией регулярной армии, солдатчиной и т. п.

«Не бела зоря занималася...». Киреевский, IX.

«Не во матушке было, было в Россиюшке...». Записки Терского общ. В песне использованы мотивы похоронных плачей. *Гребенской-ат казак* — см. с. 399.

«Во славном городе во Санкт-Питере...». Киреевский, VIII.

Вести о восстании на Дону. Сахаров. И. И. *Фролов* был атаманом Донского войска с 1735 по 1738 г. *Город Черкасский* — см. с. 407.

Долгорукова ведут на казнь. Киреевский, IX. В 1739 г. в Новгороде были казнены четверо князей Долгоруковых, политических противников Анны Иоанновны. Вероятнее всего, в песне речь идет о 30-летнем И. А. Долгорукове (см. о нем с. 413), приговоренном к колесованию. За несколько лет до казни к нему в ссылку приехала его невеста Н. Б. Шереметева, вопреки возражениям родных вышедшая за него замуж.

«Уж ты ягодка, ты смородинка...». Исторические песни XVIII века. Возможно, что песня представляет собою отклик на опалу князей Долгоруковых по смерти Петра II, соединяя с этими мотивами некоторые черты, унаследованные еще от эпохи Петра I. Не исключено также, что центральный мотив песни навеян ссылкой Алексея Григорьевича Долгорукова (ум. 1734) и его жены в Березов вместе с другими членами семьи Долгоруковых.

Казнь боярина. Чулков. Ч. II.

«Ох не три поля кручинушки изнасяно...» Исторические песни XVIII века. В песне о бегстве Лещинского речь идет о претенденте на польский престол Станиславе *Лещинском*, которого польский сейм при поддержке Швеции и Франции, вопреки противодействию России и Австрии, избрал в 1733 г. королем. Русские войска в июне 1734 г. вступили в Польшу и осадили Лещинского в Гданьске (*подо городом, подо Гранским*). Город сдался, а сам Лещинский бежал в Пруссию.

«Красно солнушко с светлым месяцем поразмолвилось...». Исторические песни XVIII века. См. предыдущее примеч.

Краснощеков в плену. Корнилович. Участник многих походов и войн — с Швецией, Турцией, Персией — бригадир Донского казачьего войска Иван Матвеевич *Краснощеков* пользовался огромной популярностью среди солдат и казаков. Во время русско-шведской войны 1741—1742 гг. в сражении под Гельсингфорсом (1742) попал в плен и там погиб. В изображении обстоятельств его гибели песни опираются не столько на реальные факты, сколько на традиционную сюжетную ситуацию, разработанную еще в XVII в. в песнях о гибели

С. Р. Пожарского (см. с. 404). *Левенгаупт* командовал шведской армией в войне 1741—1742 гг.

Краснощеков сражен пулей. Исторические песни XVIII века. *Городом... Гельцемфорсом*. Имеется в виду Гельсингфорс. В *Успенском соборе* — в Кремле.

Гибель Краснощекова. Чулков. Ч. III. Сюжет имеет более раннее происхождение. В данном случае он прикреплен к Краснощекову. *Поимали же Краснощекова на черной грязи*. О пленении Краснощекова см. выше. Отряд Краснощекова был окружен на болоте; возможна связь этого факта с упоминанием в песне «черной грязи». *Хан крымский, татарины* — анахронизмы.

Песни о Семилетней войне. См. об этих песнях вступ. ст., с. 33.

1. Киреевский, IX. Возможно, что песня связана со следующими событиями: по русско-австрийскому союзному договору 1746 г., заключенному на 25 лет и позднее подтвержденному, обе стороны обещали друг другу помощь войсками. В 1757 г. австрийское правительство попросило у России помощи против Фридриха II. Русская армия вступила в войну с Пруссией.

2. Чулков. Ч. II. Песня связана с Семилетней войной (армия выступает к прусским границам), но не приурочена к какому-то конкретному событию.

3. ЛН. Т. 79. М., 1968. Мотив похвальбы врага в песне традиционен. Тематически она примыкает к песне «Русское войско выступает в поход в землю шведскую» (см. с. 195). В равной мере песня может иметь отношение и к Северной и к Семилетней войне. В последнем случае появление в песне популярного полководца Б. П. Шереметева (о нем см. с. 410) можно объяснить традицией. *Пруцкий король* — Фридрих II. *Ладанское озеро* — Ладожское (искаж.). *Кодинский... монастырь* — название вымышленное.

4. Мякутин. Сюжет может быть условно отнесен к Семилетней войне. *Пруцкий король* — Фридрих II.

5. Исторические песни XVIII века. *Кюстрин* (Кюстрин) — одна из сильнейших прусских крепостей на Одере. Исторической основой песен этого цикла послужила осада Кюстрина

русскими войсками в 1758 г., а также некоторые эпизоды Гросс-Егерсдорфской битвы (см. о ней на с. 420). Летом 1758 г. фельдмаршал граф Виллим Виллимович *Фермор* (ум. 1771) подошел с армией к Кюстрину и начал осаду. Однако, несмотря на то, что после жестокой бомбардировки почти весь город был сожжен, Фермор вынужден был прекратить осаду. Последовавшая затем Цорндорфская битва, после которой Фридрих II с армией укрылся в Кюстрине, окончательно спасла положение города. Не решаясь штурмовать сильно укрепленный город, Фермор отступил к Висле. *Чернышев*. Речь идет о крупном военном деятеле своего времени, генерал-фельдмаршале графе Захаре Григорьевиче Чернышеве (1722—1784). В ходе Цорндорфской битвы он был захвачен в плен и заключен в Кюстринской крепости. *Краснощекой*. Вероятно, имеется в виду Федор Иванович Краснощек, сын И. М. Краснощекова (см. с. 417), генерал-майор Донского казачьего войска, участник ряда походов и войн с Турцией, Персией, участник Семилетней войны. *Каркас* — картуз (искаж.) — см. Словарь.

6. Киреевский, IX. Исторической основой песни послужил один из наиболее драматических эпизодов Цорндорфского (Франкфуртского) сражения. 14 августа 1758 г. прусские войска под командованием Фридриха II напали на русскую армию при дер. Цорндорф. Первым атаковано подверглось левое крыло русских войск, где стоял новонабранный графом Шуваловым корпус. Пока подошло подкрепление, большая часть нового корпуса была истреблена пруссаками. Именно здесь попал в плен генерал Чернышев (см. предыдущее примеч.).

7. Пивоваров. *Государыня* — Елизавета Петровна. *Генералушку* — *Познышёва*. Лицо не установленное. *Генералушку* — *Салтыкова*. Речь идет о генерал-фельдмаршале графе Петре Семеновиче Салтыкове (ум. 1772), участнике Северной и Семилетней войн. В последней (с 1759 г.) был главным командующим русской армией.

8. Киреевский, IX. Обилие песен на этот сюжет объясняется прежде всего драматизмом ситуации. Сам генерал Чернышев (см. выше) не пользовался в армии особым уважением: его имя в песнях стоит рядом с именами тех генералов, которые связывались в народном сознании с представлениями об армейской муштре. Но Чернышев был пленен в Цорндорфском сражении и этого оказалось достаточно, чтобы образ ре-

ального Чернышева сразу же превратился в традиционный эпический образ «героя в темнице».

9. Киреевский, IX. Песни о гибели Лопухина наиболее многочисленны среди песен о Семилетней войне. Основой их послужили события битвы при дер. Гросс-Егерсдорф, произошедшей 19 августа 1757 г. между русскими войсками и прусской армией фельдмаршала Левальда. Генерал Василий Абрамович *Лопухин* (1711—1757) командовал левым крылом русской армии, которое выдержало основную тяжесть сражения. В самый критический момент битвы, когда левое крыло было смято наступлением превосходящих сил противника, раненный Лопухин, пытавшийся задержать отступающих солдат, был схвачен прусскими гренадерами. Русские гренадеры тут же отбили его, однако он умер еще до окончания битвы. В предсмертной речи Лопухина содержались намеки на беспорядок в армии, на плохое руководство ею со стороны высших начальников.

10. Шейн. В песне изображается один из характерных эпизодов Семилетней войны, разработанный с точки зрения донского казачества. Возможно, что данная песня представляет соединение двух самостоятельных текстов; не случайно между ее первой и второй частями замечается противоречие — в первой дается описание генерального сражения между русской армией и войсками Вензера; во второй Краснощеков (см. с. 417) ставит перед казаками задачу чисто разведывательного характера, что никак не могло иметь места после битвы. Первая часть весьма определенно тяготеет к песням о смерти В. А. Лопухина (см. выше). Исторические контуры имени Вензера неясны. Можно предполагать, что имеется в виду прусский генерал Ведель, командовавший прусскими войсками в сражении при Пальциге (1759).

11. Сборник материалов, вып. 15. 1893. Сюжет известен в XVIII в. в варианте, связанном с именем генерал-фельдмаршала кн. Александра Александровича Прозоровского (см.: Исторические песни XVIII века, № 458). Наиболее разработан сюжет в применении к одному из центральных героев Отечественной войны 1812 г. — атаману Платову. *Краснощеков* — вероятно, Ф. И. Краснощеков (см. с. 419). *Пругский король* — прусский король Фридрих II.

12. Исторические песни XVIII века. Возможно, в сюжете отразились настроения солдат (казаков), большие наборы которых для регулярной армии производились во время

Северной войны 1700—1721 гг. Вероятно также, что песня создана под впечатлением Семилетней войны, в которой приобрел популярность Ф. И. Краснощеков (см. с. 419).

13. Киреевский, IX. Сюжет о раненом *Краснощекове* (так же, как и его имя) весьма условен. Подобные песни широко бытовали в солдатской среде, лирически разрабатывая одну из наиболее драматических ситуаций солдатской жизни — возвращение раненого воина с поля битвы.

14. Киреевский, IX. В песне воспоминания о войне с Турцией переплелись с воспоминаниями о Семилетней войне. *Прусский король* — Фридрих II.

15. Исторические песни XVIII века. В песне отразились впечатления солдат о первом приступе к Берлину в 1759 г. Осада города продолжалась неделю. 22 сентября генерал Г.-К. Г. Тотлебен, командовавший авангардами русских войск, бомбардировал город и предпринял рискованную попытку взять штурмом Бранденбургские и Котбусские ворота. Однако атака русских grenадеров была отбита, и Тотлебен был вынужден прекратить осаду до прибытия отрядов генералов З. Г. Чернышева (в песне — *Чернышевского*) и П. И. Панина. 29 сентября Берлин капитулировал. Характерно, что в песне Чернышеву приписана неудача приступа: так продолжается определенная традиция в разработке этого образа, намеченная в цикле песен об осаде Кюстрина (см. с. 419). Это проливает свет на некоторые особенности создания образа Чернышева в цикле о Чернышеве-пленнике (см. там же).

16. Шейн. В процессе длительного бытования «берлинского» цикла (см. об этом: Исторические песни XVIII века, № 297—320) сложилось несколько редакций, тесно связанных между собой. В основе песни лежит плач прусского короля Фридриха II о Берлине, взятом Ф. И. Краснощековым (см. с. 419).

17. Пыпин. *С Лизаветою Воронцовою*. Елизавета Романовна Воронцова была фавориткой Петра III.

18. Исторические песни XVIII века. В песне отразилась популярность полководца, генерал-фельдмаршала графа Петра Александровича *Румянцева* (1725—1796) в армии. Войска восторженно приветствовали его после победы у Кагула.

19. Исторические песни XVIII века. Сюжет получил наи-

большую популярность в XIX в. Иногда он приспосабливается к событиям русско-турецких войн XVIII в.

20. Киреевский, IX. По-видимому, в песне отразились воспоминания о русско-турецкой войне 1768—1774 гг., в которой главнокомандующим русскими войсками был граф П. А. Румянцев. Александр Васильевич *Суворов* в войне 1768—1774 гг. командовал корпусом.

21. Мякутин. Крым был присоединен к России после первой русско-турецкой войны. В песне отразилась ситуация, сложившаяся уже после нескольких побед в кампанию 1769 г.: русские заняли Хотин, Яссы и Бухарест, осадили *Очаков*; мурзы крымских татар, а также едисанских и белгородских (кочевавших между Дунаем и Бугом), вели переговоры, колеблясь между приверженностью Турции и предложением перейти под покровительство России.

22. Сборник материалов, вып. 7, 1890. По-видимому, героем песни является подполковник граф Семен Романович *Воронцов* (1744—1832), участник первой и второй русско-турецких войн, отличившийся в битвах при Ларге и Кагуле (1770), впоследствии генерал-фельдмаршал. Упоминание в песне *Петра Первого* — анахронизм.

23. Киреевский, IX. Во время первой русско-турецкой войны крепость Бендеры (в песне *Вендера*) была взята штурмом (1770) войсками П. И. Панина, а во вторую русско-турецкую войну (1789) капитулировала по требованию князя Г. А. Потемкина.

24. Мякутин. В декабре 1770 г. русские войска под командованием А. В. Суворова штурмом взяли считавшуюся тогда неприступной турецкую крепость *Измаил*, незадолго до этого заново укрепленную с помощью французских инженеров. Возможно, что в песне отразился и не этот именно штурм: русские войска брали Измаил в нескольких войнах с Турцией.

25. Савельев. Вероятно, песня основана на впечатлениях от первой русско-турецкой войны, когда частью русских войск, действовавших за Дунаем, командовал генерал-фельдмаршал Михаил Федотович *Каменский* (1738—1809).

26. Савельев. Возможно, что в песне говорится о генерале С. Г. Зориче. Он участвовал в нескольких сражениях первой русско-турецкой войны; генеральский же чин получил позднее, когда ненадолго стал фаворитом Екатерины II. О И. М. *Краснощекове* см. с. 417.

27. Исторические песни XVIII века. В основе песни — впечатления от событий лета и осени 1769 г., когда русские войска осаждали, а затем взяли турецкую крепость Хотин. Активное участие в этих действиях принимал генерал А. А. Прозоровский (см. с. 420). *Бендеры* — см. с. 422.

28. Чулков. Ч. III. Адмирал Григорий Андреевич Спиридов (в песне — *Скиридов*) (1713—1790) вместе с Алексеем Григорьевичем Орловым во время первой русско-турецкой войны командовал флотом, одержавшим знаменитые победы в Хиосском проливе и при Чесме в 1770 г. К месту боевых действий русский флот прибыл кружным путем, частью через *Средиземное море*.

Песни об осаде и взятии Очакова. Крепость *Очаков* на берегу Черного моря, вблизи устьев Днестра и Буга, была объектом боевых действий во время нескольких войн России с Турцией. По-видимому, в песнях речь идет о событиях 1788 г. Очаков был осажден войсками генерал-фельдмаршала Григория Александровича *Потемкина* (1739—1791) при содействии русской флотилии, которой удалось частью уничтожить, частью оттеснить турецкий флот, стоявший под Очаковом. По распоряжению Потемкина русская артиллерия интенсивно обстреливала крепость, но штурм долго не предпринимался, так как Потемкин рассчитывал на добровольную сдачу гарнизона. Однако при начале осенних холодов положение осаждавших войск стало крайне тяжелым. По настоянию своих подчиненных Потемкин отправил войска на штурм. После подавления отчаянного сопротивления противника Очаков был взят.

1. Исторические песни XVIII века.

2. Киреевский, IX.

3. «Исторический архив». 1961, № 1. *Березань* — остров в Черном море при входе в Днепровский лиман в 12,8 км от Очакова.

4. Киреевский, IX. *На Миколу* — речь идет о празднике Николы зимнего, приходившемся на 6 декабря.

Земля турецкая. Путилов, 1946. В песне, вероятно, отразились воспоминания о кровопролитных войнах с Турцией.

Возвращение Суворова. Этнографический сборник. 1864, вып. VI. Суворов помимо блестящего полководческого таланта отличался выдающейся личной отвагой. Он много раз был ранен в сражениях, оказываясь на самых опасных участках, подавая пример солдатам и воодушевляя их. *Пруцкой король* — Фридрих II.

Румянцев и красная девица. Шейн. О Румянцеве см. с. 421.

Шведский король требует возвращения городов. Гильфердинг. Т. III. Сюжет, по-видимому, сформировался под впечатлением русско-шведской войны (1788—1790) при Екатерине II. Война была предпринята Швецией с целью возврата отошедших к России в результате Северной войны земель. Не исключено, однако, что в песне отразились и события русско-шведской войны (1741—1743) при Елизавете, первой попытки шведов изменить соотношение сил на Балтийском море. Основные элементы сюжета сохраняются во всех вариантах (см.: Исторические песни XVIII века, №№ 410—436); меняются лишь имена (Румянцев, Шереметев, Суворов, Потемкин); в редких случаях шведский король заменяется прусским. В *Шелементьёвом... дому*. О Б. П. Шереметеве см. с. 410.

Песни о Пугачеве. 1. Киреевский, IX. Песня, вероятно, связана с событиями 1771 г., когда власти распорядились об отправке 500 яицких казаков в Кизляр. Это усилило назревавшее ранее недовольство увеличением служебных тягот. Для рассмотрения жалоб казаков была назначена следственная комиссия во главе с генералом Траубенбергом, который повел себя грубо и жестоко. Это вызвало восстание (1772), во время которого Траубенберг был убит. Последовали жестокие репрессии; попытка казаков уйти с семьями на восток не удалась — им пришлось подчиниться властям. Восстание под руководством Емельяна Ивановича Пугачева началось в сентябре 1773 г., когда был прочитан первый его манифест от имени Петра III. Некоторое время Пугачев с несколькими сотнями восставших оставался в окрестностях Яицкого городка, но, не имея пушек, не решался на приступ

города, где были сосредоточены значительные силы правительственных войск с артиллерией. Двинувшись в обход Яицкого городка, Пугачев захватил несколько пушек в мелких укрепленных форпостах. Казаки Илецкого городка добровольно сдали его Пугачеву. Вскоре восставшими была занята крепость Рассыпная. Оттуда, как это было установлено еще разысканиями А. С. Пушкина, Пугачев пошел в Нижне-Озерную, встретив на пути капитана Сурина, который был послан комендантом Нижне-Озерной, майором Харловым. Сурин был Пугачевым повешен, а его рота присоединилась к повстанцам (Пушкин. Полн. собр. соч. Т. IX, кн. I. М.; Л., 1940. С. 18). Нижне-Озерная была также занята Пугачевым. Затем после штурма была взята Татищева — важнейшая крепость Яицкой линии; здесь находились большие склады оружия. Эти действия вызвали беспокорство оренбургского губернатора Рейнсдорпа. 5 октября Оренбург был осажден войсками Пугачева. На помощь гарнизону Оренбурга прибыл комендант Верхне-Озерной дистанции Оренбургской линии бригадир Корф с 2500 солдатами и 22 орудиями. Взять Оренбург Пугачеву не удалось, но восстание продолжало разрастаться.

2. Чтения. Основной мотив песни навеян, очевидно, успешной обороной Оренбурга (Ленбурха) от войск Пугачева. *Яик-река, Урал-река* — здесь ошибка исполнителя: это разные названия одной реки.

3. Киреевский, IX. В песне использован традиционный мотив тревожных предчувствий.

4. Киреевский, IX. Генерал-аншеф граф Петр Иванович Панин (1721—1789) был последним главнокомандующим войсками, подавлявшими восстание Пугачева. Когда скованного Пугачева везли в Москву, в Симбирске состоялась его встреча с Паниным. По воспоминаниям современников, Пугачев очень смело отвечал на его вопросы. В песне отразилось народное отождествление Пугачева с императором Петром III, которого *сенаторы не могут судить*.

5. РС. 1873, т. 8. Текст представляет собою переделку песни о «сынке» Степана Разина. *Шеферочек* — шарф (искаж.).

Оплошность казаков Агуреева. Савельев. В песне отражено событие, связанное с нападением горцев во главе с Шейх-Мансуром на казачий отряд Ф. Агуреева осенью

1786 г. (см.: Народные исторические песни. С. 371). Использован традиционный прием, характерный для ранних исторических песен (см.: Исторические песни XVIII века, № 100—103). *Линия* — Кавказская военная линия, протянувшаяся от Каспийского моря до Черного. В песне речь идет о Кубанской линии.

Иван Краснощеков — млад охотничек. Савельев. *Кумрека* — река Кума на Северном Кавказе.

Князь Богоматов и донской казак. Савельев. *Бештовы горы.* Гора Бештау и соседние с нею. *Князь Богоматов* — возможно, Баматов, княжеская кабардинская фамилия.

Атаман Сехин. Записки Терского общ. В песне, по мнению Б. Н. Путилова, отразились события, связанные с походом против турок и находившихся под их властью горцев и штурмом Анапы в 1791 г. (Путилов, 1948. С. 130). *Варяжский-князь* (искаж.) — генерал Загряжский. Иван Васильевич *Гудович* (1741—1820), генерал-фельдмаршал, граф, командующий Кавказской линией; 22 июня 1791 г. он штурмом овладел Анапой.

Два невольничка. Пивоваров. Река *Кубань* долго была естественной границей между русскими поселениями и турецкими владениями и немирными аулами. *Росланбек-мурза* — возможно, Росланбек Мисостов, кабардинский князь.

Князь Иловайский проиграл Дон. Мякутин. Т. I. По мнению Б. Н. Путилова, в песнях отразились события, связанные с действиями правительства, направленными на ликвидацию остатков казачьего самоуправления (Путилов 1948. С. 132). *Иловайский* — лицо не установленное. Возможно, что речь идет о фигуре более позднего времени, принесенной в песню: в 1890-х гг. атаманом Донского казачьего войска был А. И. Иловайский. *Наперсточки* — игра вроде бирюлек (см. Словарь). *Черкасский* — лицо не установленное, возможно, вымышленное.

Жалобы солдат на Павла I. Киреевский, VIII. Сюжет традиционный, оформление его близко к песням-плачам о Петре I. В данном случае песня получает более позднее конкретно-историческое наполнение. Почти во всех вариантах устойчиво сохраняется мотив солдатской жалобы. *Катерина Алексеевна* — Екатерина II.

Павел I набирает рекрутов. Записки РГО. 1864, кн. 2. *С турком воевать* — анахронизм: во время правления Павла I войны между Россней и Турцией не было.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ XIX ВЕКА

Песни о русско-персидской войне. В песнях периода русско-персидской войны отразились некоторые исторические эпизоды, последовавшие за присоединением Восточной Грузии к России в 1801 г., а также за введением войск и установлением русского протектората в 1803—1804 гг. в Западной Грузии. В основном носителями этих песен были донские казаки, участники похода в Грузию.

1. Листопадов. В песне отразилась одна из сторон взаимоотношений России и Персии к началу русско-персидской войны: враждебная настороженность персидского шаха к русскому правительству.

2. Листопадов. Непосредственным поводом к возникновению песни послужили события лета 1804 г. под осажденной Эриванью (в песне — *Риванью*; нынешним Ереваном). Русские войска, находившиеся под городом, испытывали недостаток в провианте, поскольку персидские войска выжгли на корню хлеб в ближайших окрестностях и перерезали коммуникации. Чтобы наладить снабжение, князь Павел Дмитриевич Цицианов (*Синциянов*; 1754—1806) послал на разведку команду в 109 человек, возглавляемую майором Монтрезором (в песне — *Ризоровым*). Отряд пробился через вражеский лагерь, но, измученный зноем и жаждой, был окружен силами грузинского царевича Александра и разбит в неравном бою.

3. Савельев. В песне отразились события 1806 г., когда на место предательски убитого в Баку по приискам персид-

ского шаха князя П. Д. Цицианова (*Цинцианова*) был назначен генерал граф И. В. Гудович (о нем см. с. 426). В песнях он является воплощением военной силы России: до 1809 г. он был главнокомандующим русскими войсками в Дагестане и Грузии и возглавлял борьбу с Персией и Турцией на Кавказе.

4. Догадин. В песне изображена картина перед штурмом 1 января 1813 г. под *Ленкоранью* (Азербайджан). Здесь русское войско под командованием генерала Котляревского взяло персидскую крепость. В составе этого войска находилась сотня астраханских казаков под начальством *есаула Попова*.

5. Пивоваров. Надежды Ирана в борьбе с Россией во многом были связаны с *царевичем Александром*, претендовавшим на упрямый грузинский трон и сеявшим в Грузии смуту. В песне отразились попытки русских властей поймать скрывавшегося в Персии Александра.

6. Тумилевич.

Песни о волнениях уральских казаков.

1. Мякушин. В песне отразились события, связанные с введением нового Положения об Уральском казачьем войске, по которому ограничивалась его самостоятельность. Казаки воспротивились введению Положения и начали добиваться его отмены; особенно упорно отстаивал права казаков атаман Ефим Иванович Павлов. Волнения казаков были подавлены в ноябре 1804 г. оренбургским военным губернатором в 1803—1807 гг. князем Григорием Семеновичем Волконским (1742—1824), стоявшим во главе большого войска.

2. Казачий сборник. 1887, № 1. Песня вызвана появлением на Каспийском море астраханских купцов и прочих «чужаков», лишивших рядовых казаков преимуществ в отлове рыбы. *Давид, сын Мартемьянович* — Давид Бороздин, войсковой атаман.

3. Железнов. В песне отразился факт обращения уральских казаков к *царевичу-наследнику*, будущему Александру II, посетившему г. Уральск в 1837 г. Они просили его отменить некоторые нововведения и дать казакам «жить по старому». В ответ на это оренбургский генерал-губернатор отправил четыре полка казаков служить на Кавказе, в Бессарабии, Финляндии и на Нижнеуральской линии.

4. Мякушин. В песне отразился конкретный исторический факт: введение в Уральском войске в 1874 г. Положения о воинской повинности, ограничивавшего самостоятельность войска. Чтобы предотвратить волнения, оренбургский генерал-губернатор вместе с казачьим генералом *Бизяновым* решил взять с казаков подписку о беспрекословном повиновении правительственному распоряжению. Казаки отказались дать подписку и взбунтовались. Последовала жестокая расправа, и около трех тысяч казаков было сослано в Сибирь, в Среднюю Азию и на Аральское море.

Песни об Отечественной войне 1812 года.

Крупнейший песенный цикл XIX века, известный в огромном количестве записей. Круг исторических впечатлений, отразившихся в нем, весьма широк. Песни сохранили воспоминания о пожаре Москвы и о взятии Парижа, о сражении на Можайском поле и о Лейпцигской «битве народов», о переходе через Березину и Вислу и о многом другом. При всем том новых сюжетов в этот период было создано сравнительно немного. Основная же масса песен — это традиционные солдатские и казачьи песни, лишь так или иначе приуроченные к военным событиям 1812—1814 гг.

1. Киреевский. Новая серия. Песня относится ко времени походов 1806—1807 гг. Сюжет ее, скорее всего, сложился под влиянием следующих событий: в 1806 г. Пруссия, находившаяся в союзе с Россией против Франции, была покорена Наполеоном после разгрома под Йеной. За два дня до этого сражения был убит французами племянник короля Фридриха-Вильгельма принц Людвиг, командовавший частью прусской армии.

2. Пивоваров. В песне отразились события 1806—1807 гг. В 1807 г. казачьи полки под командой атамана Донского казачьего войска Матвея Ивановича Платова (1751—1818) осадили *Гутштадт* и причинили значительный ущерб французским войскам.

3. Киреевский, X.

4. Григорьев. Т. I.

5. Уральский фольклор.

6. Киреевский, X.

7. Листопадов. *Черкасский... город* — см. с. 407. *Иловыйский* — см. с. 426.

8. Баранов, вып. II. *Граф Жуковский-генерал*. Речь идет о генерал-лейтенанте Григории Васильевиче Жуковском (1800—1880), имя которого попало в песню, вероятно, случайно.

9. Киреевский, X. Возможно, что в песне отразились события, связанные с подходом французов к Москве. *Платов* — см. с. 429.

10. Киреевский, X.

11. Исторические песни XIX века.

12. Потанин. *Камнем скипером*. — Смысл слова «скипер» не ясен.

13. Бирюков.

14. Якушкин. В песне использован сюжет исторической песни XVIII в. «Шереметев допрашивает шведского майора» (см. с. 207), примененный к 1812 г.

15. «Летопись русской литературы и древности». Т. I. М., 1859. *Лопухов* — возможно, анахронизм, и речь идет о генерал-аншефе В. А. Лопухине (см. с. 420), командовавшем при Гросс-Егерсдорфе (см. там же) левым крылом русской армии и убитом во время атаки.

16. Пивоваров.

17. Лопатин — Прокунин. *Морша* — может быть, Моршанск, город в Тамбовской губ. *Мы поутру рано вставали... под город Варшаву*. Русские вступили в Варшаву в начале 1813 г. *Генерал казак Денисов* — это или казачий генерал А. К. Денисов, сподвижник Суворова, с 1812 г. бывший наказным атаманом войска Донского; или Ф. П. Денисов, казачий генерал, в 1812 г. командовавший партизанским отрядом; или В. Т. Денисов, генерал-майор, герой войны 1812 г. *Женжуря* — смысл слова не ясен.

18. Киреевский, X. В песне отразился факт освобождения *Смоленска* в 1812 г. Французы оставили город без боя. Генерал-фельдмаршал светлейший князь Петр Михайлович *Волконский* (1776—1852) участвовал в боях при Березине.

19. Гуляев.

20. Чичеров. *Можай* — Можайск. *Диким камнем* называли гранит и другие кремнистые породы.

21. Секретов. В этой казачьей песне *Александр I* является предводителем русского войска; казаки же входили в авангард русской армии, преследовавшей французов до Парижа.

22. Киреевский, Х. *Запружу я речку Берёзу*. Под р. Березиной зимой 1812 г. французы потеряли около 30 000 человек.

23. Исторические песни XIX века. В песне речь идет о походе к р. Висла и преследовании отступающей французской армии.

24. Исторические песни XIX века.

25. Мякушин. В песне использован известный сюжет (см. с. 317), примененный к более позднему событию — разгрому армии Наполеона.

26. Листопадов. В этой казачьей песне отразилось знаменитое сражение 4 октября 1813 г. под Лейпцигом, получившее название «битвы народов».

27. Акимова.

28. Киреевский, Х. В песне отразился завершающий эпизод войны 1812 г. *Константин* — великий князь Константин Павлович, брат Александра I.

29. Мякутин. Т. I. В конце 1812 г. были сформированы два полка из оренбургских казаков для похода в Пруссию, а затем во Францию. Один из полков назывался *Атаманским*, другой по имени командира *Белякова*, погибшего в походе.

30. Киреевский, Х. Сюжет песни вымышленный.

31. ОЗ. 1860, № 4.

Песни об Аракчееве. Подобные песни ранее связывались с именами других исторических лиц — Гагарина, Меншикова, а в XIX в. были применены к генералу П. М. Капцевичу и к графу Алексею Андреевичу *Аракчееву* (1769—1834). В песнях отразилось отрицательное отношение крепостного люда к всеильному временщику Александра I.

1. Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Т. 24. Саратов. 1908. В песне использованы мотивы более ранней песни — о князе Гагарине (см. с. 214).

2. Исторические песни XIX века. Песня связана с крестьянским бунтом 1825 г. в с. Грузино и убийством любовницы Аракчеева Настасьи Минкиной. Песенный *Василий Демидов* — это, вероятно, казненный глава бунта Василий Антонов.

3. Исторические песни XIX века. Исполнитель, бывший

военный поселенец, рассказал: «Лет семь шла у нас молва, что скоро забреют. Пришел 1824 год, и открылось в Старорусском уезде поселение. С дозволения государя Александра Павловича приехал граф Аракчеев, собрал крестьян нашего округа в манеж. Чтобы охотнее шли туда, сделали выставку: значит, дал кружки по две каждому водки. Как только выпили мужики, их и забрало — кружки-то были порядочные. Пьяненьких посадили на стулья, выстригли волоса, выбрили бороды, и Аракчеев поздравил с военным поселением. Выходя из манежа, мужички наши живо сложили песню и запели ее». Военные поселения были введены Аракчеевым с 1816 г. Поселенцы обязывались кроме обычных крестьянских работ нести армейскую службу.

Семеновцы в крепости. Народные исторические песни. В октябре 1820 г. произошло восстание *Семеновского полка*. После его подавления весь полк был заключен в *Петропавловскую крепость*, потом расформирован. «Зачинщиков» же прогнали сквозь строй и сослали на каторгу. *Катерина... Алексеевна* — Екатерина II.

Смерть Александра I. Киреевский, X. В песне отразились события, связанные с неожиданной смертью царя в Таганроге и торжественной церемонией траурного поезда из Таганрога в Петербург, продолжавшейся с 12 января по 18 марта 1825 г.

Константин и лейб-гвардейцы. Исторические песни XIX века. Песня связана со слухами и толками в народе о великом князе Константине Павловиче, о его походе с армией в Петербург, с представлением о нем как о «добром царе», в противоположность Николаю I, по мнению народа, незаконно захватившему престол.

Константин и Анна. Чеканинский. Речь идет о великом князе Константине Павловиче и оставленной им жене, доче-

ри немецкого герцога *Анне*, покинувшей Россию в 1801 г.

Царя требуют в Сенат. Григорьев. Т. 1. Песня, вероятно всего, связана с восстанием декабристов. В таком случае *царь* — это Николай I, а *сенат* — Государственный совет. Рассказ о попытке *сенаторов* убить царя и о спасении его братом основан, очевидно, на слухах и толках в народе и на декабрьских событиях 1825 г. *Да с англичанином скумился.* Явный анахронизм. *Брату весть он дал.* Вероятно, речь идет о великом князе Михаиле Павловиче, за которым Николай I послал накануне официального объявления о вступлении на престол.

Песни о русско-турецкой войне 1828—1829 годов. 14 апреля 1828 г. был обнародован манифест о войне с Турцией в ответ на объявленную ею 18 декабря 1828 г. «священную войну» против России. Основные сражения происходили в районах Браилова, Шумлы, Варны, а также на Кавказе.

В песнях этого цикла использовались традиционные сюжеты более раннего времени.

1. Киреевский, Х. *Граф Пашкеев* — генерал-фельдмаршал князь Иван Федорович Паскевич (1782—1856), возглавлявший войска, сражавшиеся в азиатской части Турции.

2. Песни Печоры. *Граф Баскеев* — И. Ф. Паскевич.

3. Савельев. В песне отразились обстоятельства осады турецких крепостей Шумлы (в песне — *Шумной город*) и Силистрии. Одним из казачьих полков командовал полковник *Тацын* 2-й. А. И. Пивоваров так описал гибель этого полка: «Под Силистрию было послано 2 конных полка: регулярный и казачий полк *Тацына*. После отдыха в лесу на поляне регулярный полк под командованием *Хомутова* ушел, а *Тацын* еще остался. Налетели турки и изрубили пять сотен казаков, в том числе полковника *Тацына*. Тело его было узнано по рукам и золотому кольцу» (см.: Пивоваров. С. 114).

4. Исторические песни XIX века. Русские войска осадили, а потом атаковали турецкую крепость *Варну* и взяли ее к 11 октября 1828 г.

5. Сборник материалов. Вып. 15, 1891. *Ирзарюм* — крепость Эрзерум (ныне Арзрум), взятая войсками И. Ф. Паскевича (см. с. 433) в 1829 г.

6. Мякутин. Т. I. В песне отразились события русско-турецкой войны: участие в войне в 1829 г. сводного полка оренбургских казаков под командой есаула И. В. *Падурова*.

7. Сборник материалов. Вып. 15, 1891. В песне в своеобразном преломлении отразилось следующее событие: 7 июля 1828 г. русская армия под командованием брата Николая I великого князя Михаила Павловича взяла после четырехдневного штурма крепость-город *Браилов* (румынский город на левом берегу Дуная).

Песни о событиях на Кавказе. 1. Панкратов. В начале XIX в. укрепленная Кавказская линия проходила по Тереку и Кубани. Последняя по Бухарскому трактату 1812 г. служила границей между Россией и Турцией. К 1821 г. между этими странами обострились несогласия по греческому вопросу. Турция опасалась также и влияния России на Кавказе. Поэтому ею не только поощрялись участвовавшие набеги кабардинцев и черкесов на укрепления и казачьи станицы, но и провоцировались столкновения горцев и казаков. В 1828 г. кабардинский князь Рослаббек *Мисостов* совершил набег на кубанскую казачью крепость *Марьевскую*.

2. Панкратов. В песне отразился поход главнокомандующего на Кавказе генерала Алексея Петровича Ермолова (1777—1861) в *Большую Чечню*. У Ханкалинского ущелья его колонна была остановлена чеченцами, жителями аулов *Атага*, Ханкала и Алда. В сражении принимал участие атаман Гребенского казачьего войска *майор Зачетов*.

3. Исторические песни XIX века. В песне отразились следующие события 1839 г.: при штурме неприступной дагестанской крепости Ахульго, резиденции Шамиля, русские понесли огромные потери. В числе погибших был командир Моздокского полка *Власов* и урядник *Диков*.

4. Пасек. В песне отразился один из эпизодов Кавказской войны. *Зыряны* (Зыряны) — небольшое укрепление в Дагестане, которое в течение шести недель (с 17 ноября по

24 декабря 1843 г.) защищал от горцев отряд подполковника Диомида Васильевича Пассека (1808—1845). Силами горцев командовал наиб Шамиля *Хаджи-Мурат*.

5. Цивоваров. В песне отразился один из эпизодов 1845 г.: Николай I приказал наместнику Кавказа генерал-фельдмаршалу, светлейшему князю Михаилу Семеновичу *Воронцову* (1782—1856) взять резиденцию *Шамиля* крепость Дарго, защищавшуюся огромным войском. Русские несли страшные потери; у них не хватало провизии. Воронцов направил Д. В. *Пассека* из-под Дарго к русским обозам за провиантом. В Ичкеринском лесу на отряд напали горцы и почти полностью истребили его. Погиб и Пассек.

6. Сборник материалов. Вып. 16, 1892. В песне речь идет о начальнике Сунженской линии боевом генерале Николае Павловиче *Слепцове* (1815—1851), командовавшем с 1845 г. казачьим Сунженским полком. Он погиб 10 декабря 1851 г. при взятии завалов на Гехинской поляне в Чечне. В память о нем станица Сунженская стала именоваться *Слепцовой*.

7. Сборник материалов. Вып. 29, 1894. В песне отразились события конца января 1853 г.— во время битвы в Чечне, в долине реки Мичик (*Мечуки*) и ее притока Гонсоли, Шамиль с 8 тысячами конницы и 12 тысячами пехоты потерпел поражение в результате обходного маневра начальника Главного штаба войск на Кавказе Александра Ивановича Бяратинского. Он направил отряд генерал-майора Якова Петровича *Бакланова* (1809—1873), хорошо знавшего местность, через забытый брод на реке Мичик, благодаря чему Бакланов неожиданно появился у Шамиля в тылу.

Песни о событиях в Средней Азии.

1.03.1848, № 8. В конце 1839 — начале 1840 г. отряды Оренбургского казачьего войска были отправлены на Хиву. С. Т. *Циолковский* командовал казачьей конницей, приданной отряду генерала Василия Алексеевича Перовского (1794—1857) для того же похода в Хиву. Соединение отрядов произошло на р. Эмбе (в песне — *Еньбе*).

2. Шейн. *Стрелковский* — С. Т. Циолковский.

3. Мякушин. Вероятно, речь идет о походе четырех сотен уральских казаков в Среднюю Азию для сопровождения военной миссии в Хиву и Бухару в начале 1841 г.

4. Мякутин. Т. I. В песне отразились впечатления от набегов кочевников на казацьи поселения на пограничных линиях. Особенно участились эти набеги в 1837—1844 гг., когда султан Кенесары Касимов открыто выступил против русского правительства. Так, в 1837 г. был уничтожен ряд поселений между Орском и Троицком, а в 1844 г. razорен Екатеринбургский форпост. *Горькая линия* — народное название Новой линии, протянутой в 1835—1836 гг. от Орска до реки Уры.

5. Мякутин. Т. I. В 1842 г. пять сотен оренбургских казаков под началом полковника *Дуниковского* выступили из Орска против султана Кенесары Касимова (*Кенисарова*).

Песни о Восточной войне. 1. Этнографический сборник. Вып. 6, 1864. Севастополь и Кавказ явились основными районами военных действий в Восточной войне, объявленной России Турцией 16 октября 1853 г. Наряду с оригинальными сюжетами в песнях этого цикла используются и сюжеты более раннего времени. *Ултаву* — Алатау (искаж.).

2. Мякутин. Т. I. По объяснению собирателя, *Кукагород* — это кокандский город Ах-мечеть. Оренбургские казаки штурмовали его в 1853 г. *Прапорщик Гурьев* был смертельно ранен во время этого штурма. (См.: Народные исторические песни. С. 388).

3. Гуляев. В основе песни — оборона *Севастополя*.

4. Исторические песни XIX века. Князь Михаил Дмитриевич Горчаков (1793—1861) был главнокомандующим Крымской армией (после А. С. Меншикова).

5. Песни Донских казаков, собранные в 1902—1903 гг. А. М. Листопадковым и С. Я. Арефиным. Вып. 1. М., 1911. *Д. города Черкасского*. См. с. 407.

6. Земля родная. Альманах. Пенза, 1956. Кн. 13. В основе сюжета, вероятно, лежит факт морского перевоза пехотной дивизии и артиллерии из Севастополя в Анаклию во время сильного шторма, продолжавшегося с 17 по 24 сентября 1853 г.

Песни о русско-турецкой войне 1877-1878 годов. 1. Чичеров. В 1877 г. началась русско-турецкая война. *Где наш дед шапку забыл*. Намек на поражение турков в украинских землях.

2. Песни кубанских казаков. Сборник А. Бигдая. Екатеринодар. Вып. 8. [Б. г.]. Песни линейных и терских казаков. В основе песни лежат события 1855 г.— неудачный штурм русскими войсками турецкой крепости, предпринятый 17 сентября Н. Н. Муравьевым. Казачий генерал Я. П. *Бакланов*, которому принадлежала выдающаяся роль в осуществлении штурма и блокады Карса, командовал в это время иррегулярной конницей (см. также с. 435).

3. Путилов, 1946.

4. Минц — Савушкина. *Плевна* — болгарский город, во время войны 1877—1878 гг. превращенный турками в крепость. Осада Плевны продолжалась четыре с половиной месяца. *Князь великий*. Вероятно, речь идет о главнокомандующем русской армией великом князе Николае Николаевиче.

Словарь местных, архаических и малоупотребительных слов

Александрейка — красная бумажная ткань.

Бабаечки — весла.

Багрецовые (сукна) — густо-красного, пурпурового цвета.

Бакеты — возможно, что «бакет» — искаж. «бакаут», род барки, ходившей по Волге.

Банбандеры — искаж. «бомбардиры».

Баса — красота, краса.

Бахилочки ременные — рыбацкие сапоги, подвязанные под коленями; ременные лапти.

Бахманец, бахмат, бахмут — порода лошадей.

Берчатая (скатерть) — тканая на берде, т. е. приставке в виде гребня к ткацкому стану.

Беседы — скамьи; место для беседы под навесом.

Бешмет — стеганый татарский полукафтан.

Бирюлечки — игра, основным элементом которой являются бирюльки — мелкие резные игрушки разной формы.

Бляха — металлическое накладное украшение оружия.

Бунчук — конский хвост, насаженный на древко; символ власти атамана.

Буса — судно большого размера и определенной формы.

Вальящеты — литые, чеканные, точеные.

Варовинны — веревочные.

Вереи — столбы, на которые навешиваются ворота; крюки или перекладина на воротах.

Ветляной — т. е. сделанный из дерева ветлы (вербы, лозы, ивы, ракиты).

Визирь — высший правительственный турецкий чиновник.

Волжаный, таволжаный — из мелкой ивы, тала, растущего на Волге.

Вольянская — см. *вальящеты*.

Воскикали — закричали.

Восьмибляшная — см. *бляха*.

Выходы — дань.

Гавря — гной.

Галанки (пушки) — вероятно, искаж. «голландские».

Гиблются — гнутся.

Гоголь — разновидность дикой утки.

Голячок — нищий.

Гости — торговые люди.

Гривня столовая — т. е. гридня, комната в княжеских покоях.

Губа — залив.

Гунули — грянули.

Дёрники — шорники.

Долгомерный — длинный, дальнобойный (переносн.).

Дорогильные — шелковые.

Досталь — здесь: остальное.

Досюльный, досюлешний — прежний.

Драбанты — телохранители.

Дуван дуванить — делить добычу после набега.

Дугеня — постройка.

Думчие сенаторы — т. е. члены Думы, собрания, Совета.

Елынчата — см. *янычары*.

Живот — в зависимости от контекста: жизнь, богатство, добро.

Зазымливаться — гордиться, хвастать.

Захлинается — заикается, заговаривается.

Изголовь — мыс.

Изойти — захватить враспloch.

Ина — но, что.

Исполать — хвала.

Кабан — кувшин.

Кайсаки — кочевые народы Средней Азии.

Камар — камера.

Камка — шелковая ткань с узорами.

Камчатная — шелковая.

Канаватные (коноватные) — сделанные из легкой восточной шелковой ткани.

Канонеры — искаж. от «канониры» — пушкари.

Карлинские — возможно, от морского термина «карлинс», т. е. продольный брус по судну.

Кармазинная черкесочка — черкеска из ярко-алого сукна.

Картуз — мера порохового заряда.

Кенория (киновия) — монастырь.

Коломенка — лодка установленных размеров и вместимости.

Колочек, колок — лесок.

Корчагою (согнуть) — т. е. по форме корчаги, широкого глиняного горшка.

Косная лодочка — шести- или двенадцативесельная лодка.

Косятчатое (косящатое, косящетоое, косяшное, косещатое) окно — т. е. с косяками или переплетенными вкось металлическими прутьями; обычно — большое окно, выходящее на улицу, а не во двор.

Кочеты — столбики на поперечном бревне кормы лодки, куда вставляется руль.

Крековистый дуб — крепкий, кряжистый.

Кропкое — хрупкое.

Кружало — кабак.

Крущатая — см. *хрущатая*.

Купава — красавица.

Кура — пыль.

Линия — система укрепленных пунктов, построенных казаками на южной границе.

Литоргия — литургия, обедня.

Луб — внутренняя часть коры молодого дерева; то же, что лыко.

Лузь — прогалина в лесу.

Майданы — столы для игры; станичная сборная изба; шалаш; место игры в кости и карты.

Манерочка — походная металлическая фляжка с крышкой в виде стакана; крышка такой фляжки.

Маркитанты — торговцы при армии.

Мары — курганы.

Миткалинный (платочек) — сделанный из миткаля, сурового неотделанного ситца.

Музуры (мазурушки, морзорушки) — матросы каспийских купеческих и промысловых судов, бурлаки.

Муравлен (муравлин) чердак — разукрашенный, расписанный «травками».

Набойницы (лодки) — лодка, сбита из досок.

Након — раз.

Напрокучить — надоест, наскучить.

Наряжаться — собираться.

Нахтарма — изнанка кожи, мездра.

Не воймует — не внимает.

Невыходы — невыплаченная дань.

Некорливая — непокорная.

Немогута — нездоровье.

Оберег — предмет, способный охранить от разных бедствий; заклинание.

Облыгаться — обманываться.

Ободверины — дверные косяки.

Оболокаться — одеваться.

Ограда — граница.

Окучаются — скрываются.

Опришенно — кроме.

Орать — пахать.

Орлений — клейменный казенным клеймом, т. е. проверенного качества.

Острог — укрепленное поселение.

Отноженки — невысокие холмы, ответвления, отходящие от хребта, возвышения между долинками.

Оттужины — распорки.

Охотники — в историко-песенном фольклоре — подставные рекруты, добровольцы.

Палья — от слова «паль» — выжженное место в лесу, на лугу.

Панафида — панихида.

Паруша — баня с паром.

Патрать — марать, пачкать.

Переное крыльцо — т. е. с перилами.

Переходы — коридоры.

Персона — лицо.

Перстирска — искаж. «персидская».

Перфида — искаж. от «порфира».

Пестрядинные (рубашки) — т. е. сшитые из пестряди, грубой пестрой ткани.

Печаловать — заботиться, печься.

Пиченой (монастырь) — вероятно, опекаемый, окруженный вниманием.

Пищаль — пушка или тяжелое ружье, заряжаемое со ствола.

Плутонка — искаж. «плутонг». Стрелять плутонгами — значит, стрелять залпами, действуя мелкими подразделениями.

Погримвать — греметь.

Подсошечек — подставка, подпорка для ружья.

Поляницы — богатыри, богатырки; собирают.: удальцы.

Понять — взять в жены.

Порудити — порушить, убить (см. *руда*).

Постав — буфет.

Постельник — слуга, ведавший спальней, личной казной и платьем; часто — ближайший слуга.

Потопчина — толстая доска, по которой возят грузы в тачках.

Правеж — взыскание с обвиненного ответчика в пользу истца, сопровождавшееся физическим наказанием. Если ответчик не мог заплатить долга, его ставили на правеж, т. е. ежедневно в течение известного времени выводили перед судом и били батогами по ногам. Обычай правеж производился в Москве, перед зданием приказов в Кремле.

Прелестник — обманщик.
Прикладка — складная речь.
Приколочки — частоколы.
Причет, причт — духовенство какой-либо церкви, клир.
Прозритель — провидец.
Пуйны, пуинки — веревки, путы.
Пядь — старинная мера длины в четверть аршина.
Пята — шип, вставленный в гнездо в нижнем углу двери.
Пятина — здесь: район, часть (о Новгородской земле).

Разился — бросался.
Раскаты — крепостные укрепления, валы.
Редуточка — земляное укрепление.
Ременчат (стул) — плетенный из ремней, складной на ремнях.
Рогатки — заграждения, заставы.
Руда — кровь.
Рушать — резать, делить птицу.
Рыбей зуб (о столах) — моржовая кость.
Рытый бархат — бархат с узорами.
Ряды — торговые лавки, магазины, расположенные подряд.

Салма — мучная каша, болтушка.
Сарацины — иноземцы, мусульмане.
Саят — см. *соян*.
Сграбился — схватился.
Сдли — подле.
Семипядная — см. *пядь*.
Сенная девушка — горничная, служанка.
Серпентинные — сделанные из серпентина (полосатого зеленого минерала, змеевика) или украшенные им.
Сиповочка, сиповка, сыповка, сиповинка — свирель, дудка.
Сиповщик — музыкант, играющий на *сиповке* (см.).
Скаченный (жемчуг) — т. е. скатный, крупный, круглый, ровный.
Слега — длинная жердь.
Смета — счет, число.
Смолье — деготь со смолой; применялся в оборонявшихся крепостях для освещения и для сбрасывания на осаждавших.
Смурые (кафтаны) — т. е. темные, неопределенного цвета.

Созямчик (азям) — род кафтана.
Сорочины — см. *сарацины*.
Сорочинские ковры — восточные.
Сорочинское пшено — рис.
Соян, саят — распашной сарафан.
Спавелика трава — т. е. повилика.
Сполать — *исполать* (см.).
Старческая (сумка) — монашеская.
Стрета — встреча.
Сугон — вдогонку.
Сустигли — настигли, догнали.
Съезжий двор — заезжий, постоянный двор.

Тавлеи — шашки, шахматы или игральные кости.
Тал — мелкая волжская ива.
Тарновы — вероятно, искаж. от «терновые».
Ташка (ташечка) — кожаная сумка на ремне.
Тожно — вслед за тем.
Торженные усы — выщипанные.
Тороки — ремешки позади седла для привязывания чего-либо.
Туляются — прячутся.
Тума — выродок, изгой.
Тупейцы — ножи с тупым лезвием и двумя ручками.
Турбачить — беспокоить.
Турский — турецкий.
Тьма — тысяча.

Убрус — фата.
Уздень — свободный горский крестьянин, рядовой горский воин; в Кабарде и Адыгее узденем именовалась особая группа феодалов.
Украйна, украинна — окраина.
Улановья — татарские или турецкие чиновники.
Улус — поселение.
Упадкою (с упадкою) — несмело, нерешительно; «не с упадкою» — без страха.
Упала, в упалу — хорошо.
Урванцы — сорванцы, сорвиголовы.
Урядник — унтер-офицерский чин в казачьих войсках.

- Фата** — большой шелковый платок, покрывало.
Фашинник — прутья, хворост, связанный в фашины, применяемые для укрепления насыпей, редутов.
Фолейтор — искаж. от «форейтор», верховой при лошадях в упряжке.
Форштадт — слобода, поселение вокруг крепости.
Фузея — ружье, мушкет.

- Хирсовый кушачок** — т. е. фризový (из толстой байки).
Хорунжий (хорунжушка) — младший офицерский чин в казачьих войсках.
Хрущета (крущата) камка — т. е. с узорами из кружев.

- Целик** — прицел.
Целовальник — кабатчик, часто — всякая мелкая власть, а также сиделец в кабаке.
Цеповочка — см. *сиповочка*.

- Чембур** (чумбур, чумбурчик) — повод для привязывания коня.
Червлена, червчатая (камка) — красная, темно-красная, багряная.
Чердак — нос судна, бак.
Чернедь — народ, челядь.
Чернеческий чин — т. е. монашеский.
Чеснок — здесь: частокол.

- Шамахайский** (шелк) — см. *шемахинский*.
Шанцы — батареи, окопы.
Шахмат (конь) — вероятно, то же, что «шахматинский», искаж. от «шамахинский», т. е. конь сказочной красоты.
Шеймы — якорные канаты.
Шемахинский (шахматинский) — здесь: восточный, экзотический (о шелке).
Шинкарочка — вероятно, искаж. от «шириночка» — т. е. полотенце, платок или скатерть.
Шипетко — см. *щепетко*.
Ширинка — см. *шинкарочка*.
Шишимора — обманщик, плут.

Щепетко, щепетно, щebetко — щегольски, изящно.

Юхтовый, юхты — от «юфть», сорт кожи, шедшей на обивку, полусубки и проч.

Янычары — турецкая гвардия.

Ярлык — грамота.

Ярыжки — пьяницы.

Ярый — белый, чистый.

Ясак — подать, главным образом пушная.

Ясашный — см. *ясак*.

Основные издания исторических песен

- Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1818.
- Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. VI—X. М., 1864, 1868, 1870, 1872, 1874.
- Исторические песни XIII—XVI веков/Изд. подг. Б. Н. Путилов, Б. М. Добровольский. М.; Л., 1960.
- Исторические песни XVII века/Изд. подг. О. Б. Алексеева, Б. М. Добровольский, Л. И. Емельянов, В. В. Коргузалов, А. Н. Лозанова, Б. Н. Путилов, Л. С. Шептаев. М.; Л., 1966.
- Исторические песни XVIII века/Изд. подг. О. Б. Алексеева и Л. И. Емельянов. Л., 1971.
- Исторические песни XIX века/Изд. подг. Л. В. Домановский, О. Б. Алексеева, Э. С. Литвин. Л., 1973.
- Народные исторические песни/Вступ. статья, подг. текста и примеч. Б. Н. Путилова. М.; Л. 1962 (Б-ка поэта, БС).
- Русская историческая песня/Вступ. статья, подг. текста и примеч. Л. И. Емельянова. Л., 1987 (Б-ка поэта, БС).

Содержание ¹

Исторические песни. <i>Вступительная статья</i>	5
<i>Л. И. Емельянова</i>	

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ XIV—XVI ВЕКОВ

Шелкан	43	<i>395</i>
В з я т и е К а з а н и		
1. «Ох вы гости, гости званые...»	47	<i>395</i>
2. «Вы послушайте, ребята, что мы станем говорить...»	48	<i>395</i>
3. «Среди было Казанского царства...»	49	<i>396</i>

¹ Цифры в левой колонке обозначают страницы текста, цифры в правой колонке (набранные курсивом) — страницы примечаний.

К о с т р ю к

1. «В годы прежние...»	51	396
2. «У нас то было на святой Русе...»	58	396
3. «При нынешних при царях...»	63	396
Набег крымского хана	71	397
Иван Грозный под Серпуховом	72	397
Смерть Михайлы Черкашенина	73	397
Оборона Пскова от Стефана Батория	74	397
Гнев Ивана Грозного на сына	77	397
Смерть царицы	87	398
Иван Грозный молится по сыне	90	398
Правеж	91	398
Терские казаки и Иван Грозный	93	399
Смерть Ивана Грозного	94	399

П е с н и о Е р м а к е

1. «Как на речке было...»	95	399
2. «Думайте, ребяташки, подумайте...»	96	399
3. «Как далече было, дале, во чистом поле...»	98	399
4. «Как проходит, братцы, лето теплое...»	99	399
5. «Как на славных на степях было саратов- ских...»	101	399
6. «На славной Волге-реке...»	103	399
7. «Во славном понизовом городе Астра- хани...»	109	400
8. «Ой на степé, степé, да...»	114	400
9. «По край моря синего...»	115	400
10. «Как у нас было на тихом Дону»	116	400
11. «А и по край было моря синего...»	117	400

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ XVII ВЕКА

Смерть царевича Дмитрия	123	400
Борис Годунов	124	400
Плач Ксении Годуновой	125	400
Гришка Отрепьев	126	400
«Ино что у нас в Москве учинилось...»	128	401
«Как бы во сто двадцать седьмом году...»	129	401
Василий Шуйский	135	402
Ляпунов и Гужмунд	136	402
Минин и Пожарский	137	402
Царь Михаил Федорович	139	403
Поп Емеля	140	403
Поход царя Михаила Федоровича на Астрахань	142	403
Возвращение Филарета	143	403
Песни об Азове		
1. Крымская орда идет на Азов	144	404
2. Взятие Азова	145	404
3. Оплошность казаков под Азовом	147	404
4. Донские казаки и Азов-город	148	404
5. «Собирается православный царь под крепкой Азов-город...»	149	404
Гибель С. Р. Пожарского	150	404
Русское войско под Смоленском	154	404
Царь и бояре решают судьбу Смоленска	155	405
Поход под Ригу	157	405
Соловецкое восстание	158	406
Рождение царевича Петра	160	406
Убийство Карамышева	161	406

 Песни о Разине

1. Разин и казачий круг	162	407
2. Царь требует выдачи Разина	162	407
3. Поход разинцев на Яик	163	407
4. Разин на Каспийском море	165	408
5. Молодец на острове	166	408
6. Разин и девка-астраханка	167	408
7. Разин и воевода	168	408
8. «Сынок» Разина в Астрахани	169	408
9. Есаул сообщает о казни Разина	170	408

Песни разинцев

1. «Ты возмой, возмой, туча грозная...»	171	409
2. «Вы леса наши, лесочки, леса наши
темные...»	172	409
3. «Вы леса мои, леса, братцы, лесочки,
леса темные...»	172	409
4. «Ах туманы вы мои туманушки...»	173	409
5. «Ой не вечер то ли, не вечер...»	174	409
6. «Как по морю было, морю синему...»	175	409
7. «Из-за лесику, лесику, лесочику тем-
ного...»	176	409
8. «Как по три года Азов-город заперче
стоял...»	177	409
9. «Еще что же вы, братцы, призадума-
лись...»	177	409
10. «Ах ты наш батюшка Ярославль-
город!..»	178	409
Расправа с губернатором	179	409

Казачи убивают князя Репнина	181	409
Князь Голицын возвращается в Москву	182	409
Атаман Фрол Минаев жалуется Петру I	183	409
Песни о восстании стрельцов в		
1. «Бывало-де православный царь...»	185	410
2. «Дотолева зелен сад зелён стоял...»	187	410
3. Стрелецкий атаман и царь Петр	188	410
4. Казнь стрелецкого атамана	189	410

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ XVIII ВЕКА

Песни о Северной войне

1. Вещий сон	193	410
2. Солдаты готовятся встретить шведского короля	194	410
3. Русское войско выступает в поход в землю шведскую	195	410
4. Русское войско сражается со шведами	197	410
5. Солдаты готовятся штурмовать Орешек	198	410
6. Казачи встречают царя под Шлиссель- бургом	199	411
7. Взятие Орешка	200	411
8. Шереметев в соборе	201	411
9. Молодец собирается под Полтаву	202	411
10. Шведский король пытается захватить Полтаву	203	411
11. Войска Шереметева разбивают швед- ские полки	204	411

12. Шереметев допрашивает шведского майора	207	411
13. Русские войска берут Ригу	209	412
14. Петр I на корабле	210	412
15. Петра I узнают в шведском городе	210	412
Казакы допрашивают Долгорукова	212	412
Солдаты судят Долгорукова	213	412
Корабельщики бранят князя Гагарина	214	413
Казакы бранят Меншикова	215	413
Загорелась Москва от больших господ	216	413
Царь казнит Долгорукова	216	413
Молодцев отправляют на Ладожский канал	218	413
Пострижение царицы	218	413
 Песни об Игнатиине Некрасове		
1. «Помутился, возмутился наш славный тихий Дон...»	220	414
2. «Возмутился славный наш тихий Дон...»	222	414
3. «На заре то было ранней утренней...»	223	414
4. «Да никто про то не знает, да никто не ведает...»	224	414
5. «На закате было красной солнушки...»	225	414
6. «Сторона ль ты, да вот, моя прежняя сторонущка...»	226	414
7. «Ой да как взошло-то, взошло солнце красное...»	226	414
Поединок казака с турком при Петре I , . . .	227	414
Поход Бековича-Черкасского на Хиву	228	414
Петр I и князь Ганджерин	229	415

Нападение горцев на калмыков	230	415
Краснощеков под Дербентом	231	415
Шереметев набирает солдат для армии	232	415
Петр I возвращается из церкви	233	415
Царь и солдаты в кружале	234	415
Молодец на правеже	236	416
Рождение царевича Алексея	237	416
Царевича Алексея хотят казнить	238	416
Царя встречает Меншиков	240	416
Добрый молодец и Петр I	241	416
Петр I борется с драгуном	243	416
«Как за реченькой за Волгою...»	245	416
«Не бела зоря занималася...»	246	416
«Не во матушке было, было в Россиюшке...»	246	416
«Во славном городе во Санкт-Питере...»	247	416
Вести о восстании на Дону	249	416
Долгорукова ведут на казнь	249	417
«Уж ты ягодка, ты смородинка...»	250	417
Казнь боярина	251	417
«Ох не три поля кручинушки изнасеяно...»	253	417
«Красно солнушко с светлым месяцем пораз- молвилось...»	254	417
Краснощеков в плену	255	417
Краснощеков сражен пулей	255	418
Гибель Краснощекова	256	418
Песни о Семилетней войне		
1. Помощь австрийскому цесарю	257	418
2. Русское войско выступает в поход	258	418

3. Прусский король похваляется захватить русскую землю	259	418
4. Прусский король ведет армию	260	418
5. Осада Кистрина	260	418
6. Разгром нового корпуса	262	419
7. Царица узнает о гибели нового корпуса	263	419
8. Чернышев в плену	263	419
9. Смерть Лопухина	266	420
10. Казаки Краснощекова снимают прус- ские караулы	268	420
11. Краснощеков в гостях у прусского короля	269	420
12. Краснощеков утешает своих казаков	270	420
13. Возвращение Краснощекова	271	421
14. Казаки возвращаются с похода	271	421
15. Осада Берлина	272	421
16. Взят Берлин	273	421
17. Жалобы Екатерины II	274	421
18. Румянцев ведет войско против турок .	275	421
19. Румянцев и Мурхан-паша	275	421
20. Казаки снимают турецкие караулы	276	422
21. Татарские мурзы узнают о победах русских	277	422
22. Воронцов и казаки	277	422
23. Русская армия под Бендерами	278	422
24. Взятие Измаила	279	422
25. Каменский за Дунаем	280	422
26. Зоргин на поле боя	280	422

27. Взятие Хотина	281	423
28. Спиридов и матросы	283	423
Песни об осаде и взятии Очакова		
1. «Ох и что же вы, ребяташки, не пьете, не едите?..»	283	423
2. «Перезяб-то я, передрог, добрый молодец...»	284	423
3. «Мы в лагерях стояли...»	285	423
4. «Как под славным под городом под Очаковом...»	287	423
Земля турецкая	288	423
Возвращение Суворова	289	424
Румянцев и красная девица	290	424
Шведский король требует возвращения городов	292	424
Песни о Пугачеве		
1. «В тем сударыня простила...»	294	424
2. «Ох ты батюшка Ленбурх-город!..»	295	425
3. «Из-за леса, леса темного...»	296	425
4. «Судил тут граф Панин вора Пугачева...»	296	425
5. «Как во славном городе Астрахане...»	297	425
Оплошность казаков Агуреева	298	425
Иван Краснощеков — млад охотничек	298	426
Князь Богоматов и донской казак	299	426
Атаман Сехин	300	426
Два невольничка	301	426
Князь Иловайский проиграл Дон	302	426
Жалобы солдат на Павла I	303	427
Павел I набирает рекрутов	304	427

 ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ XIX ВЕКА

Песни о русско-персидской войне

1. Коронация Александра I и персидский шах	307	427
2. Князь Цицианов под Эриванью	308	427
3. Гудович и персидский шах	309	427
4. Казаки под Ленкоранью	310	428
5. Предчувствие грузинского царевича Александра	311	428
6. Набег грузинского царевича Александра с турецким отрядом на казачью станицу	311	428

Песни о волнениях уральских казаков

1. «На заре то было, всё на зореньке...»	312	428
2. «Ох ты батюшка наш, наказный атаманушка...»	314	428
3. «Не грозна туча из-за облака...»	315	428
4. «Как во пятый было год...»	315	429

Песни об Отечественной войне 1812 года

1. Прусский король тужит о гибели племянника	317	429
2. Русские войска под Гутштадтом	318	429
3. Французский король пишет письмо Александру I.	319	429
4. «Как заплакала Россиюшка от француза...»	319	429

5. «Похвалялись злы французы...» . . .	320	429
6. «Не пыль во поле пылит...»	321	429
7. «Ай да и хвалится хранцуз он выхваля... ой да выхваляется...»	322	429
8. Русские войска получают приказ гото- виться к сражению	323	430
9. Платов во время битвы	325	430
10. «Наш батюшка казак Платов воружался...»	326	430
11. Француз зажигает Москву	327	430
12. Генерал продал Москву	328	430
13. Французы в Москве	329	430
14. Кутузов допрашивает французского майора	329	430
15. «Заводилася война...»	330	430
16. «Собиралась наша сила-армия...» . . .	333	430
17. Русские войска разбивают французов	334	430
18. Солдаты освобождают Смоленск . . .	335	430
19. Платов в гостях у француза	336	430
20. Француз похваляется Парижем . . .	338	430
21. Александр I обвиняет Наполеона . . .	339	430
22. Русские войска преследуют французов	339	431
23. «На границе мы стояли...»	340	431
24. «Обещался наш французик...»	341	431
25. Наполеон получает известие о разгроме армии	344	431
26. Сражение двух армий	345	431
27. «Вы кусты мои, кусточки...»	346	431

28. Русская армия готовится вступить в Париж	347	431
29. Убит полковник Беляков	348	431
30. Девушка в плену у французов	349	431
31. «Разбесщастненький-бесталанненький...»	350	431

Песни об Аракчееве

1. «Бежит речка по песку, по песку, из Питера во Москву...»	351	431
2. «Как за теми за рядами...»	352	431
3. «Загоняли нас, добрых молодцев, в Вели- кое село...»	353	431
Семеновцы в крепости	354	432
Смерть Александра I	355	432
Константин и лейб-гвардейцы	355	432
Константин и Анна	357	432
Царя требуют в Сенат	358	433

Песни о русско-турецкой войне 1828—1829 годов

1. Турецкий султан пишет письмо	360	433
2. Турки похваляются разбить русские войска	361	433
3. Гибель полка Тацына	363	433
4. Взятие Варны	364	433
5. Солдаты Паскевича в походе	365	434
6. Полк Падурова в походе	366	434
7. Русская армия под Браиловом	366	434

Песни о событиях на Кавказе

1. Набег кабардинцев на крепость Марьевскую	367	434
2. Сражение у Ханкалинского ущелья	368	434
3. Смерть полковника Власова	369	434
4. Оборона Зирян	369	434
5. Смерть генерала Пассека	371	435
6. Генерал Слепцов ранен	372	435
7. Солдаты Бакланова идут на приступ	373	435

Песни о событиях в Средней Азии

1. Циолковский на Эмбе	374	435
2. «Мимо лесуку, мимо бору сырого...»	375	435
3. Поход к Сырдарье	376	435
4. Набег кочевников на Екатерининский форпост	377	436
5. Дуниковский отдает приказ идти за Дарью-реку	378	436

Песни о Восточной войне

1. «Издалеча, издалеча, из чиста поля...»	378	436
2. Поход под Кукан-город	379	436
3. Солдаты под Севастополем	380	436
4. Казаки получают приказ идти на сражение	381	436
5. «А ой да ты корми... кормилец ты наш...»	382	436
6. Нахимов ведет эскадру	383	436

Песни о русско-турецкой войне
1877—1878 годов

1. «Как решил султан турецкий...» . . .	384	436
2. Штурм Карса	386	437
3. Песня севастопольских стрелков . . .	387	437
4. Под Плевной	388	437
Примечания	389	
Словарь местных, архаических и малоупотребительных слов	438	
Основные издания исторических песен	447	

Р88 **Русская историческая песня: Сборник/**
Вступ. ст., сост., примеч. Л. И. Емелья-
нова.— Л.: Сов. писатель, 1990.— 464 с.
(Б-ка поэта. Малая сер.).
ISBN 5-265-01488-8

В сборнике представлены лучшие и наиболее ха-
рактерные образцы русской исторической песни.
Собранные в нем тексты охватывают почти 600-летний
период нашей истории. Повествуя о событиях, оказав-
шихся особенно памятными, песни дают яркое пред-
ставление о своеобразии народного взгляда на исто-
рию, о глубине и величии народного патриотизма.

Р $\frac{4702010102-298}{083(02)-90}$ 426—90

ББК 84.Р7

Русская историческая песня

Художник *В. И. Коломейцев*
Худож. редактор *Б. А. Комаров*
Техн. редактор *Г. В. Мисюль*
Корректоры *Е. Д. Шнитникова, Р. М. Данциг*

ИБ № 7731

Сдано в набор 30.11.89 г. Подписано к печати 30.08.90. Формат
70×100¹/₃₂. Бумага офсетная № 1. Литературная гарнитура.
Офсетная печать. Усл. печ. л 18,85. Уч.-изд. л. 19,99. Тираж
50 000 экз. Заказ № 439. Цена 3 р.

Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель».
Ленинградское отделение. 191104, Ленинград, Литейный пр., 36.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Зна-
мени Ленинградское производственно-техническое объединение
«Печатный Двор» имени А. М. Горького при Госкомпечати СССР.
197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

БОЛЬШАЯ СЕРИЯ

Третье издание

Вышли из печати:

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

В двух томах

БОРИС ПАСТЕРНАК

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

В двух томах

МАЛАЯ СЕРИЯ

Четвертое издание

Вышли из печати:

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

М. В. ЛОМОНОСОВ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

КОНСТАНТИН СИМОНОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

215

CONTENTS